

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

3/2010

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. А. АҚЧУРИН

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Е. Г. КОЛЕСНИКОВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

О. И. РЯБОВ

На первой стр. обложки: фрагмент картины

В. Образцов «Заговор»

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны:

62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 3/2010

ПРОЗА

Виктор Кадыров. Знаки неба. <i>Повесть</i>	5
Александр Крячун. Карышкыр – имя человеческое. <i>Повесть</i>	68
Александр Иванов. Брошенная колея. <i>Рассказ</i>	114

ПОЭЗИЯ

Светлана Сулова. Ветер странствий	131
Владимир Михайлов. По ту сторону зеркала	150
Николай Марусич. На струнах сердца	157

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий Сандлер. Барон за прилавком. Наследник. <i>Беседы</i>	171
--	-----

КУЛЬТУРА

Элеонора Прояева. Чтение как «антиматрица»	194
---	-----

Коротко об авторах	202
---------------------------------	-----

*Этот номер «Литературного Кыргызстана»
выпущен благодаря поддержке
Посольства России в Кыргызской Республике
и «Россотрудничества»*

ПРОЗА

Виктор КАДЫРОВ

ЗНАКИ НЕБА

Повесть

Золотая статуэтка

Две тысячи девятый год складывался для Амана неблагоприятно. Иссякли средства на продолжение работ в котловане. Дело замерло. Даже лучшие друзья не станут трудиться без оплаты. Аман их понимал – одними призрачными мечтами о богатой золотой добыче сыт не будешь, а дома у каждого жена, дети. Горячий поначалу энтузиазм давно погас, его едва хватило на первые два года поисков. За это время было сделано немало – внушительные размеры котлована тому подтверждение. Но что делать без денег дальше?!

Аман даже зимой приезжал в Курментинское ущелье и спускался в котлован. Он подходил к заваленному колодезю и с отчаянием смотрел на огромные валуны, которые похоронили его надежды на скорое извлечение клада. Как же Аман был близок к нему прошлым летом! Казалось, еще чуть-чуть и он, наконец-то, коснется древних сокровищ дрожащей от волнения рукой. Жаль, что бандиты нагрянули невовремя. Аману пришлось собственными руками выбивать подпорки, поддерживающие стены колодезца, и похоронить клад на дне. Теперь их разделяла мощная толща каменных глыб и песка. Лишь золотая статуэтка богини напоминала о том, что Аман был в одном шаге от сокровищ. Труд целого сезона пошел насмарку. Чтобы освободить колодезь от массы рухнувшего грунта, потребуется время, люди, техника. Глыбы, завалившие колодезь, придется дробить на более мелкие

части – иначе их не вытащить. На всё это нужны деньги, а их у Амана нет.

Кладоискатель в ярости кусал себе губы. Нынешняя зима малоснежная, вполне можно было вести земляные работы, а весной достичь клада. Но Аман остался один.

Компаньон, который польстился на золотые горы и дал прошлым сезоном Аману людей, компрессор и перфоратор, решил больше не участвовать в поисках мифического клада. Техника и люди нужны были ему для работ, которые сразу приносили прибыль, и он даже слышать не хотел о продолжении раскопок.

– Ты представь себе, – горячился Аман, – ведь даже один процент твоей доли может составить миллион долларов! Я дам тебе десять процентов, ты и твои потомки будете обеспечены на всю жизнь! Клад лежит под завалом!

Но компаньон опускал глаза и качал головой. Нет, с него довольно. Аман будет копать третий год, и никто уже не верит, что он может найти что-нибудь в горном ущелье. Всё это сказки, а жизнь прагматична. Людям нужна пища, одежда и кров над головой – фантазии им ни к чему!

Амана подмывало рассказать компаньону о находке статуэтки, но всякий раз что-то сдерживало его, и он умолкал. Аман боялся даже показать кому-либо изящную золотую фигурку. Вечерами он ставил ее перед собой на стол и внимательно рассматривал со всех сторон. Аман изучил каждую черточку прекрасного изваяния, каждый завиток длинных волос богини. В уголках улыбающегося рта ему чудилась легкая усмешка, словно древняя богиня сомневалась, что Аману удастся достичь вожделенных богатств. Видимо, она знала какую-то, только ей известную тайну, почему ни один смертный не сможет найти этот призрачный клад.

– Духи предков заставили меня искать эти сокровища, – шептал Аман улыбающейся богине. – Я им поверил. И ведь были знаки! Черный бык, которого откопал Успенский, шахта энкавэдэшников, плита с надписями, золотой и серебряный молотки, кости людей и верблюдов, камень с отпечатком моей руки, в конце концов, ты! Ты же реальна, тебя можно пощупать!

Аман с отчаянием смотрел в немые глаза золотой богини, словно надеясь получить от нее ответ. Но статуэтка хранила молчание. Аман вертел ее, ища тайные знаки или отметины. Ведь не

просто так он нашел золотую богиню. В этом мире нет ничего случайного. Должны быть еще знаки для него, Амана, ведь духи предков обязаны ему помочь! Не найдя ничего нового, Аман прятал статуэтку в укромное место и при удобном случае спешил к котловану – он верил, знаки будут!

Поиски компаньона

Но и весной Аман не смог начать работы. Какие только он ни посещал кабинеты и офисы, с какими только людьми ни говорил, тысячу раз пересказывая древнюю легенду о кладе, всюду встречал вежливый, но решительный отказ. Никто не хотел ввязываться в рискованное предприятие. Иногда приходилось возить чиновников и бизнесменов в Курментинское ущелье, показывать им котлован, полусгнившие балки крепежа из шахты энкавэдэшников, потрясать отчетом геофизиков, заставляя читать посетителей то место в отчете, где сказано, что на глубине 27 метров возможно залегание металлического тела.

– В конце концов, почитайте повести Виктора Кадырова «Золото Иссык-Куля» и «В поисках дракона», – кипятился Аман, видя, что его слова не трогают холодные сердца потенциальных инвесторов, – там обо всем написано. Конечно, как писатель, автор дал волю фантазии, кое-что придумал для большего эффекта. Например, то, что я нашел золотую статуэтку, но в целом вся история клада изложена в книгах верно.

Инвесторы ахали, рассматривая внушительный котлован, испуганно заглядывали в полузаваленный колодец, над которым нависала мощная стена скалы, рассеченная гигантской трещиной. Казалось, достаточно небольшого землетрясения – стена обрушится, навсегда похоронив и остатки колодца, и работающих на дне котлована людей. Поэтому со вздохом облегчения посетители спешили покинуть это опасное место. Конечно же, никто из них и не думал читать какие-то книги. И никто не торопился разделять энтузиазм Амана. Все-таки два года поисков – и никакого результата. Кто может дать хоть какие-нибудь гарантии, что клад есть на дне котлована? Аман? Но его маниакальная одержимость скорее пугала инвесторов, чем убеждала в том, что результат будет достигнут.

Ситуацию осложняло еще и то, что в середине лета должны были состояться выборы президента. Действующий президент хотел заручиться поддержкой народа, показать всему миру, что он легитимный глава государства, а не самозванец, захвативший власть путем дворцового переворота. За четыре года, прошедших после так называемой «тюльпановой» революции, которую народ окрестил «днем мародера», поскольку две ночи подряд шло разгромление магазинов в столице, глава государства успел прибрать всю реальную власть к рукам, сделать «карманным» парламент и другие ветви власти, устранить всех недовольных, и теперь хотел, чтобы его всенародно вновь признали президентом. Полной уверенности в том, что все пройдет по намеченному сценарию, не было. Поэтому в воздухе чувствовалось напряжение. Был задействован весь административный ресурс. В головах начальников всех рангов было только одно – обеспечить стопроцентную победу хозяина. Аману всюду говорили: «Приходи после выборов, тогда и поговорим!» Бездействовать до середины июля кладоискатель не мог. Он пытался использовать любые связи и знакомства, чтобы снова начать раскопки в Курменты.

Однажды Аману почти удалось найти компаньона. Кубат, молодой бизнесмен, работавший со строительной техникой, клюнул на приманку кладоискателя и согласился дать на время экскаватор в обмен на процент с будущего клада. Он несколько раз приезжал с Аманом к котловану и осматривал место раскопок. Решено было начать выемку грунта прямо в центре котлована ближе к выходу из него и метрах в двадцати от заваленного колодца. Экскаватор был совершенно бесполезен в колодце. Его ковш никоим образом не смог бы опуститься в колодец, да и близкие скалы не дали бы экскаватору развернуться. А из центра котлована, думал Аман, можно будет попасть в заваленный вход пещеры.

Местные жители из села Курменты жаловались на то, что в родниках стало меньше воды, и винили в этом кладоискателя. Поэтому Аману пришлось слегка нарушить плотину, устроенную им выше по течению реки. Теперь в котлован устремлялся поток воды, обрушивший часть стены и исчезавший в грунте в том самом месте, где собирался копать Аман. Там должна скрываться пещера – ведь куда-то воды уходили!

В начале работ Аман не ожидал, что углубится настолько, и наметил, как ему казалось, достаточно широкий котлован. Но постепенно, уходя вниз, котлован сужался. Тогда, два года назад, Аман дошел до древнего каменного ложа реки, выдолбленного водой в незапамятные времена в толще скалы, и решил дальше работать вручную. Теперь же он не мог продвигаться вглубь без техники. Требовалось расширить котлован. А это означало, что необходимо убрать огромное количество грунта вокруг котлована – целый склон горы, поросший елями, кустарником и скрывающийся под толщей грунта огромные валуны, принесенные сюда древним оползнем.

Но трудности не пугали Амана, его тревожило лишь бездействие. Камни, пусть непомерно большие, не помеха – кладоискатель привык с ними бороться. Аман верил в свои силы, лишь бы были деньги! Почувствовав поддержку компаньона, Аман заторопился: необходимо срочно доставить в ущелье экскаватор. А сделать это непросто, ведь до места раскопок более четырехсот километров! Нужны деньги, транспорт – опять Аман побежал по друзьям и знакомым.

Казалось, уже все трудности позади, удалось договориться обо всем, и тут, словно снег на голову, Кубат объявил, что не сможет участвовать в проекте! Амана будто оглушило громом – он растерялся и не знал, что предпринять. Всё в этом проклятом году шло не так! Богиня явно смеялась над ним!

Аман опустил руки. Видимо, действительно ничего у него не получится до выборов. Все так озабочены этими выборами, хотя и так понятно – у народа нет альтернативы. Придется ждать.

Одна мысль запала в голову Амана и тревожила его душу. Заронил эту тревогу Кубат, когда Аман показывал ему котлован в первый раз.

– Ты землю на себя оформил? – как бы между прочим спросил Кубат.

– У меня есть разрешение из Академии наук на ведение работ, аким местный в курсе, губернатор тоже, – начал объяснять Аман, – да и сам я местный. Другого давно бы курментинцы погнали. Меня сколько раз пытались прикрыть. То им воды не хватает, то дорогу в ущелье перегородил...

Кубат ничего не ответил и сменил тему, но Аман почувствовал в вопросе компаньона скрытую угрозу. С чего это Кубат за-

интересовался землей? Уж не хочет ли в собственность ее заполучить?!

Теперь, когда стало ясно, что до середины июля не удастся начать работы, Аман занялся оформлением земли под котлованом в аренду на 49 лет. Сделать это было, как оказалось, сравнительно просто. Аман успокоился – теперь без его ведома никто не сможет ничего делать на его земле! Хотя он знал, что в Кыргызстане возможно всё!

Неожиданный сосед

Выборы, как и планировалось, прошли спокойно. Оппозиционерам не дали выступить ни по телевидению, ни по радио. Заказан им был и выход на страницы прессы. Иногда виднелись скромные плакаты с портретами опальных партийных лидеров на заборах и столбах. Чтобы выборы были признаны демократичными, у президента должны были быть конкуренты. Сами они ничего внятного сказать не могли и только твердили, что страна наша демократическая и они имеют полное право баллотироваться на пост президента и что именно они смогут сделать страну процветающей. Все понимали, что эти люди играли эпизодическую роль в постановке «Выборы президента». И хотя многие кыргызстанцы голосовали против действующего главы государства, выборы прошли на «ура». Результат был известен заранее.

Аману не терпелось приступить к работе. Он нашел нескольких спонсоров, ссудивших его определенной суммой, и решил, прежде всего, купить достаточно мощный металлоискатель. На приобретение хорошего прибора, который бы «просветил» грунт метров на 30–40, денег не было. Да и этот, с помощью которого можно было заглянуть на 10–12 метров, стоил недешево, и пришлось ждать больше месяца, пока аппарат прибыл из Америки. Но теперь Аман надеялся, что узнает о наличии клада загодя и сможет корректировать поиски. Задержало Амана еще и то, что друзья, отчаявшись ждать, когда металлоискатель начнет раскопки, устроились в разных местах на подработку. Теперь их сковывали обязательства. Аман понимал: семьи надо было кормить. Сам он вынужден был ходить на службу, чтобы как-то продержаться.

Выбрался Аман в ущелье лишь к середине августа. Он поднимался по грунтовой дороге на легковой автомашине и рассеянно смотрел по сторонам. Аман помнил каждый изгиб дороги, каждый камень. Дорога вела в карьер, который располагался выше по склону, чем его котлован. Дорога огибала скальный выступ, и оттуда открывался вид на ущелье Курменты, которое пряталось за горным кряжем.

Вот долгожданный поворот, и сердце Амана судорожно сжалось от внезапно открывшейся картины. Он даже зажмурил на секунду глаза и потряс головой, стараясь прогнать возникшее видение. Сердце наполнилось безграничной яростью.

Прямо напротив его котлована, на другой стороне реки стоял экскаватор! Мало того, вокруг него громоздились горы вынудтой земли. Часть склона была снята, и, судя по отвалам, была сделана большая ровная площадка.

Аман выскочил из машины и побежал к переправе через реку. Копали чуть дальше и выше его котлована, до его раскопок было метров сто, не больше! «Кто?» – один лишь вопрос бился в воспаленном мозгу Амана.

Перепрыгнув по камням через поток, Аман начал карабкаться по склону. Выбравшись на выровненную площадку, он оторопел. Прямо в ее центре зияла круглая глубокая яма. Ее дно было на глубине около пяти метров. На краю стоял экскаватор, с помощью которого и выкопали эту яму. У машины Аман наконец заметил людей.

– Вы что тут делаете?! – завопил Аман и бросился к ним.

В голосе кладоискателя было такое отчаяние и ярость, что один из рабочих тут же юркнул в кабину экскаватора и захлопнул за собой дверцу, другой же оббежал яму и закричал Аману с другой стороны:

– Ты чего, байке, орешь? Мы давно тут работаем.

– Кто разрешил?! – вновь закричал Аман, пытаясь подойти к говорившему.

– А ты кто такой? – запальчиво ответил тот, стараясь держаться от Амана на приличном расстоянии. – У нас есть начальство. Где скажут копать, там и копаем!

– Я – Аман! Это моя земля!

– Сегодня Кубат из города приедет, с ним и разговаривай! – отозвался рабочий.

Аман словно в землю врос. Кубат?! Ведь он же отказал ему в технике! Аман посмотрел на экскаватор. Так и есть! Это же тот самый, который он хотел привезти сюда, в котлован. «Ничего не понимаю, – пронеслось у Амана в голове. – Выходит, Кубат сам начал поиски, без меня. Но почему здесь, на другой стороне реки, а не в котловане?»

Аман махнул рукой рабочим:

– Идите сюда, не бойтесь. Объясните всё толком.

Рабочие сбивчиво поведали, что их привезли сюда и заставили выровнять площадку и копать котлован. Что, зачем, они не знали и отсылали Амана к начальнику.

Аман решил дожидаться приезда Кубата. Тот обязан ему все разъяснить!

Объявление войны

Виктор уже выходил из своего кабинета, чтобы направиться домой, как раздался телефонный звонок.

– Алло! Я юрист и хотела бы вас увидеть и заодно получить автограф на вашу последнюю книгу.

Голос спокойный, молодой.

– Подписать новую книгу? Нет проблем! Но сегодня пятница, я спешу домой. Можно встретиться в понедельник, часов в десять.

Ничего удивительного в этой просьбе Виктор не усмотрел, он часто подписывал книги читателям. Но в голосе девушки ему почудилась какая-то скрытая угроза, хотя тон был мягкий и уважительный. Положив трубку, Виктор еще раз прокрутил в голове услышанную фразу. «Я юрист», вот что несколько смутило его. Простому читателю незачем называть свою профессию, чтобы договориться о встрече. По всей вероятности, у этого юриста есть профессиональный интерес к личности Виктора. Да и замечание «заодно получить автограф» тоже наводило на мысль, что у молодой девушки какая-то иная цель встречи с ним. Виктор не любил, когда им интересовались налоговые инспекторы или юристы. В нынешнее время лучше быть подальше от внимания этих граждан.

Когда в субботу утром Виктор вошел в книжный магазин, его встретила встревоженная продавщица.

– Вы знаете, кто купил вашу последнюю книгу? Мельникофф!!!

Виктор не подал вида, что это сообщение слегка смутило его.

– Замечательно! А вы не предложили ему мою предыдущую книгу? Ведь в «Золоте Иссык-Куля» есть главы, посвященные ему.

– Нет. Он молча купил книгу «В поисках дракона» и сразу же ушел.

В книгах Виктора упоминалось о Мельникоффе, американце русского происхождения, причем весьма нелестно. Виктор не думал, что это могло Мельникоффу понравиться, но, то, что он писал, основывалось на сведениях, добытых из Интернета, газет, многочисленных интервью и впечатлениях одной личной кратковременной беседы с Мельникоффом в стенах своего кабинета.

Сергей Мельникофф сам создал свой имидж «великого путешественника, знаменитого фотографа и непримиримого русофоба», а также «авантюриста, мошенника и вруна».

В произведениях Виктора о поисках древнего легендарного клада Сергей Мельникофф играл незначительную роль, был эпизодической фигурой.

Думал ли Виктор, что его книги прочитает сам Сергей Мельникофф, подозревал ли о той реакции, которую вызовет в нем это чтение? То, что он агрессивен и небезопасен, Виктор знал. Но ничего не мог поделать с собой. Процесс написания книги порой подобен мощному океаническому течению, управлять которым невозможно. Герои, рождаясь в голове, начинают жить и действовать согласно своим законам и логике, вопреки усилиям автора обуздать их и направить по нужному ему руслу. Приступая к работе над очередной главой, Виктор не всегда знал ее конец. Герои сами рассказывали ему свои истории и поступали так, как им заблагорассудится. Стоило Виктору вспомнить о незначительной встрече с Мельникоффом, как тот, словно гигантский смерч, ворвался в повесть «Золото Иссык-Куля». «Клад давно найден. Там была рака со святыми мощами апостола Матфея!» – такое заявление американца не могло не смутить писателя. Но дальнейшие события вкупе с поиском по Интернету развеяли сомнения Виктора – Мельникофф, скорее всего, выдавал желаемое за действительное. Раскопки, которыми занимался Аман в Курмен-

тинском ущелье, ясно указывали на то, что никаких земельных работ до него после 1953 года там никто не проводил.

Конечно, Виктор мог очень осторожно намекнуть на сомнительность заявлений Мельникоффа и оставить его в покое. Но «бес писательства» уже захватил его существо, а герой «Сергей Мельникофф» как будто только и ждал внимания этого беса. Он начал подсовывать Виктору одну свою историю за другой. И каждая из них была настолько яркая и настолько окрашенная эмоциями участников, что Виктор не мог не поведать о ней в своей книге. Писатель насилу прервал рассказ о Мельникоффе и вплотную погрузился в повествование об Амани и его поисках клада. Естественно, Мельникофф тут же исчез из головы Виктора.

Первый предупредительный укол писатель получил от своего друга Сергея Дудашвили. Прочитав «Золото Иссык-Куля», он спросил Виктора:

– Ты чего это так набросился на Мельникоффа? Он тебе что-то плохое сделал?

Виктор ошарашенно посмотрел на друга. Книга, родившись, уходит из мыслей писателя. Он живет ею, пока пишет. Текст повести был написан давно, был он небольшой по объему, и Виктору пришлось сочинять дополнительно несколько рассказов и эссе, чтобы получился приличный томик. Потом текст правил редактор, работал верстальщик и дизайнер, больше месяца Виктор ждал книгу из типографии. Сейчас ему пришлось напрячь память, прежде чем он вспомнил, что именно он написал о Мельникоффе.

– Я ничего не придумал, все взял из Интернета и других источников, – Виктор пожал плечами. Он не мог объяснить Дудашвили, что его герои сами определяют себе место в произведениях. Друг все равно бы не поверил.

Утро понедельника, как обычно, было занято проведением планерки, и Виктор совсем забыл о пятничном звонке. Ровно в десять часов его известили, что какие-то молодые люди ждут его и что они заранее договаривались о встрече. Виктора вновь охватило смутное предчувствие неприятных событий.

Миловидная девушка прижимала к груди папку с документами и книгу «Золото Иссык-Куля». Сопровождал ее высокий полноватый парень с мягкой улыбкой на лице. Он молча сел в предложенное кресло. Девушка, тоже присев, протянула книгу для подписи:

– Я вам звонила...

– Да, я помню, – отозвался Виктор, улыбаясь. – Кому подписать?

– Меня зовут Ильмира. Не «Э», а «И».

– Впервые встречаю такое имя, – признался Виктор и добавил: – Я уже написал «Э».

– Исправьте, пожалуйста, – попросила девушка.

– Хорошо, я подпишу вам другой экземпляр.

Виктор вышел из кабинета, взял с полки книгу и вернулся обратно к гостям. «Видимо, их визит связан с Мельникоффом», – пронеслось у него в голове. Виктор взял авторучку и раскрыл книгу.

– А у вас тут уютно, – подал голос молодой человек. – Наверное, это необходимо для творчества, – предположил он.

– А разве не уютно в наших книжных магазинах? – в свою очередь спросил Виктор. – Мы делаем это не для себя, а для посетителей.

Парень кивнул и продолжал молча следить, как Виктор подписывает книгу. Когда писатель вручил книгу Ильмире и вопросительно посмотрел на нее, парень начал говорить:

– Господин Кадыров, я директор юридической фирмы. К нам обратился господин Мельникофф, чтобы мы защитили его честь и достоинство. Вы пишете о нем в своих книгах.

Виктор внимательно слушал юриста.

– Господин Мельникофф понимает, что вы человек публичный и не захотите скандала. Поэтому он дает вам пять дней на раздумья. Вы можете компенсировать господину Мельникоффу его моральные и материальные издержки, опубликовать в СМИ опровержение всего, что вы написали о нем в своей книге, и он, в свою очередь, не будет доводить дело до суда.

– Все, что я писал о нем, – проговорил Виктор, – не выдуманной мной.

– Да, знаем, – кивнула Ильмира, – мы тоже проверили сайты.

– Если бы вы обратились к нам, мы защищали бы вас. Но к нам обратился за помощью господин Мельникофф, и теперь мы обязаны защищать его интересы. Вот претензии господина Мельникоффа, – парень выложил из папки несколько листов бумаги, сплошь усеянных текстом.

– Можно, я внимательно изучу их потом, – произнес Виктор, взяв бумаги и лишь скользнув по ним взглядом. Этого было достаточно, чтобы уловить в них цифры с многочисленными нулями перед словом «долларов».

– Конечно, конечно, – сердечно запричитал парень. – Вы только вот здесь и вот здесь распишитесь в получении претензий. Тут одна вам, а другая – издательству «Раритет». Вы же директор издательства?

Виктор кивнул и, не читая, расписался в обоих документах.

– Дату поставьте, пожалуйста, – подсказала ему Ильмира и добавила: – Сегодня 22 июня, день начала войны.

Девушка имела в виду Великую Отечественную войну и намекала на предстоящую с Мельникоффом. Виктор понимающе кивнул головой и улыбнулся.

Когда посетители ушли, Виктор пробежал глазами текст претензий. Триста и пятьсот тысяч долларов автору и издательству соответственно предлагается заплатить оскорбленному Мельникоффу плюс признание в СМИ, что Виктор и его издательство распространили ложные сведения о русском американце. «Интересно, – мелькнула у Виктора мысль, – почему Сергей запросил не миллион долларов? Откуда такая скромность?»

Отчего-то Виктору стало жаль юристов. Зависимые они люди. Заплатит им деньги любой проходимец, и они вынуждены будут его защищать. Ведь и отъявленный мерзавец, и закоренелый преступник, не говоря уже об убийцах, имеют право на адвоката. Виктор вспомнил журналистов. Ведь они тоже выполняют определенные заказы, например политиков или бизнесменов. Ищут что-нибудь погорячее, высасывают информацию из пальца, лишь бы привлечь внимание читателей. Грешат против истины, подавая новости в нужном свете. Опять же ради денег.

Виктор еще раз перечитал претензии Мельникоффа. Американец был возмущен тем, что Виктор назвал его мошенником, аферистом и жуликом. Мельникофф использовал даже такие выражения, как «смертельная обида», намекая на оскорбленных Виктором чеченцев. Сергей возглавлял организацию «Движение за деколонизацию Кавказа» и посчитал, что высказывания и сомнения Виктора по этому поводу обижают не только его, но и всех угнетенных Россией чеченцев. Издательству «Раритет» Мельникофф инкриминировал дискредитацию своей фирмы IPV,

которая, по его словам, успешно выполняет заказы многих стран, и книга «Золото Иссык-Куля» бросает тень на ее деятельность. В общем, 300 тысяч с Виктора лично и 500 тысяч долларов с издательства вкупе с общественным покаянием обоих (Виктора и издательства) успокоят возмущенные чувства оскорбленного «великого человека».

Не стоит говорить, что такое 800 тысяч долларов для Виктора. Книжное дело – это нынче не тот бизнес, на котором зарабатывают много денег.

Он приуныл, долго сидел, размышляя, что предпринять. Наконец встал и подошел к полке с книгами. Быстро отыскав среди них «Золото Иссык-Куля», начал перечитывать всё, что написал про Мельникоффа. Да, крутовато. Особенно анекдот про чеченцев. «Ведь мог же не писать, – подумал Виктор. – Мог бы вскользь упомянуть Сергея в обтекаемых формах и дальше пойти». Мельникофф для сюжета практически ничего не значил. А Виктор всю информацию, которую добыл в Интернете, в текст засунул. Никакого чувства самосохранения. Видимо, думал, что Мельникофф далеко, а книга, изданная тиражом в 250 экземпляров, не попадет в руки Сергея. Но повесть разместили на киргизском сайте «literatura.kg», и теперь в поиске на имя Мельникоффа вываливался кусок текста, где черным по белому было написано: «Мельникофф – мошенник, аферист и жулик...» Мельникофф, видимо, проверял периодически информацию о себе в Интернете и таким образом узнал о выходе книги. Будучи в Кыргызстане, он первым делом наведалься в книжный магазин и купил «Золото Иссык-Куля». Теперь Мельникофф приобрел и продолжение – «В поисках дракона», где он также фигурирует в качестве героя. И опять ничего положительного. Дался Виктору этот Мельникофф! Не может он жить без проблем!

Немного успокоившись, Виктор решил, что надо вновь собрать материал о Мельникоффе из Интернета. Три дня он провел в Паутине. Со времени его работы над повестью прошло почти полтора года. Что-то Виктор смог найти, что-то напрочь исчезло из Интернета. Пришлось искать окольными путями. С тех пор Мельникофф успел дать несколько новых интервью, в которых выступал как ярый русофоб. Он заявлял, что действующий президент России, то есть Медведев, «дегенерат на троне», что «русская популяция на 60–70 процентов состоит из моральных уро-

дов, которых желательно уничтожить, а Россию развалить на множество маленьких государств». Кое-кто из посетителей сайтов предлагал привлечь Мельникоффа к уголовной ответственности за разжигание межнациональной вражды. Мельникофф чувствовал себя в полной безопасности и щедро раздавал эпитеты русскому руководству, не стесняясь в выражениях. Почему он не боялся?

Виктор повторил в повести то, что Мельникофф и так читал про себя не единожды в Интернете. И вдруг американец обиделся! Да не просто обиделся, а на 800 тысяч долларов! Круто!

Было сомнение, что американец сможет обратиться в киргизский суд с иском, но специалисты это сомнение развеяли. В киргизский суд мог обратиться любой иностранец. Второй вопрос возник по поводу суммы претензий. Виктор полагал, что истец обязан выплатить определенный процент с запрашиваемой суммы. Те же специалисты подтвердили, что действительно платится десятая часть, но только после подачи заявления в суд. Восемьдесят тысяч долларов – гигантская сумма. Вряд ли Мельникофф заплатит такие деньги, решил Виктор. Доказать виновность Виктора трудно, да и разбирательство может затянуться на годы, а деньги Сергею, видимо, надо будет заплатить сразу и немаленькие. Виктор засомневался, что Мельникофф предпримет такие шаги. Вероятно, он рассчитывал на испуг Виктора. Хотел оглушить огромной суммой, испугать возможными последствиями, пригрозить «смертельной обидой» чеченцев, раздавить морально.

Узнав о переживаниях Виктора, Светлана, его жена, мрачно изрекла:

– Квартиру придется тебе на дочку переписать. Кто знает, как дело обернется! – Потом, заметив замешательство мужа, добавила: – Шучу, а ты сильно не переживай. Если Мельникофф подаст на тебя в суд, я подам на него за оскорбление русского народа. Я – русская, значит, он меня лично оскорбил.

Виктор попытался успокоить жену, сказав, что и без нее в России есть кому заступиться за честь русской нации. К тому же Светлана – его супруга, значит, человек заинтересованный. Тогда Светлана запальчиво заявила, что будет подымать общественность, свяжется с российским посольством, журналистами... Всем миром надо на Мельникоффа навалиться, а то он чувствует свою безнаказанность и рад стараться.

Пять дней пролетели за изучением личности Сергея Мельникоффа. Прочитаны были все его интервью, все статьи о нем, все обсуждения на различных форумах, куча анекдотов про него. Положительная информация практически отсутствовала, кроме явно заказных статей, возможно, некоторые были написаны им самим, под различными псевдонимами. В них разливался елей на «всемирно известного путешественника, фотографа экстра-класса, суперпрофи». Безосновательность претензий Мельникоффа была для Виктора очевидной. Он не стал беспокоить посольство России. Тем не менее, Виктор не был уверен, что все будет так, как ему представляется, и поэтому Виктор решил обратиться за помощью к знакомому юристу.

Тот пожал плечами, прочитав ворох документов, которые притащил ему Виктор.

– Дело выведенного яйца не стоит. Понадобится, мы ему ответ подготовим.

Вскоре Виктору позвонила Ильмира:

– Вы решили, как будете действовать? – деловито осведомилась она.

– А я должен был действовать? – простодушно спросил Виктор.

– Ну конечно. Мы же вам претензии принесли. Вы должны были решить: или деньги отдаете и публикуете опровержение в СМИ, либо мы в суд подаем.

– Третьего не дано? – Виктор продолжал тянуть время.

– Я вас не понимаю. Вы ответ в письменной форме подготовили?

– Подготовил. Только вы свяжитесь, пожалуйста, с моим юристом. Он вам ответ и передаст.

Возникла небольшая пауза. Видимо, ответ Виктора обескуражил Ильмиру. Через несколько секунд она сказала:

– Пусть ваш юрист свяжется со мной.

– Давайте, Ильмира, вы сами ему позвоните и договоритесь о встрече.

– Хорошо, продиктуйте номер телефона.

Виктор назвал солидную юридическую фирму и телефон директора. Закончив разговор, Виктор пожал плечами – они что, думали, будто он не догадается обратиться за помощью к специалисту? Не собирался Виктор отдавать Мельникоффу ни копей-

ки, ведь он был уверен в своей правоте. В Киргизии нет цензуры и провозглашена свобода слова. В своей книге Виктор имел полное право высказывать свои мысли и суждения, если они не противоречат действующему законодательству, не разжигают межнациональную вражду, не призывают к насилию, жестокости или свержению существующего строя. В этом как раз можно было бы обвинить Мельникоффа – имея в виду его высказывания в отношении России. Не Виктор создал имидж Мельникоффу, а он сам и его действия и высказывания. «Ну, что же, Рубикон перейден, – мелькнуло в голове Виктора – Что же будет завтра? Светлана права: если будет разбирательство, то нельзя будет молчать, надо будет осветить все действие в прессе. В Мельникоффе много «жареного», такого, какое любят журналисты».

Через некоторое время Виктор позвонил юристу. Тот подтвердил, что с ним связывалась Ильмира и обещала забрать письменный ответ. Но за письмом никто не пришел ни через день, ни через два, ни через неделю. Виктор подумал, что, может быть, Мельникофф готовит «бомбу»... Кто знает, какими деньгами располагает американец. К сожалению, в этом мире правит «золотой телец».

Но внутреннее чувство подсказывало ему, что и эта страничка его жизни уже перелистана. Водоворот новых событий выдернул Виктора из болота под названием «страсти по-Мельникоффу» и неудержимо увлек его к новым приключениям. Ведь жизнь невозможно остановить.

Клад под водопадом

Летний сезон 2009 года неудачно складывался и для археологической экспедиции академика Плоских. Его постоянно вызывали из лагеря, расположенного на берегу Иссык-Куля. В обществе чувствовалось напряжение, связанное с выборами. Чем ближе была назначенная дата, тем больше суетились и переживали чиновники. Они привлекали на свою сторону всех заметных людей Отечества. В их число попал и академик Плоских. Долгожданное «отшельничество» на Иссык-Куле ежечасно нарушалось телефонными звонками и отъездами в Бишкек на какие-то публичные встречи.

Сергей Дудашили и Виктор, посетив лагерь археологической экспедиции, вскоре решили покинуть его. Без Владимира Михайловича поиски потеряли романтический «шарм», исчезла прелесть вечерних рассказов у костра, «обезглавленный народ» в лагере был скучен, да и находок интересных не было.

Но еще по пути в лагерь два друга свернули с трассы, идущей вдоль озера, и поднялись на машине к предгорьям Кунгей-Алатау. Проехав по грунтовой дороге, они достигли скального массива, который красной стеной преградил им путь. Скалистый хребет в нескольких местах прорезали глубокие каньоны, по дну которых бежали небольшие речки.

В одном из каньонов обнаружилась едва заметная дорога, которая карабкалась по скальным уступам и выходила на узкий гребень между двумя глубокими расщелинами. Она спускалась с красного хребта вниз в просторную долину, пересеченную несколькими небольшими речками. Между ними возвышались высокие и плоские, словно столовые горы, широкие террасы. То тут, то там виднелись небольшие курганы – захоронения древних кочевников. Курганы были опоясаны широкими кругами из камней, некоторые из них были в несколько десятков метров диаметром. Попадались и небольшие захоронения, обложенные четким каменным прямоугольником. Видимо, курганы были разных времен и народов. Ведь на этой территории жили и скифы-саки, и усунь, и тюрки, и калмыки, и карлуки – множество народов и племен. Виктору и Сергею встретились по пути каменные изваяния, охраняющие покой почивших воинов. В одной руке каждое из этих изваяний сжимало чашу, в другой держало меч. Пустые глаза смотрели сурово и отрешенно.

За долиной возвышался основной хребет Кунгей-Алатау. Дорога вела в сторону перевала Тору-Айгыр. Туда на машине не добраться. Виктор знал, что с перевала открывается великолепный вид на ущелье Чон-Кемин и на горное озерко Келькогур, лежащее под перевалом. Озеро, сияющее в солнечную погоду глубоким аквамаринном, окружено скалами и елями. Оно очень живописно, но у Сергея и Виктора нет времени – они спешили в лагерь археологов.

На следующий день вместе с учеными они посетили одно из ущелий Кунгей-Алатау, километрах в пятидесяти от лагеря. В том месте, где ущелье входило в узкую теснину, на береговой

террасе возвышались руины средневековой крепости. Местные жители, как и во многих местах Кыргызстана, заняли внутреннюю часть крепости под кладбище. На крепостной стене, обращенной к Иссык-Кулю, громоздился купол старого гумбеза. Он был виден издали и придавал руинам некую законченность. Казалось, что этот гумбез был неотъемлемой частью крепости и служил ей в качестве дозорной башни.

Виктор ходил около крепостной стены с металлоискателем и обнаружил несколько железных наконечников для стрел, детали конской сбруи, бронзовые нашивки на одежду и кожаные ремни.

Он стал объектом жгучего любопытства со стороны местных жителей. К нему подъехали всадники и некоторое время молча наблюдали за его поисками. Потом один из них, самый пожилой, спросил:

– Золото ищешь?

Виктор отрицательно покачал головой.

– Откуда здесь золото? – ответил он вопросом на вопрос. – Конечно, на этом месте раньше была крепость, но, скорее всего, она охраняла проход через ущелье. Вряд ли в ней хранились несметные богатства. В основном, воины жили.

– Зря ты так думаешь, – тут же отозвался старик. – Раз крепость была, то, наверное, тут и таможенники жили. Плату за проход брали, а может, и караваны на ночлег останавливались. Здесь, по Иссык-Кулю, торговый путь проходил.

Виктор кивнул головой:

– Великий шелковый путь из Китая в Европу – это каждый школьник знает!

– Вот видишь, а ты говоришь, откуда золото? Золота тут ходило видимо-невидимо!

– Что-то я не слышал о находках богатых кладов в районе Иссык-Куля, – возразил Виктор. – Так, отдельные находки...

– Это потому, что ищут не там, где надо! – убежденно проговорил словоохотливый старик.

– А вы знаете, где надо? – воззрился на него Виктор. В каком бы месте он ни начинал поиски, обязательно находился кто-нибудь из местных, который рассказывал либо древнюю легенду о спрятанном неподалеку кладе, либо о счастливых находках, которые случайно находили золотых львов, чаши и прочие доро-

гие подарки Судьбы, либо о таинственной горной пещере с сокровищами, куда никто из смертных не мог проникнуть. На поверку все оказывалось плодом народной фантазии.

Старик хитро посмотрел на Виктора.

– Часть сокровищ лежит в озере, и никогда людям их отсюда не достать, – уверенно начал говорить старик. – А другая часть спрятана в горах. Ее можно найти, но очень трудно. Горы большие, и если не знаешь точно, где лежит золото, то до него не доберешься.

– Есть один человек, который убежден, что точно знает, где спрятан клад, – поддержал разговор Виктор, имея в виду Амана, – так и он третий год копает и никак не может достичь заветного клада!

– Слышал я об этом парнишке, – кивнул старик. – Жаль его.

– Почему? – встрепенулся Виктор. – Может, он не сегодня-завтра найдет клад. Так Аман говорит.

Старик покачал головой.

– Если бы клад был там, где он его ищет, то давно бы уже раскопал его, – все так же убежденно проговорил всезнающий дед. – А, может быть, и не дано ему найти клад, – добавил он.

– Как это не дано? – удивился Виктор.

– А так, – с готовностью откликнулся старик. – У нас здесь в ущелье тоже клад спрятан. Так старые люди говорили, когда я еще молодым был. В верховьях этой реки есть водопад, под ним – вход в пещеру. В ней-то и хранятся сокровища из этой крепости. Только войти в ту пещеру не каждый может. Однажды, еще в двадцатых годах двадцатого века, один русский ученый, изучавший тут древности, хотел найти этот клад. Даже целую экспедицию сюда привел. Все вокруг водопада излазил, все обследовал и ничего не нашел. Ни входа в пещеру, ни клада! Вот я и говорю: не каждому дано! Только избранным!

Виктор пожал плечами.

– Аман верит, что он избранный!

Старик покачал головой и повернул коня в сторону от крепости, вдогонку за уехавшими товарищами. Тем давно надоело смотреть на бесплодные поиски Виктора и слушать непонятный для них разговор. Кроме старика, никто из них не понимал ни слова по-русски.

Покидая лагерь археологов, Виктор и Сергей проехали мимо

села Курменты. Они знали, что в котловане Аман так и не начал свои работы. Виктор вспомнил свой разговор с всезнающим стариком, и у него в памяти всплыли слова Василия Плоских, сына известного академика, сказанные год назад на берегу Иссык-Куля: «Помешался Аман на этом кладе. А если его там нет, что будет? Аман ведь тронуться умом может». И тут же предложил выход: нужно рассказать Амону о другом месте, где спрятан клад – в одном ущелье под водопадом есть вход в камеру, где лежат сокровища, но он открывается лишь один раз в несколько лет, да и то избранным людям. Сейчас Виктор думал, уж не об одном и том же месте говорят Василий и старик, живущий рядом с крепостью?

Встреча с Аманом

С Аманом Виктор встретился лишь осенью. То мешала масса неотложных дел, то, когда он вспоминал о нем, кладоискатель не отвечал на звонки.

Появился Аман совершенно неожиданно и с необычным предложением. Он предложил Виктору долю в своих поисках. Виктор понимал, что кладоискатель нуждается в средствах для продолжения работ. Но и ему самому нужны были финансы для поддержания своего книжного дела, поэтому он категорически отказался.

Непривычно было видеть Амана, одетого не в рабочую робу, как обычно в котловане, а в элегантный костюм.

– Что происходит там у тебя, ты начал все-таки свои работы? – полюбопытствовал Виктор.

Кладоискатель принялся рассказывать о коварстве компаньона, который обманув, начал поиски сокровищ рядом с ним.

– А почему именно рядом? – удивился Виктор. – У него есть какая-то другая информация?

– Он утверждает, что хочет построить отель около моего котлована, – с отчаянием проговорил Аман. – Мол, поверил, что скоро это место станет туристическим объектом, и поспешил за столбить участок. Уверяет, что желает помочь мне. Только я ему не верю. Для чего он на площадке целую шахту вниз прорыл?! Местные люди говорят мне, что он «просвечивал» землю, то есть пользовался металлоискателем или детектором. Я убежден, что

Кубат искал клад! Он решил, что лучше меня знает, где спрятаны сокровища! Что он обнаружил? Я не знаю, да и не хочу знать. В том месте, где копал Кубат, не может быть никакого клада! Я взял у него экскаватор и начал работать. Конечно, у себя в котловане.

– Ну и как?

– К сожалению, вскоре, после начала работ, часть стены рухнула. Мы вышли на водоносные пласты, да и дожди основательно подмыли грунт. Едва удалось спастись.

– Экскаватор-то цел остался?

– Да, – кивнул Аман. – То, что обвалилось, мы уже вытащили. Потом все же пришлось вернуть экскаватор. Но мы и сейчас копаем!

– Сейчас же постоянные дожди, скоро снег выпадет. В горах, наверное, холодно, особенно ночью?

– Это ничего! Мне необходимо до холодов успеть!

– К чему такая спешка? – удивился Виктор. – Подожди до весны, потом и копай. Вряд ли ты сможешь продвинуться в этом году.

– Нет! Я не могу ждать! – энергично мотнул головой кладоискатель.

– Боишься, что кто-нибудь обойдет тебя? – улыбнулся Виктор. – Раньше тебя клад найдет?

– Никто, кроме меня, не сможет даже близко подойти к спрятанным сокровищам, – запротестовал Аман. – Пойми, Виктор, клад не вымысел, он уже так близко. Я уже коснулся его руками... – кладоискатель осекся, боясь сказать лишнее.

Виктор с некоторым испугом слушал разгоряченного посетителя. Он был уверен, что близость клада существовала лишь в больном воображении Амана. Так же горячо кладоискатель убеждал Виктора и два года назад, и прошлым летом, заявляя, что от сокровищ его отделяют всего две-три недели. Но высказывать вслух свои сомнения Виктор не торопился. В решительности Амана улавливалась некая обреченность. От Виктора не ускользнуло, что кладоискатель нервно потирал руки и несколько раз за время разговора повторил:

– Я обязан найти клад как можно быстрее. Лучше будет, если это случится до весны.

– Ты намерен копать зимой?! – в изумлении воскликнул Виктор.

– Да, если понадобится... – отозвался Аман и, помолчав, уточнил: – Если я не найду клад до наступления холодов.

– Зимой в горах выпадает много снега, – возразил ему Виктор, – к тому же грунт промерзнет, его ломом не возьмешь! Зачем такие дополнительные трудности?

– Мне сейчас дали деньги и технику, – пояснил Аман. – Теперь я просто обязан найти сокровища!

Виктор понял, что Аман взял на себя какие-то кабальные обязательства и, возможно, принял помощь от опасных людей, которые, если кладоискатель ничего не найдет, не только потребуют возврата затраченных средств, но и взыщут с него свои проценты. Виктор пожегся от этой мысли и осторожно спросил Амана:

– Может, ты просто откажешься от дальнейших поисков? Попробуй создать инфраструктуру вокруг котлована. Место и так посещается туристами. Создай из него туристический продукт. Какие-то деньги место будет приносить и так. Продвигай его, пусть все турфирмы запланируют посещение котлована группами, можно будет у котлована устраивать ночевку. Кубат же хотел отель построить – по-моему, это дельная мысль. Пещеру твою необходимо вскрыть и обустроить для туристов. – Виктор хотел показать Аману перспективы.

Тот поднял на Виктора взгляд, в котором уверенность была перемешана с отчаянием:

– Не спрашивай почему, но я твердо знаю, что скоро клад будет мой. Это всего лишь вопрос времени.

– Слушай, Аман, – предпринял новую попытку отговорить его Виктор, – я тут обнаружил еще одну легенду о кладе. Он тоже был спрятан в незапамятные времена недалеко от озера Иссык-Куль, в одном ущелье под водопадом. Его в двадцатых годах даже искал известный ученый-востоковед Павел Парфеныч Иванов...

Аман раздраженно махнул рукой:

– Вот в Курменты сокровища выкопаю, тогда и поговорим.

Виктор понял: Амана ничто не остановит. Он не знал, что кладоискателю снится один и тот же сон почти каждую ночь. На дне его котлована зияет черная пасть разрытой пещеры. Аман в волнении спускается по насыпи вниз. Все его существо трепещет от приближения долгожданного момента. Аман вступает под

каменные своды и включает фонарь. Под ногами хлюпает вода, которая вместе с ним стремится вглубь непроглядного мрака. Мечущийся желтый свет фонаря выхватывает из тьмы то один участок каменного туннеля, то другой, натываясь на изъеденные водой и временем стены. Аман ждет, что за очередным поворотом возникнет груда сундуков, наполненных вожделенным золотом, но каждый раз появляется золотая богиня, точь-в-точь как найденная им статуэтка, только огромных размеров. Она таинственно улыбается и встает на его пути. Аман пробует отодвинуть ее, но богиня неподвижна, словно скала. Кладоискатель пытается заглянуть за статую, но она заполняет собой все свободное пространство. От отчаяния и безысходности Аман кричит и просыпается в холодном поту. Насмешливая улыбка золотой богини преследует Амана и днем и ночью. Он должен прекратить это безумие. Клад должен быть найден без промедления, иначе Аман сойдет с ума от этого непрекращающегося кошмара!

Земля кыргызов

Виктор совсем было забыл о существовании Мельникоффа, но в ноябре 2009 года известие о том, что в Бишкеке готовится выставка фоторабот американца, вновь породило в его душе вихрь смутных тревог и ощущение опасности. Весть о грядущем событии принес ему Дудашвили, знающий об особом интересе Виктора к этой личности. Писатель попытался разобраться в своих чувствах: что же вызывало тревогу?

Наверное, то, что Мельникофф постоянно ссылался на свои связи с правительством республики, решил Виктор. По его утверждению, Сергей всякий раз приезжал в Кыргызстан по приглашению кого-то из влиятельных людей. Теперь эта выставка. Она стоит денег, вряд ли Мельникофф выложит свои – не в его это правилах. Тут же вспомнились 800 тысяч долларов, которые требовал с Виктора «фотограф с мировым именем».

Пришлось снова обратиться за информацией к всезнающему Интернету. О выставке там не было ни слова, зато было несколько статей о выходе в свет альбома Мельникоффа «Земля кыргызов». Виктор прочитал пару интервью с «великим» фотографом. Мельникофф в них неустанно себя хваливал, сыпал астрономическими суммами, за которые якобы покупались его

фотоработы: 100 тысяч, 200 тысяч, 300 тысяч долларов за фотографию. Американец рассказывал, как щедро раздаривал свои работы – президентам, королям, Далай-Ламе. Мельникофф, казалось, захлебывался от своего величия и всемогущества. Корреспонденты тоже приходили в восторг от открывающихся перед Кыргызстаном перспектив: Мельникофф откроет красоты наших гор всему миру. Он, и только он, знает как это сделать. У него огромное количество уникальных фотографий дикой природы Кыргызстана и гордых жителей-киргизов. Одна из статей сопровождалась рядом фотографий, доказывающих, по мнению автора статьи, а скорее всего, по мнению Мельникоффа, безоговорочное превосходство «настоящего мастера светописы» над всеми остальными жалкими фотографами, которые смеют называть себя фотохудожниками. Вот фотография киргизского мальчишки, который с восхищением взирает на «большой» фотоаппарат Мастера. На другом снимке сам Мельникофф красуется со своей фотокамерой.

Виктор пожал плечами. Его знакомые профессионалы-фотографы выкладывают немалые деньги за аппаратуру и объективы – это их «хлеб», но они не кичатся этим «железом». К нему нужно еще приложить мастерство и умение, упорство и кропотливый труд. За каждым удачным кадром стоит многолетний опыт, многочисленные поездки и его величество Счастливый случай. Ведь при съемках ландшафтов много значат и свет, и состояние воздуха, и погода, и то необъяснимое, что сильно отличает каждый закат и каждый рассвет. При одних и тех же, казалось бы, погодных условиях они то огненно-красные, будто полыхает все небо, то невзрачно-грязные.

Однажды Виктору посчастливилось сделать целую серию интересных снимков. Это случилось зимой. Всю ночь валил снег, а утро было ясное, морозное. Воздух был прозрачен, в лучах взошедшего солнца небо сияло аквамариновым цветом. Девственно чистый снег укутал деревья, богатыми шапками накрыл памятники. Бронзовые Маркс и Энгельс, мирно сидящие на скамеечке и неспешно ведущие беседу на Старой площади, оказались в объятиях двух круглоголовых белоснежных существ, которые, казалось, подкрались сзади к мировым вождям пролетариата и нежно обняли их, положив поверх бронзовых рук свои мягкие белые лапы и склонив на длинные

пряди волос классиков коммунизма большие пушистые шары-головы.

Снег искрился всеми цветами радуги. Виктор носился из одного конца Дубового парка в другой, фиксируя на камеру это роскошное великолепие. Лишь через час он с сожалением оторвался от созерцания снежного карнавала и вернулся к своей повседневной работе. Ему думалось, что не так трудно будет увидеть подобное зрелище другим снежным днем. Но он ошибся. Прошло уже шесть лет с того прекрасного утра. Каждую зиму ежедневно Виктор просыпался в надежде, что именно сегодня повторится то снежное чудо. И каждый раз его ждало разочарование. Сказка осталась лишь в памяти Виктора да на немногочисленных его фотографиях. Теперь он жалел, что обычная суета отвлекла его в тот день от такого неповторимого чуда!

Внезапно в одном из интервью с Мельникоффом Виктор увидел свое имя. Американец сетовал, что у него в Кыргызстане есть недруги. В действиях Виктора он усмотрел руку Москвы и заказ ФСБ. Тут же стояла ссылка на статьи в Интернете по этому поводу. Одна из них называлась: «Кыргызский Салман Рушди», другая – «Бишкекский Рамзай». Почему Салман Рушди, Виктор сразу понял – это намек на то, что писателю, то есть ему, объявлен смертельный приговор. Вторая статья недвусмысленно указывала на Рихарда Зорге – советского разведчика в Японии, который предупреждал о начале войны Германии с Советским Союзом. Как известно, Зорге казнили в Японии через повешение. Первая статья не желала открываться. Вторая, которая была опубликована на личном сайте Мельникоффа, открылась. На Виктора хлынул такой поток грязи и ненависти с призывом немедленно взять веревку и повеситься, что сомнений у него не было – писал сам Мельникофф, несмотря на то, что автором значился некий грузин Заридзе. Половина текста вообще не воспринималась, автор терял нить рассуждений, захлебываясь от злобы. Дата написания статьи совпадала со временем выставления Мельникоффом претензий к Виктору, то есть более трех месяцев назад.

Виктор пожал плечами. Ему стало жаль, что Мельникофф довольно просто находит людей, с благоговением внимающим его прожекткам. «Что ж, поживем – увидим, – решил Виктор. – Время, рано или поздно, должно расставить все по своим местам».

Интересно было бы посмотреть на фотоработы Сергея – настолько ли они хороши, как тот утверждает? Что касается альбома, то, как понял Виктор, Мельникоффу удалось заручиться поддержкой директора турагентства Кыргызстана и премьер-министра. Виктор увидел их фамилии в перечне соавторов альбома, хотя в одной статье утверждалось, что автором текста был некий киргиз-эмигрант, проживающий в Америке. Даже президент Кыргызстана возглавлял солидный список лиц, имеющих отношение к появлению на свет «Земли кыргызов». Фотография Курманбека Салиевича на фоне огромной фотопанорамы Мельникоффа в рабочем кабинете президента сопровождала текст статьи. Мельникофф открыто хвастался, что сию работу купил один из высокопоставленных киргизских чиновников и подарил президенту, который лично позировал Сергею для этого снимка.

Виктор открыл личный сайт Мельникоффа и просмотрел фотгалерею снимков, которые там демонстрировались. О качестве фотографий он не мог судить, на сайте они были в плохом разрешении, но особого восторга у Виктора они не вызвали. Хотя некоторые были сделаны при удачном освещении и при определенном умении, большинство снимков были темными и невнятными. Фотограф явно грешил съемкой в контровом свете, то есть против солнца, и не всегда ему удавалось выразить то, что он хотел. Виктор помнил замечательные работы киргизского фотографа Ивана Евтушенко, который принципиально снимал только на черно-белую пленку – они поражали зрителя отточенной графикой, выразительностью сюжетов, движением, гармонией. Этого в снимках Мельникоффа, к сожалению, не было. Виктор был знаком и с работами Александра Федорова, Алимжана Жоробаева, они вызывают восхищение – сколько в них жизни, красоты, чувства остановившегося мгновения! Виктору стало обидно, досадно, что киргизские чиновники не видят или не хотят замечать отечественных прекрасных мастеров, а поддаются на разглагольствования заезжих «гастролеров».

Прошло еще пару месяцев, Виктор ничего не слышал больше ни о выставке, ни об альбоме. И лишь в конце января следующего года ему сказали, что на здании музея изобразительных искусств висит огромный плакат, извещающий о выставке фоторабот Мельникоффа. Дата открытия – 11 февраля. Виктор почувствовал: приближается час «икс». Ему казалось, что эти собы-

тия – выставка американца, выпуск альбома «Земля кыргызов» – каким-то образом изменят ситуацию в стране. Виктор отчетливо представлял себе, кто такой Сергей Мельникофф – авантюрист, русофоб, человек, не умеющий и, видимо, не желающий скрывать свои неприязненные чувства к любому, кто позволит себе усомниться в его исключительности и гениальности, мстительный и умеющий легко манипулировать людьми, играя на их слабостях. И если Мельникофф получит после выставки официальное и общественное одобрение, то окажется в числе влиятельных в Кыргызстане людей. Тогда, подумал Виктор, Мельникофф обязательно вернется к вопросу об издательстве «Раритет» и об авторе повести «Золото Иссык-Куля». Поддержка разгневанного американца со стороны правительства и президента страны, очевидно, будет не в пользу Виктора.

По всей вероятности, Мельникофф уже решил, что настал его час. Он был близок к заветной цели. Почти двадцать лет он «окучивал» разные страны, навязывая свои умопомрачительные проекты: то узбекская антарктическая экспедиция, то восхождения на Хан-Тенгри, пик Победы, Эверест, то полет в космос и прочая и прочая. Продвигая себя, кричал он и о находке мощей святого Матфея, которые предлагал по сходной цене в 50 миллионов долларов, на все лады расхваливал свое востребованное искусство фотографа. И вот наконец-то клюнуло! Киргизское правительство дало Мельникоффу деньги на выпуск его знаменитого альбома, киргизский банк спонсировал проведение фотовыставки. Сергей уже видел себя на вершине Олимпа! И... дал слабинку.

Виктор с удивлением смотрел его интервью киргизскому телевидению, в котором Сергей с необыкновенной легкостью признался, что находка святых мощей была всего лишь фарсом, шоу для своего пиара! Виктор не верил своим ушам. Столько времени повторять всем и везде эту откровенную липу, оскорблять почтенных людей, сомневающих в его словах, и вдруг так запросто признаться, что заявление о находке мощей святого Матфея просто ловкий ход с целью привлечения внимания к своей персоне. Да, Мельникофф поверил в свою звезду, раз пошел на такое откровение. Он еще не знал, что кое-кто приготовил ему кукиш в кармане!

Один из депутатов республиканского парламента решил

полнобюджетно выставить, что за человек выставляется в стенах музея изобразительных искусств. Открыв сайт Мельникоффа, депутат в ужасе схватился за голову: на него вылился огромный ушат ненависти ко всему русскому, откровенные оскорбления в адрес президента Медведева и премьера Путина. Получается, что устраивая выставку работ такого одиозного человека, Кыргызстан косвенно поддерживает его. И закрутилась карусель!

В стенах парламента – Жогорку Кенеша – директор департамента культуры потрясал огромным фолиантом «Земля кыргызов», пытаясь доказать, что политика тут ни при чем, а книга и выставка полезны стране для привлечения туристов и для имиджа Кыргызстана в целом. На следующий же день глава департамента оказался не у дел. Распоряжением президента он был снят с должности. Аппарат президента тут же открестился от фотографии своего босса на фоне мельникоффской панорамы – нет такой в его кабинете, и никто не давал разрешения Мельникоффу фотографировать президента. Значит, и тут липа!

Виктор с интересом наблюдал за ходом развития скандала. Глава турагентства, давший деньги на печать альбома, уверял, что 100 тысяч долларов небольшие деньги, Мельникофф просил в два раза больше. Руководство банка, спонсирующего выставку, объявило, что не знает Мельникоффа и что его рекомендовал один уважаемый человек. Все люди, причастные к приглашению американца в Кыргызстан, в один голос твердили, что страна только бы выиграла от выставки уникальных работ Мельникоффа.

Виктору хотелось хоть одним глазком посмотреть на эти фотографии и полистать альбом. Судя по внушительному формату издания, которое демонстрировал глава департамента культуры, это мог быть действительно интересный альбом.

Газетчики и телевизионщики спешили на «горячее». Все не преминули пнуть вдогонку Мельникоффа и тех, кто был причастен к выставке и выпуску альбома. Оскорбились и киргизские фотографы. Они посмотрели книгу и сказали: «Фи!» Их не устроило ни содержание альбома, ни качество снимков. Промелькнуло высказывание, что некоторые фотографии сделаны вовсе не в Кыргызстане – видимо, Мельникоффу не хватало материала на заявленный объем книги.

В какой-то момент и Виктор был втянут в эту круговерть со-

бытий. Ему позвонили из дирекции музея изобразительных искусств и попросили принять участие в экспертной оценке альбома «Земля кыргызов» в качестве издателя. Оказалось, что вопросом выпуска альбома заинтересовалась финансовая полиция республики. Наконец-то Виктор увидит книгу, вызвавшую такие горячие споры маститых местных фотографов с приверженцами искусства Мельникоффа. Испытывая волнение, он отправился в музей.

То, что он там увидел, привело его в состояние легкого шока. Поразила мрачность альбома – большое количество фотографий было выполнено в контровом свете, именно то, что Виктору не понравилось в галерее на сайте Мельникоффа. Масса черной пустоты, много нечетких, неясных изображений. Какие-то закатные облака, сверкающая водная гладь... Некоторые виды Виктора сразу смутили – возникло ощущение, что это снято не в Кыргызстане. Он много путешествовал по всей республике, для него Тянь-шаньские ландшафты были узнаваемы. Хотя, конечно, горные пейзажи в разных местах нашей планеты схожи, но, все же, есть значительные различия. Альпинист с одного взгляда определит вершины Гималаев, Тянь-Шаня, Памира. В альбоме же была явная «каша». Снимок фрагмента многоводного водопада вызвал у Виктора воспоминание о его недавней поездке в Африку. Без сомнения, на снимке был водопад Виктория на реке Замбези. Облачный закат на озере не вязался с представлением Виктора об Иссык-Куле – там нет подобного полуострова с остроконечной вершинкой, напоминающей вулкан. То же ощущение вызвал и снимок двух небольших островков на фоне сверкающего моря. Виктор в смятении закрыл книгу.

– Я должен проверить кое-какие фотографии, мне кажется, что это не Кыргызстан, – сказал Виктор администратору музея.

– Да это не важно, – ответил тот. – Финполиция просит оценить стоимость альбома, исходя из его качества.

– Но, позвольте, – возмутился Виктор, – если в альбоме откровенная «липа», то налицо прямой обман заказчиков, то есть Кыргызстана, со стороны Мельникоффа!

– Нас не просят оценивать качество фотографий, – начал администратор, но Виктор прервал его:

– Вы же представляете музей изобразительных искусств! И у вас должны быть искусствоведы, эксперты. В конце концов,

вы дали разрешение на проведение выставки фоторабот Мельникоффа в стенах музея. Судя по альбому, не так уж много работ, которые тянут на выставку. В альбоме есть коллажи, то есть фотомонтаж – для такого издания он не уместен. Часть книги – прямая реклама Мельникоффа и его компании, а не Кыргызстана.

– К сожалению, у нас нет эксперта по фотоработам, – начал оправдываться администратор, – да и наше сегодняшнее финансовое положение не позволяет отказываться от выгодных предложений...

Виктор подумал, что незачем ему лезть не в свое дело. Мрачные фотографии или не мрачные, с перекошенными лицами киргизы-номады на фотографиях или не с перекошенными – это проблемы Мельникоффа. Нравится ему так снимать – это его личное дело, и никто тут ему не указ. А вот давать ему государственные деньги или не давать – это уже дело чиновников от туризма, культуры и прочих иже с ними. Вот с них-то и надо спрашивать, а Мельникофф молодец, если умеет обхаживать государственных деятелей, которые мнят себя способными решать, что есть искусство, а что нет.

Большинство сомнений Виктора по поводу фотографий оправдались. Еще раз открыв сайт Мельникоффа, он увидел, что все снимки были аккуратно подписаны: закат на Камчатке, залив в Нью-Мексико, водопад Виктория... Даже на суперобложке альбома «Земля кыргызов», оказывается, была изображена Камчатка. Интересно, что этим хотел сказать Мельникофф?! Хотел сделать подарок киргизам?

По всей видимости, издание альбома с самого начала было аферой – кто-то еще, кроме Мельникоффа, нагрел на этом руки. Несомненно, разбираться в данном деле должны соответствующие органы.

А как же сам Мельникофф отреагировал на разразившийся скандал? Не в его правилах молчать. Виктор открыл несколько сайтов – Мельникофф рвал и метал. Смешивая всех с грязью, грозил Кыргызстану и лично президенту многомиллионным штрафом.

Виктор поморщился, прочитав утверждение Сергея, что фотографии, судившие в Кыргызстане об искусстве «непревзойденного мастера», были набраны на Ошском базаре, что их удел

– это уличная фотография, а аппаратура – допотопные «ФЭДы» и «Зениты».

Виктор не удержался от возгласа возмущения, когда прочел далее, что руководимая Мельникоффом фирма в 90-х годах двадцатого века прогнала на киргизском телевидении более 50 серий фильмов о путешествиях и приключениях. Насколько он помнил, дальше рекламы этих будущих фильмов дело так и не пошло.

Виктор задумался: а может быть, его повесть «Золото Иссык-Куля», в которой раскрывалась сущность Сергея Мельникоффа, послужила толчком для скандала вокруг выставки и фотоальбома? Мог же кто-нибудь из депутатов прочитать повесть и вспомнить о ней, увидев огромный плакат с именем «Мельникофф»? Хотелось бы верить, что депутаты читают книги. Тем более, что книг не так много сейчас выходит в Кыргызстане. К сожалению...

В который раз Виктор заставил себя выбросить из головы всё, что связано с именем «великого комбинатора». Реальный мир, в котором он существовал, путешествовал и создавал новые книги, был бесконечно далек от иррационального, вымышленного мира, созданного Мельникоффом.

Только один вопрос озадачивал Виктора: почему их миры постоянно пересекаются? Но пути Господни неисповедимы!

Зимнее погружение

В Курментинское ущелье Виктор попал совершенно неожиданно, в самый разгар зимы. Небольшая группа дайверов запланировала тренировочное погружение на глубину 30 метров на Иссык-Куле. Виктор решил к ним присоединиться. Во-первых, ему никогда прежде не приходило в голову лезть зимой в ледяную воду. Во-вторых, попав на Иссык-Куль, можно было проехать к месту раскопок Амана. Виктор знал, что кладоискатель до сих пор ведет работы. Он несколько раз видел Амана в Бишкеке. Техника не выдерживала суровых условий в борьбе с промерзшим грунтом, постоянно ломались то одни, то другие части экскаватора, и Аман бросался в город на розыски запчастей. Он твердо решил, что не отступит ни при каких обстоятельствах. Аман

убеждал своих людей, что сейчас мороз на их стороне: он сковал монолитом отвесные стены котлована и можно не бояться обрушения.

Дайверов было пятеро: один опытный инструктор и четверо «студентов». В их число входил и Виктор. При низкой температуре воды аквалангисты используют специальные костюмы «сухого типа». В отличие от «мокрых», в которых вода циркулирует свободно, «сухие» костюмы герметичны, что позволяет надеть на себя теплую шерстяную одежду. Открытыми остаются лишь те части лица, которые не закрываются шлемом или маской. Руки защищают толстые перчатки. Виктор, не имея специальных перчаток, надел обычные, более тонкие. Он решил, что при первых признаках переохлаждения всплывет. Теплопроводность воды больше в 20 раз, чем воздуха. Поэтому, даже при такой, казалось бы, комфортной температуре, как плюс 18–20 градусов, тело человека в воде быстро начинает терять энергию и охлаждается. Изменение температуры воды на один-два градуса воспринимается человеком как значительное. При температурах, близких к нулю, переохлаждение может наступить очень быстро.

Словно закованные в броню рыцари, дайверы, взвалив на плечи запровленные баллоны с воздухом, тяжело ступая, направились к лодке. В воде они обретут долгожданную легкость и свободу. «Сухой» костюм устроен таким образом, что обеспечивает плавучесть на любой глубине. Для этого он подключен к баллону со сжатым воздухом. Пловец то подкачивает воздух в костюм, то стравливает его, и в зависимости от этого дайвер либо погружается, либо всплывает. При желании он может «зависнуть» в любой точке погружения.

В двухстах метрах от берега виднелись круги садков, в которых разводилась рыба. Внутри них кишела радужная форель.

Подплыв к одному из садков, дайверы поочередно покинули лодку. Виктор, придерживая маску рукой, шагнул вперед за борт лодки. Уйдя по инерции под воду, он тут же появился на поверхности. Слегка заполненные воздухом костюмы, словно поплавки, надежно держали аквалангистов. Наконец, все пятеро были в воде. Инструктор подал знак погружения, и дайверы, каждый согнув левую руку в локте и приподняв ее над головой, скрылись под водой. На рукаве левой руки был установлен клапан, через который пловец стравливал «лишний» воздух из костюма.

Свинцовые грузы на поясах неудержимо тянули дайверов вниз. Они так и погружались, словно застыв в каком-то прыжке. Ноги в ластах слегка согнуты, правая рука прижата к животу, а левая приподнята вверх. Чем глубже опускалась группа, тем больше была скорость погружения. На дайверов давила масса воды, которая была над ними. Чтобы снизить скорость погружения, аквалангисты слегка подкачивали свои костюмы. Снова стравливать воздух из костюмов они будут лишь на обратном пути, чтобы снизить скорость всплытия. Подниматься можно при скорости не более 12 метров в секунду, иначе азот, который скапливается в крови аквалангиста за время погружения, вскипит, что принесет человеку невыносимые страдания и, возможно, смерть. От каждого дайвера вверх устремлялись облака выдуваемых пузырьков воздуха. Они весело всплывали, непрерывно увеличиваясь в размерах и заставляя бурлить озеро в месте погружения.

Дайверы скользили вниз вдоль сетчатой стены садка. Сквозь лохмотья тины, которая покрывала сетку, можно было наблюдать, как тысячи рыбин внутри садка непрерывно снуют туда-сюда, словно молекулы в броуновском движении.

Прошло около двадцати минут погружения, и Виктор ощутил, что ладони рук начали мерзнуть. Видимо, нарушилась циркуляция крови из-за того, что запястья были сильно сжаты узкими резиновыми рукавами костюма. Да и тонкие перчатки давали о себе знать. Виктор подал сигнал инструктору, что замерз. Тот знаком разрешил Виктору начать всплытие.

Теперь следовало контролировать скорость подъема. Виктор наблюдал за поднимающимися вокруг него пузырьками воздуха. Они начинались от уходивших вниз товарищей, которые вскоре и вовсе скрылись из виду, растворившись в синей мгле бездны. Лишь пузырьки напоминали о том, что дайверы там, внизу. Виктор старался подниматься медленнее, чем всплывают пузырьки воздуха, при необходимости «стравливая» лишний воздух из костюма. На серебристой переливающейся поверхности пузырьков он видел свои миниатюрные отражения. Чем глубже уходили под воду аквалангисты, тем крупнее становились поднимающиеся вокруг Виктора пузыри воздуха.

С трудом выбравшись из воды – руки плохо слушались его – Виктор кое-как стянул костюм с помощью товарища, дежурив-

шего в лодке, и принялся растирать посиневшие ладони. Приток горячей крови отозвался пронзительной покалывающей болью. Вода, стекающая с акваланга, тут же превращалась в лед. Температура воздуха была более 10 градусов ниже нуля.

Виктор с наслаждением пил обжигающий чай из термоса, поглядывая на спокойную гладь озера. Внезапно невдалеке показались два дайвера. Один из них буквально вылетел из воды, словно надувной резиновый мячик, и закачался на волнах, раскинув в стороны ноги и руки. В раздутом костюме он напоминал резиновую куклу. Одновременно над водой раздался надрывной кашель, переходящий в крик. Второй пловец, Виктор узнал в нем инструктора, придерживал первого за голову и пытался как-то помочь ему. Лодка немедленно направилась к всплывшим.

Передав пострадавшего дайвера дежурному аквалангисту и Виктору, инструктор вновь ушел под воду. После экстренного всплытия вероятность вскипания азота в крови была очень высока, инструктору необходимо было вновь уйти на глубину и начинать всплытие, делая специальные остановки, чтобы дать время азоту выйти из сосудов. Да и два оставшихся «студента» все еще находились на дне.

Вытащенный «студент» лежал на дне лодки и постепенно приходил в себя. Наконец он оправился настолько, что Виктор и дежурный смогли помочь ему снять «сухой» костюм и напоить горячим чаем. Он рассказал, что на глубине захотел избавиться от воды, попавшей в маску. Воды было немного, но ему показалось, что это представляет для него какую-то опасность. Он слегка оттянул маску от лица и выдохнул воздух. И тут произошло нечто непонятное. Вместо того, чтобы просто выдохнуть воздух через нос, дайвер так резко сделал выдох ртом, что выпустил загубник и остался без доступа воздуха. Ему стало страшно. Глубина была более тридцати метров. Несчастный пловец остро осознал, что подняться на поверхность и сделать живительный вдох он не сможет.

Инструктор, постоянно следивший за «студентами», заметил неадекватное поведение одного из них и тут же устремился к нему на помощь. Он поймал болтающийся сбоку дайвера загубник и попытался засунуть его в рот пловцу. Но тот выплюнул загубник обратно: вода стояла у него в горле, и он не смог сделать вдох. Тогда инструктор, обхватив руками теряющего сознание

дайвера, резко взмахнул ластами, одновременно поддувая костюм товарища воздухом. Их понесло вверх, к поверхности.

Пловец спасло то, что остатки воздуха в легких при подъеме с глубины увеличились минимум в три раза, и этого оказалось достаточно для последнего мощного выдоха-крика. С хлопотанием вырывался воздух из легких, насыщенный водой, словно фонтан из ноздрей всплывшего кита.

Уже в машине, направляясь в Курменты, к Аману, Виктор вспоминал слова, сказанные ему спасенным «студентом»: «Ты знаешь, умирать, оказывается, совсем не страшно. Паника куда-то исчезла, и мне стало так спокойно. Мне показалось, что я вижу себя и инструктора со стороны, словно я уже был вне своего тела».

Как же хрупка человеческая жизнь, как внезапно она может оборваться. Человек строит планы на будущее, полон надежд и желаний, и вдруг – стоп! Дальше ничего нет. Вернее, жизнь-то пошла дальше, совершенно не замечая, что одного из винтиков, из которых она сама состоит, нет, на смену ему появились другие винтики. В памяти Виктора всплыл образ Черного барона. «Мы все ищем дракона, а он – внутри нас!» Какого дракона сегодня, в разгар зимы, они искали на дне озера? Ради чего мог погибнуть человек?

Виктор был уверен, что «студент», попавший в передрыгу, вновь и вновь будет уходить в глубину. Его не остановит сегодняшнее происшествие. Оно уже попало в разряд приключений, а приключения всегда манят к себе.

У человека есть масса опасных увлечений. Он стремится летать, покорять вершины, спускаться в бездонные пропасти и получать от этого наслаждение. Его никакими силами не удержишь в тесных и душных камерах квартир. Человеку нравится свобода, но чтобы ощутить ее сполна, нужно много чего уметь. Спускаться с крутых гор на лыжах, управлять парашютом или дельтапланом, пользоваться ледорубом или кошками, аквалангом, уметь плавать как рыба и летать словно птица – всему этому и многому другому нужно учиться.

Виктор знал некоторых альпинистов, потерявших пальцы рук или ног при обморожениях. Это несколько не убавило их решимости ходить в горы. Кое-кто из них даже шутил, что теперь экономит, покупая обувь меньшего размера, и во время прохожде-

ния скал ему теперь достаточно небольшой полочки для ног. В общем, масса преимуществ... Люди, вкушившие действие адреналина, никогда не откажутся от возможности вновь его попробовать, иначе жизнь их лишится красок и станет постной, словно еда без соли. Действие адреналина сходно с действием сильных наркотиков. Наверное, по этой же причине не может отказаться от дальнейших поисков Аман. Тогда жизнь его потеряет всякий смысл. Но ведь должна быть развязка, подумал Виктор. И судя по всему, очень скоро. Аман не может бесконечно копать. Он вышел на финишную черту. Что же ждет Амана за ней?

В Курменты

Виктор подъехал к развилке дорог, одна из которых вела в ущелье Курменты, и повернул в сторону гор. Накануне выпало много снега, и наверх вела лишь одна глубокая колея, петляющая между усыпанными снегом холмами. Джип Виктора с трудом пробивался по рыхлому снегу. Неподалеку от карьера, на очередном повороте, он увидел завязшую в сугробе легковую машину. Хотя она была порядком завалена снегом, Виктор узнал машину Амана. Видимо, кладоискатель не смог проехать к своему котловану. Машина была пуста. Значит, Аман дальше пошел пешком.

Проехав последний поворот, Виктор увидел склон горы, сплошь поросший елями. Их украшали белоснежные шубы. Впереди, у котлована, стоял экскаватор. Рядом с ним виднелся строительный вагончик, из трубы которого гостеприимно поднимался белесый дымок.

Виктор осмотрел место раскопок. Дно котлована скрывал снег. Лишь в том месте, где Аман пытался продолжить поиски, виднелись многотонные каменные глыбы.

Виктора поразило, что кладоискатель так мало продвинулся вглубь. Потом вспомнил, что рассказывал ему Аман об обвалившейся стене котлована. Видимо, кладоискателю пришлось расчищать завал. Да еще стекавшая в котлован вода сковала весь грунт непробиваемым ледяным панцирем. Несладко пришлось технике! Неудивительно, что экскаватор постоянно выходит из строя. Скорее всего, и сейчас он неисправен, раз в котловане не ведутся работы.

Виктор взгляделся в видневшиеся из-под снега каменные блоки и в который раз поразился целеустремленности Амана. Даже один такой блок остановил бы любого искателя приключений, а сколько их было на пути Амана?!

Выше по течению, на противоположном берегу реки были видны следы разработок. Виктор догадался, что это площадка неожиданного конкурента кладоискателя. Туда не было тропы, а снегу было по пояс.

Возвращаясь к вагончику, Виктор заметил около своей машины помощника Амана и машиниста экскаватора. Как он и предполагал, техника в очередной раз «полетела». Аман уехал на поиски деталей.

На все вопросы посетителя рабочие отвечали неохотно и как-то обреченно. Видно было, что они устали, сражаясь со все прибывающими препятствиями. «Машина не выдерживает, а мы?» – растеряно разводил руками экскаваторщик.

Заканчивался короткий зимний день. Дно ущелья погрузилось в полумрак. Лишь хребты гор и зеркало озера, лежавшее внизу в чаше котловины, еще сверкали в лучах заходящего светила. Виктор сел в джип и направился в город, до которого было более четырехсот километров. Он привык к таким длинным поездкам. Они удлинляли его жизнь.

Еще сегодня, в пять часов утра, Виктор выехал из Бишкека со снаряжением для подводного плавания. Он успел получить дозу своего адреналина, побывав под водой зимнего озера, объехать вокруг Иссык-Куля, осмотреть котлован Амана, насладиться по пути великолепной панорамой аквамаринного озера, окруженного величественными, седыми от снега и льда вершинами. Теперь он сожалел лишь об одном – о том, что не прихватил с собой горнолыжное снаряжение. В Караколе изумительная трасса, проходящая мимо растущих по склону елей. Стремительный спуск с высшей точки, на которую поднимает кресельный подъемник, вот что было бы достойным завершением дня!

Впрочем, и так день прошел неплохо. Люди в городе едва успевают очнуться от сна, как воскресный зимний день для них уже на исходе, они лишь успевают посмотреть что-то по телевидению. Дни сливаются в мелькающую череду просыпаний и засыпаний, мало чем отличающихся друг от друга. Да и события между этими двумя точками тоже не слишком разнообразны.

Летят дни и месяцы, складываясь в годы, и лишь тогда жизнь замедляет свой ход, когда нарушается привычный ее ритм, когда в нее вторгаются приключения, новые события, когда она полнится новыми впечатлениями.

Все-таки хорошо, подумалось Виктору, что можно делать день таким длинным и полным событий, как когда-то в далеком детстве, когда жизнь казалась бесконечной и каждый день проживался как целая жизнь.

Встреча с незнакомцем

Аман не мог заснуть. Он лежал в небольшом вагончике и в темноте различал лишь раскаленную докрасна печку-«буржуйку». Через несколько часов, погаснув, она перестанет согревать жилой отсек, и мороз, свирепствующий снаружи, заберется внутрь. Никто не хочет дежурить у печки всю ночь, приглядывая за огнем. Поэтому каждое утро приходится, кутаясь в теплые куртки, вновь разжигать «буржуйку». У нее одно преимущество: она быстро прогревает помещение своим мощным тепловым излучением.

Кроме Амана в вагончике было еще четыре человека: его помощник Руслан, двое рабочих и водитель экскаватора. В вагончике было душно и от пылающей «буржуйки», и от дыхания спящих людей. Тишину ночи нарушал разноголосый храп товарищей. Он гнал сон из Амана, и его начинали одолевать всякие мысли. Кладоискатель знал из опыта, что размышлять, лежа в постели, последнее дело. Полусонный мозг терзают навязчивые идеи, которые невозможно прогнать прочь, словно назойливую муху. Проблемы начинают казаться непреодолимыми, все видится в мрачном, черном свете, душу заполняет отчаяние и бессилие.

Иное дело – утро. Куда девается безысходное настроение и апатия? Аман, пробуждаясь, всегда полон сил, и его переполняет надежда: сегодня он сделает еще один шаг на пути к сокровищам. Они уже рядом, сегодня будет знак ему, Аману, об этом!

Аман со вздохом перевернулся на другой бок. Постоянные поломки экскаватора, бесконечные неподъемные глыбы измотали его вконец. Природа словно издевалась над ним, посылая

один снегопад за другим. Ведь прошлой зимой почти не было снега!

Аман вспомнил своих инвесторов. Он устал твердить им, что скоро вскроет пещеру с кладом. Что же ему делать? Сейчас он все равно не сможет расчистить заваленный колодец. Его надежда прокопать ход сбоку, из центра котлована, похоже, тоже обречена. То обвалы бортов, то встающие на пути каменные блоки – всё словно сговорилось против него, Амана. А может быть, это и есть ему знак, что он движется в неверном направлении? Кто может направить его? Василий Плоских? Но Аман уже не раз обращался к нему, обладающему знаниями и способностями экстрасенса, с просьбой «просветить» его поиски. И каждый раз ответы были уклончивые и размытые. Пробовал он просканировать котлован и своей новой техникой. Металлоискатель давал какой-то неустойчивый сигнал. Возможно, цветной металл большой массы находится дальше зоны сканирования прибора и дает наводки, то есть, по расчетам Амана, лежит на глубине 12–14 метров от дна котлована. Это приблизительно совпадает с глубиной заваленного колодца. Нет, он на верном пути! Надо снять еще метров пять грунта, и прибор начнет давать устойчивый сигнал! Тогда уже не будет никаких сомнений. Аман не верил, что золотая статуэтка была единичной, случайной находкой! Как она могла попасть сюда, на такую глубину? Жаль, что у Амана не было подобного металлоискателя тогда, когда он стоял на дне еще не засыпанного колодца!

Аман задохнулся от нахлынувшего на него чувства беспомощности повернуть время назад. Как же он был близок к ним, к этим проклятым сокровищам! Куда же пропали духи предков? Почему они теперь молчат? Ведь, он, Аман, послушался их призыва и отдал все, что у него было, этим поискам. Третий год он терпит лишения и тяжелый труд в котловане. Где же обещанное Оскамбаем вознаграждение?! Старик давно не является в его сны! Когда взойдет его, Амана, звезда? Когда же, наконец, исполнится его сокровенное желание спасти нищую страну, кинуть к ногам правителей несметные сокровища – сделайте Кыргызстан богатым и счастливым!

Вслед за этими мыслями в помутненном сознании всплыли образы Юсуфа и Махмуда. Оба бандита пристально смотрели на Амана, словно подозревая, что он что-то скрывает от них. Аман

зябко поежился под этими холодными взглядами. За спинами «авторитетов» он заметил стоявших рядом первого и второго президентов страны. Они тоже уставились на кладоискателя, будто ожидая от него каких-нибудь знаков или слов. За ними вертелись многочисленные силуэты людей: телохранители, жены, братья, дети – тьма народу. Они устремляли на застывшего Амана ожидающие взгляды.

«Чего они от меня хотят?» – подумал кладоискатель. Он попробовал потихоньку скрыться от жадных взоров толпы. Первый президент тут же поднял вверх свои густые брови и широко улыбнулся; казалось, он сейчас бросится к Аману и начнет трясти ему руку. Второй, напротив, насутился. Аман перехватил внимательный, холодный взгляд сына президента, и ему стало не по себе. «Этот и убить может», – решил Аман. Он замер на месте, словно его ноги вросли в землю. Отчаяние захлестнуло его. «Если сейчас показать им, где находится клад, то эта толпа просто разорвет меня на части», – пронеслось в воспаленном мозгу. Он огляделся. Совсем рядом был спуск в котлован. Некоторые из толпы, перехватив взгляд Амана, тоже с любопытством начали заглядывать вниз.

Отчаяние Амана еще больше усилилось. Они сейчас заметят лежащий на дне клад! Он же его, Амана! Никто не имеет права касаться этих сокровищ. Только он. Он сам отдаст сокровища Кыргызстану. Но глаза окружавших его людей всё больше горели жадным блеском. «Они же заберут всё себе», – с ужасом подумал Аман. – Они ничего не оставят ни мне, ни Кыргызстану». Он готов был разрыдаться от бессилия и горя.

И тут словно ураган пронесся по ущелью. Задул такой сильный ветер, что все с трудом удерживались на ногах. Дневной свет померк, и Аман едва угадывал силуэты людей. Вокруг них замечались какие-то серые тени. «Волки! – мелькнуло в голове Амана. – Надо бежать в вагончик, там лежит ружье!» Но он не мог сдвинуться с места – ноги словно налились свинцом. Вдруг его внимание привлек котлован. Там что-то происходило. Слабое свечение, исходившее из него, обозначило черные тени людей, пытавшихся скрыться от нападавших на них волков, осветило склон с елями, сплошь покрытыми снегом. Свечение разгоралось, завораживая Амана. Все люди куда-то делись. Волки, сбившись в стаю, потрусили к котловану. Они остановились на краю и

уставились вниз. Вскоре им навстречу поднялся человек. Аман не мог разглядеть его лицо, так как оно не было освещено. Поразило необычное одеяние этого высокого худощавого мужчины. На нем был странный малиновый халат с вышитыми золотыми цветами. Аман заметил погоны на плечах и длинный бамбуковый стек, которым подходивший человек постукивал себя по высокому офицерскому сапогу. Волки, словно собаки, послушно потянулись за ним.

– Ну-с, молодой человек, – обратился неизвестный к оторпевшему Аману, – вы все-таки добились своего? – голос говорившего был глухой, но четкий и выразительный.

Незнакомец слегка обернулся, и Аман увидел вспыхнувшие ярким красноватым отблеском волосы на небольшой сравнительно с широкими плечами голове. Рыжими были и длинные усы, скрывавшие узкий рот. На груди сверкнул серебряный крест, а на погонах засияли вышитые золотом двуглавые орлы. Волки расселись полукругом и, казалось, внимательно слушали говорившего.

– Я вас не понимаю, – пролепетал Аман.

– Ты же хотел помочь своей стране? – резко спросил незнакомец.

Аману показалось, что глаза человека, стоявшего напротив, засветились, словно у зверя.

– Да, хотел, – тихо ответил Аман. – Но ведь я...

– Не нашел клад, – не дослушав, констатировал незнакомец. – Чушь, чушь и еще раз чушь! Кому ты хотел отдать эти богатства? Этим людям?! Каждый из них сосал твою нищую страну, словно пиявка. У них больше денег, чем ты мечтал найти. Хороший бы подарок ты им преподнес, найдя клад! Неужели ты думал, что духи твоих предков могли позволить случиться этому?!

Человек говорил жестко и зло, словно прокурор в зале суда.

– Князь Мира не позволил тебе сделать это, Аман, – человек не мигая смотрел прямо в глаза кладоискателю. – Только Он правит судьбами стран и государств. Ты потревожил врата Агарты – подземного царства Князя. И демоны вырвались на свободу. Теперь они освободят твою страну, как ты и хотел, но вернут в пучину ужаса и горя. Они разбудят самые низкие, разнужданные инстинкты толпы. Великий Бог, как я ненавижу революции!

Аман с испугом внимал разгоряченным речам незнакомца. Окружающий их мрак, казалось, начал сгущаться и подползать к ним. Свечение из котлована угасало. Волнение охватило сидящих волков. Они тихонько поскуливали и напряженно смотрели на своего господина. Звери были похожи на взведенные пружины. Казалось, одно движение руки хозяина – и они взмыли бы в воздух, словно метеоры. Их глаза, отливавшие зеленым светом, все ярче разгорались в наступающем мраке.

– Революция – заразная болезнь. Она несет голод, разруху, гибель культуры, славы, чести, духовного начала, падение народов и государств! Я предвижу этот кошмар, мрак, безумное разрушение человеческой природы!

Амана охватил страх. Неодолимое желание скрыться от горячих и пугающих пророчеств незнакомца заставило его побежать к вагончику. Оглянувшись, он увидел, что высокая фигура скрылась в котловане и свет окончательно погас.

Очнувшись, Аман понял, что лежит в кровати и его трясет от холода и нервной лихорадки. Ночную тишину нарушал лишь храп спящих товарищей.

Было ли все случившееся явью или лишь ночным кошмаром? Аман боялся вновь заснуть, ожидая возвращения ужасных видений. Выйти в ночной мрак, подышать свежим воздухом он тоже не решался. А вдруг это был не сон и тот грозный человек с волками все еще там, у котлована?

День мародера

Ночь с 7 на 8 апреля 2010 года была бессонной для большинства жителей города Бишкека. Бесчинствующая толпа мародеров, улюлюкающих, разгоряченных спиртными напитками и жаждущих крови молодых людей, осаждала торговые центры и магазины. Повсюду раздавались звуки лопающегося стекла, треск автоматных выстрелов, грохот взрывов и рев толпы. Громилы магазины одновременно во всех районах города. Казалось, был запущен в действие чей-то чудовищный план. Жажда разрушения охватила толпу. В разных местах уже начинали вздыматься языки пламени. Горели торговые центры, здание генпрокуратуры, жилые дома, принадлежащие клану президента.

Радио- и телевидение давно прекратились, и Виктор неохотно просматривал Интернет-сайты, на которые выбрасывалась горячая информация. Туда же попадали фотографии и видео, снятые очевидцами.

«Боже мой, – думал Виктор, – в какую бездну низвергается страна! Как быстро могут превратиться с виду благопристойные люди в диких зверей! С какой алчностью они раздирают и растаскивают не принадлежащее им добро! Куда подевалась мораль и воспитание? Может, их и не было, а дикие звери просто прятались под маской улыбающихся людей?»

Волнения начались еще 6 апреля в городе Таласе. Скупые сведения донесли до столицы: захвачено здание администрации губернатора, при штурме пострадали люди. Члены правительства и представители силовых структур, мрачно улыбаясь, обещали безжалостно расправиться с любыми недовольными выступлениями. На 7 апреля был назначен митинг оппозиции, но Виктор не верил в ее силу. Всю власть в республике давно узурпировал президент. Ему подчинялось все: «карманный» парламент, суды, правительство, армия и другие силовые структуры. Все финансы контролировал его сын. Он же захватил все доходные предприятия и организации. По всей видимости, криминал, контрабанда и наркотрафик, который проходил через Кыргызстан, также были под контролем Семьи. Все лидеры оппозиции были либо запуганы и находились в эмиграции, либо обескровлены. Запрещались любые выступления и митинги против президента и правительства. Недовольных могли просто «ликвидировать» физически. И все же Виктор даже не мог представить себе, что такая, казалось бы всеобъемлющая, власть, рухнет, словно картонный домик.

Президент, как и обещал, пытался удержать власть огнем. На крыше Белого дома сидели снайперы и расстреливали демонстрантов, словно в гигантском тире. Самим им ничего не грозило – из автоматов Калашникова, которые невесть откуда появились в толпе демонстрантов, трудно вести прицельный огонь дальше пятидесяти метров. Виктор испытывал чувство «дежавю». История со свержением президента повторялась. То, что происходило в марте 2005 года, тоже казалось неожиданным и противоречащим логике. Точно так же аппарат президента и правительство уверяли население, что все контролируют. Точно так

же разгоряченный народ бросился избивать горстку милиционеров со щитами. Только в этот раз охрана Белого дома была многочисленнее и стреляла в толпу на поражение.

Виктор отметил про себя, что и народ на площади в тот раз и в этот – разный. В прошлую революцию преобладали женщины, которые, по всей вероятности, получали за выступление деньги. Возник даже термин для таких женщин-«революционерок» – ОБОН – отряд баб особого назначения. В этот же раз основную часть толпы составляли молодые парни. И они были настроены решительно. Их не пугали ни пули, ни разрывы газовых снарядов. Не останавливали и убитые товарищи. Виктор подумал, что исход противостояния им был известен заранее. Возможно, и президенту. Виктор не видел его на экранах телевизора в последние дни. Да и праздник Нооруз 21 марта президент предпочел встречать не в Бишкеке, а в Оше – южной столице, которую считал своим оплотом.

К вечеру заработали телевизионные каналы. В студию спешили революционеры, чтобы успокоить население, и те, кто торопился выказать лояльность новой власти. Революция свершилась!

И следом пошли тревожные вести – начались погромы, мародерство! Виктору позвонил, один из его продавцов: «Собираются грабить магазины!» . Он распорядился, чтобы люди скорее расходились по домам. Хотя и не верилось в возможность средневекового варварства. То, что ему открылось наутро, превзошло его самые тревожные ожидания. Казалось, ночью город обезумел. Толпами мародеров было разгромлено и сломано все, что оказывалось у них на пути...

Но, может быть, потери не окажутся бессмысленными? Может быть, страну ожидает более свободная, счастливая жизнь? Но опыт упрямо твердил Виктору: все вернется на круги своя. Победивший дракона сам становится драконом! Второй президент превзошел цинизмом и алчностью первого. Люди, служившие чиновниками, министрами, судьями, налоговиками, таможенниками, – все были глубоко заражены вирусом стяжательства и коррупции. Они служили то одному дракону, то другому. В конце концов, им было абсолютно все равно, кто сидит «наверху». Дракон был внутри каждого из них и требовал удовлетворения и наживы. Его надо было кормить, и только это имело смысл. И что изменилось теперь? Вместо прежней армии драконов пришла новая?

Когда слегка поулеглись страсти, Виктор вспомнил об Амане. Как он там? Кругом идут захваты предприятий и организаций. Появляются самозванные собственники и руководители, желающие погреть руки на чужой собственности... Впрочем, кому сейчас нужен котлован в горах, кроме Амана? Беспокоило то, что на звонки кладоискатель по-прежнему не отвечал.

Маевский погром

Аман добрался до Бишкека лишь поздним вечером. Утреннее время было потрачено на снятие поврежденной детали экскаватора. Это уже вошло в своеобразный ритуал: один раз в неделю Аману приходилось ехать в город на поиски нужной детали. Техника не выдерживала напряженной работы. То, что Аман мог сделать с горсткой преданных людей: дробить неподъемные валуны и по частям удалять обломки, постепенно углубляясь все дальше и дальше, – было не под силу старому натруженному экскаватору. Он с трудом передвигал каменные глыбы, грозя обрушиться ненароком своим неуклюжим ковшом осыпающиеся стены котлована. Машинист с опаской поглядывал по сторонам. Ему казалось, что в любую минуту может рухнуть это нагромождение из камней и песка, которое окружало машину почти со всех сторон. Там, где не было зыбучих стен, вздымалась монолитная скальная стена, нависающая над котлованом словно каменный козырек. Скала сверху до основания была распорота кривой глубокой трещиной, будто шрамом от неустанных битв сил природы. Каждый раз, спускаясь в котлован, машинист молил Создателя, чтобы не было землетрясения – едва висающие на скале валуны могли сорваться вниз и раздавить экскаватор будто консервную банку. Когда в очередной раз ломалась какая-нибудь шестеренка или звездочка, машинист вздыхал с облегчением – дня два он не будет работать в котловане и отдохнет от постоянного напряжения и ожидания беды.

Аман въехал в город уже в темноте и сразу понял, что в Бишкеке что-то неладно. Слышались далекие выстрелы, в воздухе пахло гарью. Из тьмы свет фар выхватывал фигуры молодых киргизских парней, спешащих по темным улицам в одном направлении. На их лицах Аман увидел какое-то лихорадочное возбуждение, во взглядах прочитал жесткую решимость и злое

опьянение. Аман остановил автомобиль и окликнул одного из проходящих мимо парней:

– Эй, друг! Что происходит? Куда все спешат? Что за выстрелы?

Парень возбужденно затараторил:

– Наши турок грабят, дома их жгут. Не жить им на киргизской земле!

У Амана оборвалось сердце. Как же так, переворот ведь произошел десять дней назад? В городе уже успокоили мародеров, наступило затишье. А тут все снова?!

– Что турки вам сделали?

Парень злобно посмотрел на Амана:

– Ты что, не киргиз?! Чего спрашиваешь? Посмотри, как живут они и китайцы. Понастроили дворцов, а мы по углам скитаемся! Ничего, сегодня покажем им, кто хозяин на киргизской земле! Потом и за других возьмемся – пусть уматывают! Не уйдут сами – убивать будем!

Парень бросился догонять ушедших товарищей. Аман все еще не мог прийти в себя от услышанных слов. Доносившиеся звуки рева толпы, одиночных выстрелов и появившиеся над темным городом языки пламени далеких пожаров ясно говорили ему, что парень не сбежал из сумасшедшего дома и все услышанное – явь.

Ехать дальше было безумием, все водители спешно разворачивались и уезжали в противоположном направлении. Аман тоже повернул машину назад от села Маевки, откуда доносился шум грабежей и разбоя, и направился на объездную дорогу.

Позже, сидя у экрана телевизора, Аман видел кадры погрома. Несчастный хозяин-турок показывал оператору разбитые двери и мебель, поколоченную посуду и почерневшие от гари стены. «Я им открыл двери, – рассказывал хозяин, – сказал, возьмите себе все, что вам надо. Вот, видите, все поломали, ничего не взяли. Зачем же они так?!» – сокрушался недоумевающий турок. Все, что он нажил честным трудом, в одночасье превратилось в прах. Судя по тем домам, которые показывал оператор, жили турки не очень богато, просто кто-то, кто управлял этой дикой вакханалией, решил, что «национальная карта» – очень сильный козырь для нагнетания страстей, для того, чтобы страна бурлила. В такой атмосфере все возможно, даже повернуть вспять колесо истории.

Аман смотрел на разъяренную толпу, слушал о жертвах погрома – опять убитые, раненые, а перед его мысленным взором вставала темная высокая фигура в малиновом халате с золотыми погонами, окруженная волками, и в голове неотвязно звучал отчаянный крик незнакомца: «Революция принесет мрак, кошмар, безумное разрушение!»

Аман холодел от одной мысли, что это он повинен в постигшем его страну бедствии. Ведь так сказал тот человек из ночного кошмара: «Ты освободил из-под земли демонов ада, и они низвергнут страну в бездну ужаса и горя. Демоны разбудят самые разнузданные инстинкты толпы!» Что же ему теперь делать? Как загнать этих злобных демонов обратно?!

Аман набрал номер телефона Виктора. С ним он издавна откровенен, с самого начала рассказывал ему обо всех перипетиях поиска клада, и Виктор даже написал повесть о его иссыккульских раскопках. Аман вспомнил, что читал о подземном царстве в этой повести, но тогда посчитал все плодом фантазии автора. Неужели Виктору что-то известно об Агарты и о страшном человеке с волками?!

Знак змеи

Виктор с сочувствием слушал взволнованный рассказ Амана. Он понимал, что постоянное напряжение, в котором находился в последнее время кладоискатель, сильно сказалось на его нервной системе. Амана можно понять: третий год поисков – и никакого результата. От отчаяния привидится и не такое.

– Ничего удивительного, Аман, – попытался успокоить парня Виктор. – Ты же читал об Агарты и Унгерне в моих книгах! Вот и явился Черный барон в твои сны.

Аман сокрушенно покачал головой:

– Нет, ничего я не помню о твоём Черном бароне. Я читал только о том, что касалось непосредственно меня. Ну и о поисках клада. А твои лирические отступления меня не интересовали.

– Знаешь, Аман, есть такое понятие, как зрительная память. Например, стоит тебе бросить взгляд на какую-нибудь надпись на улице, и ты уже знаешь, что там написано. Ты эту надпись не успел еще прочитать, а мозг твой воспринял зрительный образ и

расшифровал ту информацию, которая в нем была. Как фотография – достаточно одного мгновения и на снимке столько информации! Можно увеличивать и рассматривать мельчайшие детали, которые поначалу ты и не заметил. Так и в твоём случае, читал ты, не читал, все равно пролистывал, проглядывал текст. Мозг твой воспринял зрительную информацию, запомнил и выдал тебе ее в самый неожиданный момент – во сне!

Аман недоверчиво пожал плечами.

– Видение было так реально, так же как мы с тобой сейчас, – задумчиво проговорил кладоискатель. – Мне было страшно... мне и сейчас страшно – вокруг творится ужас, народ обезумел, власти нет. Люди захватывают земли, убивают, грабят, сжигают дома – об этом предупреждал человек из моего сна. Я даже боюсь думать, что виновен в этом хаосе. И все равно не могу прогнать мысль об этом из головы. Она преследует меня повсюду!

Виктор внимательно взгляделся в осунувшееся лицо Амана. Под глазами темные круги, в глазах сверкает какое-то отчаяние, возможно, ужас.

– Успокойся, Аман. То, что сейчас происходит – это следствие политики последних лет. Народ живет в крайней нищете, у страны не было будущего. вспомни, с какой радостью правительство отправляло в Россию и Казахстан трудовых мигрантов – стране не нужны были люди, способные работать. Верхушке надо было довести республику до нищеты, тогда сердобольные страны охотнее давали различные гранты и кредиты. Полученные деньги власть имущие рассовывали по карманам и банкам. Разве ты виноват в их зверском аппетите? Не смейся людей, Аман! Необходимость изменений назрела давно. Правда, я до последнего не ожидал, что все свершится так быстро. Видимо, революция готовилась в глубокой тайне от всех. При чем здесь ты со своими выпущенными из-под земли демонами?

Аман задумчиво кивал головой, слушая собеседника, но по его затуманенному взору Виктор понял, что мысли его далеко.

– Однажды утром я направился к котловану, – совершенно неожиданно заговорил кладоискатель. – Уже пригрело солнце. Я шел, думая о предстоящем дне и мечтая о каком-нибудь знаке для меня. Аллах должен был наставить меня на верный путь. И вдруг под ногами я заметил движение. На тропе грелась змея, и

я чуть было не наступил на нее. Я инстинктивно отдернул ногу. В утренней тишине я отчетливо услышал тихий шорох, словно звучала маленькая погремушка. Я пригляделся: змея угрожающе постукивала кончиком хвоста по камню. Страх горячей волной прокатился по моему телу. Вид змеи всегда приводит меня в ужас. Я попятился, и мне показалось, что ожило эхо. Тихое постукивание хвоста, казалось, отразилось от множества камней и доносилось теперь со всех сторон. Я огляделся, и паника обуяла меня. Вокруг котлована, насколько хватало моих глаз, на всех камнях притаились змеи. Ярко сияла на солнце узорная новая кожа. Твари нежились в утренних лучах, набираясь энергии после ночной прохлады. Мне показалось, что все они со злобой уставились на меня и замерли, приготовившись к броску. Двигались лишь кончики хвостов, выстукивая легкую дробь, возвещающую о моей смерти. Волосы буквально дыбом встали на моей голове. Не помня себя, я бросился прочь из котлована. Очнулся я лишь возле вагончика. Мои люди, после некоторого колебания, с опаской приблизились к месту раскопок. Однако там уже не было ни одной твари. После этого случая мы постоянно ожидали их нового нашествия, но, к счастью, оно больше не повторилось. Теперь я думаю, это был знак для меня – я должен был прекратить попытки найти клад.

Виктор попытался успокоить Амана. Он говорил, что весной змеи могут собираться огромными массами для брачных игр. Видимо, Аман и стал свидетелем такого любовного сборища пресмыкающихся. Но Аман остался при своем мнении.

Вожди пролетариата

Сталин сидел не за резным письменным столом, стоявшим в центре комнаты, а чуть в стороне, в мягком кресле. В кабинете было несколько шкафов с книгами и фолиантами в кожаных переплетках. На столе, заваленном бумагами, красовалась лампа с зеленым абажуром. В углах комнаты стояли изящные подставки, на которых громоздились внушительных размеров бюсты вождей мирового пролетариата: Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ильича Ленина. Большой портрет в золоченой раме, занимавший чуть ли не половину одной стены кабинета, изображал Ильича, углубившегося в чтение номера «Искры». Вот под

этим портретом и расположился «отец народов». Одет он был в простой военный френч и в правой руке сжимал неизменную трубку. В другой руке он так же, как и его учитель, держал какие-то бумаги и просматривал их, щуря один глаз.

Видение возникло перед глазами Виктора так неожиданно и так явственно, что он затаил дыхание, стараясь не выдать своего присутствия. Виктор боялся, что Сталин обнаружит его невзначай, прервав чтение, и тогда Виктору точно не поздоровится. Он решил вежливо кашлянуть, но едва поднес кулак ко рту, как Сталин поднял голову и посмотрел сквозь Виктора, словно тот был сделан из стекла. Виктор проследил за направлением взгляда вождя и понял, что Сталин смотрит в большое зеркало, стоящее у противоположной стены. В нем, как сразу догадался Виктор, виднелась часть кабинета Гитлера. Генералиссимус хмуро уставился на зеркало, в потемневших глазах засветился гнев. Наконец он не выдержал и закричал:

– Адольф, черт бы тебя побрал! Можешь плясать от радости – еще в одной стране нацисты появились! Никогда не догадаться в какой. Утверждают, что тоже арийских кровей. Твои родственники, Адольф! Ты не там чистую расу искал. Вот, полюбуйся, что эти новые сверхчеловеки пишут.

Иосиф Виссарионович помахал бумагами. Ленин на портрете оторвался от «Искры», хитро прищурил правый глаз и с интересом посмотрел на Сталина. В зеркале никто не появился, но Виктор уловил какой-то тихий шорох, донесшийся из кабинета фюрера.

Сталина не смутило отсутствие собеседника, и он продолжал вещать:

– Они – прародители всего человечества. И гунны их предки и арии, даже евреев в свои праотцы записали. Как тебе это нравится, Адольф?! Спрашиваешь, какая связь между Авраамом и Аттилой? Оказывается, есть! Ты там сядь, зараза коричневая, а то незароком упадешь от удивления. В Средней Азии живет этот великий народ! Слыхал когда-нибудь? Нет? А жаль, могли бы поделиться опытом. Вы, нэмцы, интеллигенты хреновы, людэй в концлагерях газом травили и в крематориях печи ими топили, подальше от общественности, втихаря. А эти великие «наци» прямо на улицах стариков и женщин бензином обливали и поджигали всенародно, да еще и фильмы снимали! Знаю, и твои орлы фильмы крутили про свою доблесть, но им далеко до

настоящих арийцев! А животы беременным женщинам вспарывать да младенцев резать слабо было?!

– Перестань, Иосиф! – голос фюрера оказался высоким и дребезжащим. – Мы же не варвары! Мы давали возможность евреям искупить вину перед человечеством тяжелым трудом. Они же продали Иисуса и составили мировой заговор! Ты же сам, Иосиф, не любил евреев! А Средняя Азия – это же твой бывший советский народ. Ты же с ними хотел построить коммунизм во всем мире. Значит, ты в ответе за то, что они сегодня вытворяют. Ты же специально разделил так границы, чтобы перемешать все народы, разделить их на части и управлять ими.

Сталин закрыл ладонями лицо и погрузился в раздумья. Виктор старался не дышать. В голове вертелось: «Вы же духи, вам же все будущее известно. Зачем же спорить, вы же и так знаете, кто прав, а кто виноват». Потом, вдруг, появилось сомнение. Наверное, и духам не все будущее открыто, раз они так новости обсуждают.

Тишину нарушил новый голос, проникновенный и мягкий:

– Батенька, не стоит так убиваться по пустякам. Я настаиваю, чтобы вы перечитали мои апрельские тезисы, – говоривший сильно картавил, сомнений не было, в спор вмешался Ленин с портрета. – В Средней Азии власть надо брать в руки коммунистам. Промедление смерти подобно. Учредительное собрание, то есть их парламент – это политические проститутки. Если коммунисты проспят, власть возьмет кто-нибудь из парламента и тогда ни о каком справедливом государстве не может быть и речи. Только коммунистическая идея, электрификация всей страны и диктатура пролетариата откроют перед отсталой Средней Азией светлое будущее!

Сталин с раздражением посмотрел на портрет вождя.

– Владимир Эльчич, наши лозунги давно устарели.

– А вы, дорогой Кобо, извратили весь научный коммунизм. Это по вашей милости вместо всемирной дружбы народов мы имеем неугасимую вражду наций и нацменьшинств! Вот, уже и до откровенной резни докатились.

– Плэвали они на ваш коммунизм, – в сердцах отмахнулся Иосиф Виссарионович, – а так же и на дружбу народов. Им вон наш фюрер по душе. – Сталин кивнул в сторону зеркала. Гитлер так и не решился показаться в отражении.

– Батенька, – опять заговорил Ильич, сверху вниз глядя на Сталина, – что это вы там говорили про евреев? Про связь с азиатами? По-моему, это антинаучно.

Сталин пожал плечами.

– Ученые усмотрели сходство в имэнах и событиях, которые описаны в азиатском фольклоре и в Вэтом Завэте. Яков, или по-английски Иаков. Сюжеты схожи, цэлые тома на эту тему понаписали.

– Батенька, это не ученые, а мракобесы, – отмахнулся Ленин. – Религия и философия – вот истинные властители душ человеческих. Среднеазиатские товарищи не должны забывать, что религия есть опиум для народа, а философия может быть только марксистской, а не родоплеменной. Кредиты капиталистов под ростовщические проценты – это кабала для государства.

Сталин, продолжая смотреть вглубь зеркала, затаился из трубки и выпустил густое облако дыма. Ильич в панике замахал руками, прогоняя прочь табачный дым.

– Надо иметь чистую совесть, – продолжал выкрикивать вождь пролетариата, – щедрую душу, трезвую голову и крепкие руки, чтобы трудиться, трудиться и трудиться!

Сталин нахмурился:

– Владимир Эльич, в прошлый раз вы говорили: «Учиться, учиться и учиться!»

– Одно другому не помеха, – назидательно проговорил Ленин. – И еще любовь к окружающему миру, в том числе и к человеку. Пovyрубили леса, нефтью все запоганили. И запретить пользоваться полиэтиленовыми пакетами и пластиковыми бутылками, природа от них гибнет!

Чувствуя, что Владимира Ильича понесло, Сталин с укоризной посмотрел прямо в глаза Виктору. Тот понял, что Иосиф Виссарионович его видит, тут же его пробил испарина от волнения.

– Ну-с, молодой человек, что скажете? – Сталин вперился холодными глазами в Виктора. Тот молчал, втайне надеясь, что вопрос обращен не к нему. – Вам же жить бок о бок с этими свэрхчеловеками на земле, которую вы считаете своей родиной. Мы с учитэлем, – Сталин ткнул трубкой в вождя пролетариата на портрете, который продолжал что-то горячо говорить, в возбуждении ходя по своему кабинету и отчаянно жестикулируя, но слов Виктору больше не было слышно, – свое уже отжили. Чисто по-

спортивному пэреживаем, что там происходит в нашей нэкогда счастливой странэ. Что ж вы, гады, Отчизну загубили?! – Сталин внезапно сильно стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

– Я вам свэтлое будущее завэщал. Какие свэтлые книги вам писатэли писали, какие фильмы снэмали – чистые, словно слэза рэбенка. А вы с упозэнием к помойке буржуазной присосались. Сэксу вам захотэлось, насилия, наркотиков. Садизм и бэз-нравственность вам по душе?! Погрязли во взятках, хамстве, наглости, лжи и бэспринципности. Державу развалили, хаос развэли в государственных делах. Литэратуру, кино – всё опошлили, прославляете самые низмэнные чувства! Ваше тэлевидение смотрэтэ противно! Чем вы ценности подмэнили?

Виктор оторопело смотрел на генералиссимуса и молчал. У него не было ответов на вопросы, которые задавал разгневанный «отец народов».

– Ну, как же, Иосиф Виссарионович, – наконец в смущении заговорил Виктор, – мы же все заповеди: не укради, не убий, родителей почитай, не лжесвидетельствуй, не домогайся чужого добра...

– Все нарушили? – грубо оборвал растерявшегося Виктора Сталин. – Жаль, мэня у вас нэт. Ты хотел и Мэльников на мэня повэсить? – вдруг круто изменил тему генералиссимус. – Чтобы я Бэрию позвал, Ежова... Чтобы занялись амэриканцем за его русофобство? Вот тэбе Бэрия! – Сталин показал кукиш Виктору. – Сами все заварили, тэперь сами и расхлебывайте, свэрхчеловэки!

Ошарашенный Виктор покосился на зеркало, не показав ли там Гитлер. В зеркале, словно в раме от картины, был виден по пояс барон Унгерн. Он был бледен и ненавидящим взглядом неотрывно смотрел на Сталина. Еще мгновение, показалось Виктору, и Черный барон выхватит маузер и начнет палить в генералиссимуса. Виктор так испугался, что внезапно проснулся. Он долго лежал, глядя в темноту. Голос Сталина все еще звучал в его голове.

Встреча у костра

Едва прибыв в Курментинское ущелье, Аман отдал распоряжение возобновить работы. Стоило ему увидеть котлован, который словно гигантская рана зиял на фоне пышных елей и зеле-

ных склонов гор, как Аман начинал физически ощущать близость клада. Закрыв глаза, он ясно представлял те немногие метры породы, которые отделяют его от вожаемых сокровищ. Отказаться сейчас – значит поддаться паническим мыслям. Сейчас или никогда, решил Аман, но он должен достичь цели! Судьба дает ему уникальный шанс – все заняты политической борьбой, всех интересует власть, никому нет дела, что происходит в горном ущелье. Сейчас главное – извлечь богатства из земли. Что с ними делать и где их спрятать – это Аман потом решит. Нужно торопиться!

И все же ночью он опять не мог долго уснуть. Его одолевали разные мысли. Казалось, в республике уже потихоньку улеглись страсти. Прошло больше месяца с революционных событий в Бишкеке. А сегодня пастух принес новые тревожные вести: Джалалабад на юге страны опять охвачен выступлениями. Есть погибшие, множество раненых. Когда же народ успокоится?! Юг – это взрывоопасная зона. Там, как и двадцать лет назад, противостоят узбеков и киргизов. Резня, погромы...

А в душе шевелилась, словно затаившаяся змея, мыслишка: неужели эти новые события связаны с его решением продолжать раскопки? Вдруг под землей сидит этот страшный Князь Мира, который управляет судьбами государств? И он не желает пускать Амана в свое царство? Пугает его?

Аман пытался прогнать эти будоражающие мысли. Но они донимали его, как назойливые мухи. «Ты ввергнешь страну в пучину горя и разрухи. Толпу охватит безумие и жажда крови. Прекрати поиски!» – «Я же хотел помочь стране, – шептал Аман. – Я же не только для себя. Всем бы хватило». – «Ложь! – шептало что-то в голове. – Ты хотел присвоить чужие сокровища. На них лежит заклятие древних монахов!» – «Но мне же разрешили духи предков! – оправдывался Аман. – Оскамбай, хранитель клада, меня благословил!» – «Вспомни, когда были закопаны сокровища. Орды Чингисхана мчались по этой земле, истребляя все живое. Вместе с кладом была спрятана под землю страшная разрушительная сила. Ее нельзя выпускать на волю. Подумай об этом!»

Звучавший голос менял тембр: он был то высоким, словно голос ребенка, то грубым и превращался в бас, и Аман с ужасом понял, что с ним говорит тот незнакомец с горящими глазами,

окруженный стайей волков. Это же барон Унгерн! Аман боялся его увидеть вновь. Он в замешательстве огляделся. Вокруг него был мрак ночи. Прямо перед ним горел костер. Возле огня сидели два человека, и Аман с облегчением вздохнул – среди них не было Черного барона.

Один из сидевших был в форме офицера русской царской армии, Аман увидел расшитые золотом погоны, латунные пуговицы мундира с двуглавым орлом, блестящие золотом в свете мерцающего пламени. Офицер сидел прямо, чувствовалась военная выправка. Рядом с ним лежала кобура пистолета и шашка. Небольшие ухоженные усы, аккуратная стрижка, холеное лицо и уверенный, властный взгляд – Аман моментально проникся уважением к этому человеку. Напротив него сидел казак в каракулевой папахе, сдвинутой на затылок, из-за чего открывался широкий мощный лоб. Массивная фигура, одетая в казачий мундир с нашитыми рядами патронов, окладистая борода, длинные усы, скрывающие рот, – Аман почувствовал, что перед ним испытанный вояка.

– Присаживайся, Аман, – офицер жестом пригласил кладоискателя сесть рядом. – Разрешите представиться, капитан Михаил Константинович Успенский. А это друг мой боевой, Иван Ильич Кочергин, унтер-офицер Семиреченской армии. Извольте жаловать!

У Амана выступил пот от неожиданности.

– Я... это, знаю, – еле выдавил он из себя, – то есть слышал... вернее, читал о вас!

Офицер с усмешкой смотрел на оторопевшего кладоискателя. Казалось, он наслаждался произведенным эффектом.

– Так точно, Аман, слышал ты о нас, – кивнул Успенский и продолжил: – Так же, как и ты, искали мы сей клад. Первый раз – в тысяча девятьсот двадцать шестом году. Вторично – в тысяча девятьсот пятьдесят втором, вместе с полковником Алиевым. Оба раза неудачно.

Кочергин крякнул и подбросил поленья в костер.

– А я найду! – сорвалось у Амана.

Успенский задумчиво посмотрел на Амана. Потом, кивнув, заговорил:

– Сражались мы с Иваном Ильичом под знаменами, на которых было написано: «С нами Бог и атаман Анненков!» Ты зна-

ешь, Аман, сколько побед мы одержали под этими знаменами? И никогда наши сражения не были кровавой бойней, в которой наши люди были бы пушечным мясом. Это были лихие победы. Слава о партизанах атамана гремела и на германском фронте, и после, во время гражданской войны, по всему Семиречью! Борис Владимирович Анненков, внук декабриста, человек беспримерной храбрости, совершал чудеса!

Как-то раз отряд Красной армии в 600 сабель напал на ставку атамана в селе Уч-Арал. Дело было ночью. Большевики рассчитывали взять Анненкова врасплох, неожиданно. Налет был в 4 часа утра, когда сон самый крепкий. Атаман действительно не ожидал такого дерзкого нападения. Все наши части были на фронте. Уч-Арал расположен в глубине от боевых действий. В ставке было только 20 человек из личного конвоя Бориса Владимировича да 50 хунхузов, которые охраняли штаб армии Анненкова и артиллерийские склады, где находилось 12 орудий.

Красные довольно легко убрали задремавших часовых и, захватив орудия, начали наступление на Уч-Арал. Раздались выстрелы, по улицам понеслись конные красноармейцы. Атаман выскочил из дома, где ночевал, с пулеметом «Льюисом» в руках. Часовой на его вопрос: «Откуда стреляют?» ответил: «Со всех сторон!» Я, унтер-офицер Кочергин, ординарец атамана сотник Евстифеев и еще несколько человек из конвоя присоединились к Анненкову. Атаман повел нас по улице к складам и орудиям. Возле одного из складов мы увидели убитого часового и караул красноармейцев. Казалось, все потеряно, Уч-Арал был в руках красных. Скажи, Аман, можно ли что-нибудь сделать в этом пиковом положении? В довершение, по нашему маленькому отряду произвели несколько залпов из орудия шрапнелью. Орудия – в руках красных! К нашему счастью, они оказались никудышными артиллеристами! Весь заряд пролетал над нашими головами.

Но атаман Анненков, казалось, не знал страха. Недаром же мы вверяли свои судьбы лишь Богу и атаману Анненкову! Из скольких передраг мы выходили победителями. Но теперь, видимо, только чудо могло нас спасти!

На задней улице мы заметили сгрудившихся хунхузов. Они были в замешательстве и не знали, что им делать. Заслышав

голос атамана, они радостно приветствовали его. За Анненковым мы готовы были идти куда угодно, даже на смерть!

По нам продолжали стрелять из орудия. Не успели мы с атаманом пробежать и ста шагов, как навстречу появился эскадрон красных. Раздались крики: «Сдавайте оружие! Довольно дурака валять!» – и отборный мат следом. Атаман открыл огонь из пулемета по всадникам. Мы его поддержали. Видимо, красные не ожидали такого яростного сопротивления. Передние всадники валились как снопы. Задние в панике произвели страшную сумятицу и столпотворение. Наш огонь буквально косил их рядами! Как потом оказалось, среди убитых был военный комиссар, командиры полков и сотен. Красные остались без верхушки! С криком «Ура!» атаман повел нас на батарею. Красноармейцы сустились у орудия, пытаясь навести его на нас. Выстрел! Опять высоко над нашими головами.

Атаман продолжал строчить из «Льюиса», пока его не заклинило. Анненков отбросил пулемет в сторону и вытащил маузер.

«Ура!» – орем мы, надрывая глотки, и несемся вперед, как ураган. Красноармеец, красный от волнения, трясушимися руками перезаряжает орудие, но все никак не может вложить очередной патрон в ствол и закрыть затвор. Вот все готово к выстрелу, но уже поздно – наводчик упал с пробитым черепом. Анненков выстрелил в него почти в упор из маузера! Тут же нечеловеческим усилием атаман повернул пушку на 180 градусов. Мы пришли ему на помощь. Атаман произвел выстрел по убегающим красноармейцам. Упало несколько человек. Мы моментально перезарядили орудие. Атаман делал выстрел за выстрелом. Остальные помогали ему, паля из винтовок. Красные бежали! Всадники спешно покидали деревню, за ними улепетывали пешие. Полная победа! В бою приняло участие около 50 человек против более 600 красных. Разве возможен такой расклад для ведения боя, Аман? Нет!

Но победа зависит не от численности войска, а от его мужества и храбрости...

Успенский умолк и устремил свой взор на потрескивающее пламя костра. Кочергин тоже смотрел на огонь, не мигая. Рассказ командира, видимо, взволновал его, разбудив воспоминания.

Аман сидел тихо, не шевелясь, боясь нарушить наступившую тишину.

– Ты тоже рвешься к победе, – опять проговорил Успенский, – и тебя очень трудно остановить. Чем сильнее тебя отговаривают, Аман, тем более ты уверен в правильности своего пути. Через тернии – к звездам! И всё же, несмотря на наш героизм, на исключительные качества наших атаманов: Анненкова, Дутова, Гулидова, Бакича, барона Унгерна и других не менее славных героев, – мы проиграли. Потому что мы были одиноки среди того хаоса и безумия, которое охватило всю Россию. Кто смог победить этот кошмар и навести порядок? Только Ленин и большевики. Ленин, этот гениальный мозг, доказал, что если всего себя отдать служению одной идее, то можно достичь невозможного. Как говорил великий физик: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир!» Идея – это и есть точка опоры. Идея двигала и нашим атаманом, и бароном Унгерном. Мы спасали Россию, но и красные сражались за Отчизну. Очень важно, чтобы идея была понятна той стране, ради которой идут на смерть герои. Твоя Отчизна повергнута в хаос и сумятицу, Аман. Поверь, без идеи и без духовного лидера, который, отказавшись от земных благ, поведет людей на смерть и жизнь, не одолеть безумия толпы. И золото будет только величайшим злом, которое лишь разожжет новое пламя безумия! Пока ваши лидеры сражаются за власть, не будет покоя на вашей земле. Брат пойдет на брата, страна разделится на враждующие лагеря.

– Киргизы – великий народ! – воскликнул Аман. – Они справятся с любыми трудностями.

Успенский с усмешкой посмотрел на кладоискателя.

– Ты горяч, и вера питает твои стремления – мне это нравится. Без веры не может жить человек. Ты уверен в исключительности своего народа? Но ведь каждая нация исключительна и уникальна, каждая имеет свою культуру и достояние. И тоже гордится этим. Многие из одной культуры переходят в другую, и это хорошо. Достояние одного народа – это достояние всего человечества. Это наше общее духовное богатство. Плохо, когда какой-нибудь народ превозносит свое прошлое, перестает творить достойное настоящее, которое становится шатким мостом в будущее. Сказано: «пусть хвалит тебя другой, а не уста твои, чужой, а не язык твой». Нас будут судить по сегодняшним поступкам нашим, а не по поступкам далеких предков.

Внезапно раздался оглушительный грохот. Аману показа-

лось, что где-то рядом выстрелили тысячи орудий. Взметнулись к небу искры костра. У Амана заложило от грохота уши, и он закрыл их руками. Тьма на мгновение озарилась ярким призрачным светом. И все провалилось в зловеющий кромешный мрак.

Знак Неба

Вагончик дрожал от оглушительных раскатов грома. То, что это гроза, Аман осознал не сразу. Вырвавшись из объятий сна, он сначала не мог понять, где находится и почему сотрясаются стены. Разряды были такими мощными, вспышки лишь на долю секунды опережали звук грома и следующую прямо за ними ударную волну. Аман догадался, что молнии бьют где-то совсем рядом. Он встал и распахнул дверцу вагончика.

Тут же небо полыхнуло, из него вырвался столб огня и, змеясь, с бешеной скоростью врезался в горный кряж. Все вокруг залило ярко-белым светом. Ели, вырванные из мрака светом молнии, казалось, были сделаны из серебра. Ударная волна врезалась в вагончик с такой силой, что Аман едва удержался на ногах. Наступившая внезапно темнота казалась кромешной.

Аман услышал низкое гудение. Он поискал источник звука и вскоре понял, что гудит стоящий у котлована экскаватор. В первый момент Аман подумал, что машинист забыл отключить технику. Но звук был другой. Гудел металл машины. Вибрировал, словно от перенапряжения. Вглядевшись, Аман заметил светящийся ореол вокруг экскаватора. И тут он почувствовал, что волосы на голове встали дыбом, и испуганно провел ладонью по голове. Волосы не желали ложиться и слегка потрескивали, словно между ними проскакивали маленькие искры.

«Аллах всемогущий, – в отчаянии подумал Аман, – что же сейчас будет?!»

В его мозгу вспыхнула яркая картина давнишнего сна: светящийся котлован и на его фоне высокая фигура в малиновом халате с золотыми погонами. Экскаватор загудел еще громче, и светящаяся корона вокруг него стала ярче. Сейчас Аман бы не удивился, если бы показался барон Унгерн со своими волками.

С небес хлынули потоки воды. Разряды молний продолжали разрывать тьму. От грохота закладывало в ушах и сдавливало сердце. Вагончик ходил ходуном.

Аман стоял в открытых дверях и продолжал смотреть в сторону котлована. Он словно ждал чего-то. Одежда и волосы были мокры от ливня, но Аман даже не замечал этого.

«Аллах Всемогущий, – молился Аман про себя, – как я устал. Почему Ты не пошлешь мне знака, как поступить дальше? Все зашло в тупик. Страна зашла в тупик. Не знаю, что мне делать. Я хотел спасти страну, помочь правительству. А они просто разграбили нашу нищую республику. Я сам слышал, как президент Белоруссии, пригревший нашего сбежавшего президента, говорил, что в Киргизии взять уже нечего! Но ведь бандиты всегда найдут, что взять. Им нет дела до простых людей с их бедами и чаяниями, с надеждой на будущее. Господи всемилостивый, прости нам наши прегрешения и прекрати наши распри! Направь нас на путь созидания. Пусть все объединятся, чтобы сделать нашу страну богатой и счастливой! Успокой лидеров, открой им глаза, отверни их от жажды власти и злата!»

Аман нащупал в кармане золотую статуэтку богини, с которой никогда не расставался – она стала его талисманом. Ему показалось, что богиня, как и экскаватор в ночи, дрожит мелкой дрожью. Эта вибрация передалась Аману и отдалась где-то глубоко в сердце. Кладоискателю почудилось, что и пол под ним сотрясается в резонанс гудению экскаватора.

«Может быть, это начало землетрясения? – мелькнуло в голове Амана. – Вдруг сейчас будет сильный толчок? А если это сердится Князь Мира, которого я потревожил?! Виктор говорил, что этот Князь управляет государствами из-под земли. Может ли он сделать так, чтобы на киргизской земле был мир?»

Аман вдруг остро почувствовал свое одиночество. Жена с детьми где-то далеко в России. Его попытки случайными знакомствами закрыть брешь в осиротевшей душе оказались бесплодными, ему так не хватало уехавшей жены и детей. Потрясение в обществе унесло неведомо куда всех его инвесторов и кредиторов. Теперь они, видимо, сами скрываются от новой власти. Ушли и все друзья, которые помогали Аману в поисках клада. Их тоже можно понять: кругом неспокойно, бурлят страсти, теперь для многих главное – это безопасность родных, защита семьи.

– Князь Мира! – внезапно для себя завопил в темноту Аман. – Пусть все будет хорошо в Кыргызстане! Пусть все будут счастливы! Все без исключения!

Новая вспышка молнии на миг ослепила Амана. Содрогнувшийся воздух наполнил его душу каким-то возвышенным восторгом. Может, это ответ Князя Мира на его мольбы?

Аман вытащил из кармана золотую статуэтку и поднял ее, словно распятие, над головой.

– Князь Мира! – закричал он. – Аллах всемогущий! Дозвольте мне найти этот клад! Он нужен моему народу!

Небо словно расколосось надвое. С небес упал столб огня и врезался прямо в экскаватор. Сначала Аману показалось, что время остановилось. Он видел, как плавится металл огромной машины, словно бенгальские огни горят электрические провода, а миллионы вольт продолжают вливать в экскаватор жгуче-белое пламя. Грохот разряда слился со взрывом топливного бака машины. И для Амана наступил конец света. Мощная взрывная волна схватила его и отбросила в сторону, словно тряпичную куклу. Свет померк вместе с угасающим сознанием Амана.

Ливень продолжал неистово хлестать еще некоторое время, грозя обрушить ненадежные стены котлована. Потом в воздухе похолодало, и вместо дождя пошел снег. Снежинок было так много, что они в полете слипались в большие белые хлопья, будто кто-то на небесах сыпал на землю из гигантского фартука головки собранного хлопка. Снег, словно куски ваты, быстро покрыл все вокруг пушистым белым ковром, сквозь который торчали зеленые ворсинки травы.

Аман пришел в себя и открыл глаза. Вокруг него было белое безмолвие, светившееся в ночном мраке странным призрачным светом.

«Снег – это хорошо, – вертелось в голове Амана. – Снег – белый. А белое святое, оно все очищает. Все мысли, все дела». Аман ощупал себя, проверяя болезненные места ушибов. Слава Аллаху, он цел.

Аман огляделся и различил невдалеке черный остов сгоревшего экскаватора. Грязным пятном он выделялся на чистом снежном ковре, словно обугленная дыра. Аман проверил карманы и начал лихорадочно шарить вокруг, вороша снег. Статуэтка пропала! Сердце сжалось от предчувствия безвозвратной потери. Снег продолжал падать, и Аман беспомощно озирался вокруг. В темноте найти золотую статуэтку в этом пуховом покрывале все равно что искать иголку в стоге сена!

Амана затрясло, словно в лихорадке. Одежда его промокла насквозь, пальцы посинели от холодного снега. Скорее в вагончик – к спасительному теплу и сухой одежде. На пороге Аман еще раз оглянулся на останки экскаватора: он хотел убедиться, что все произошедшее с ним не сон. Потом резко открыл дверь и шагнул в тепло жилища. Он решил, что найдет статуэтку, когда рассветет, никуда она от него не денется. «А вдруг Князь Мира забрал назад свою богиню?» – мелькнула шальная мысль. Аман потряс головой, отгоняя эту мысль. Утром он возьмет металлоискатель и без особого труда отыщет пропажу.

Но в голове вдруг прозвучало: «Ты же хотел знака с небес, вот ты его и получил!»

Аман в ярости содрал с себя мокрую одежду и швырнул ее в угол комнаты. До боли растерся выдавшем виды полотенцем и натянул на себя все попавшиеся под руку теплые вещи.

«Нет, так просто я им не дамся», – подумалось вдруг ему. Кто эти «они», с которыми хотел сражаться Аман, он точно не знал. Но почувствовал какую-то непреодолимую силу, не пускавшую его вперед. Запах опасности проникал отовсюду. Он подстерегал его за дверью вагончика, ждал в полузасыпанном котловане. Даже здесь, в теплом помещении, Аман физически ощущал враждебность далекого мира людей.

«Меня разорвут на мелкие кусочки, если я покажу толпе вырытое золото», – с испугом решил Аман. Ему представилось, как он вытаскивает из пещеры сундуки и открывает их. Блеск драгоценного металла и сверкание дорогих камней ослепляет Амана, и он прикрывает глаза рукой. Аллах всемогущий, как сверкают эти сокровища! Сейчас кто-нибудь заметит это сияние и поспежит узнать, чем оно вызвано! О, какой алчностью сверкают их глаза! Надо немедленно спрятать эти богатства! Скорее, скорее, надо спешить! Аман завалит котлован и скажет всем, что там ничего нет! Надо спешить, спешить, пока кто-то другой не обнаружил клад! У Амана есть немного взрывчатки. Он взорвет стены и погребет вход в пещеру под тоннами камней и грунта. Только надо спешить, пока не поздно. Пока все спят. Спят жители Курменты, Бишкека. Спят криминальные авторитеты и правители. Спят все, кроме него. Аман не должен спать.

Он сохранит сокровища для своего народа! И извлечет их на свет божий тогда, когда наступит нужное время! Тогда, когда Небо подаст ему верный знак, что время пришло. И это будет такой знак, в котором ошибиться будет нельзя. В котором будет видна рука Аллаха – Господина нашего и самого Милосердного из сущих. Потому что, кто же еще, кроме Него, может простить нас за то, что мы творим? Омин!

Александр КРЯЧУН

КАРЫШКЫР – ИМЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Повесть

Кара-Донгуз капчигай – что переводилось с тюркского «Ущелье Черного Вепря», находилось далеко от больших и малых дорог: сутки езды на хорошем коне от ближайшего кишлака. Старая тропа, идущая по северному склону Ат-Башинского хребта, только интуитивно находилась опытным всадником и конем в переплетении дикой растительности.

Травы альпийского луга задевали верхушками за стремена, щекотали конское брюхо. С соцветий вспархивали и кружили всевозможные насекомые вместе с лепестками невиданных в низинах цветов.

На разведку маршрута Андрей Крутов выехал один. И если все инструкции по технике безопасности трактовали одно из главных правил поведения в горах: «Не ходи в одиночку!» он, начальник изыскательной партии, который первым должен соблюдать эти законы, легко отмахивался: «Нас двое, со мной мой конь!».

Был Крутов худощав, жилист. Черная борода с проседью словно стекала с бритого черепа. Горный загар, ввевшийся в кожу, не сходил даже в период зимних камеральных отсидок в городе. Все это выдавало в нем «бродячую натуру».

Андрей считал, что его конь Корунд, по соотношению «люди-лошади», был сообразительнее многих человекоподобных. Не мог он, конечно, сосчитать, сколько будет «дважды два», но всегда находил забвенные тропы в зарослях; при глубоком снеге, дабы не сломать ноги, обходил сурчиные норы; на ледниках чуял трещины; предупреждал о появлении диких зверей. Даже по по-

ведению и интонации ржання Андрей узнавал кто рядом: куропатка, заяц, лиса или волк.

- Ну, что, Корунд. Мы уже шесть часов идем с тобой, пора перекусить и отдохнуть, – Крутов похлопал рукой по холке, – спускайся к реке, мой Санчо-оруженосец.

Корунд – это имя конь получил при рождении. Оно было дано по всем правилам «лошадиного фамильного древа» от первых слогов родительских имен – жеребца Короля и кобылы Удача. «Санчо-оруженосец» – так Крутов называл его в минуты откровения. Конь привык к своим двум именам и откликался на оба.

Спустились к реке. Зябкостью потянуло от прохладного русла. Кустарник кончился. На песчаном пляже редкими снопами росла выжженная солнцем осока и такого же цвета штучные стебли камыша.

- Сюда зверь не ходит, – подумал Крутов, – место открытое. Следов не видно. Он спешился, снял переметную сумку-хурджун, отпустил повод.

- Иди, пей, – хлопнул Корунда по крупу.

Развязал мешок. Себе пол-лепешки, Корунду пол-лепешки. Себе два кусочка сахара, коню четыре кусочка, а себе еще горсть сваренного и высушенного риса с мясом.

Поделив продукты, Андрей взял фляжку и пошел к реке. Корунд стоял передними ногами вниз по течению и с перерывами окунал морду в воду.

- Ну, что ты опустился до поросенка – в питье с ногами, – произнес Андрей и пошел выше по реке.

Впереди на песке он заметил нарушенную гладкость выливанного ветром пляжа. Подошел и застыл: четкие следы вели к реке и уходили обратно. Его охватило ощущение Робинзона, увидевшего на своем необитаемом острове отпечаток стопы.

След был от сапога. Такой ребристый отпечаток подошвы могла иметь только обувь человека из его изыскательской партии или другой какой-либо экспедиции. Но он узнавал у чабанов: никаких стойбищ здесь нет, экспедиций тоже. Туристы сюда не забредут, здесь нужен пропуск, так как район является приграничным. В это урочище только один вход, который идет через пастбище. Прошедшего человека замечают сразу и ему сказали бы

о нем. Выхода впереди тоже нет. Ущелье упиралось в непреодолимый хребет, по грани которого проходила государственная граница. А там, за острием хребта, другая страна, из которой, даже преодолев неприступные скалы друзья не придут.

Рука потянулась к сапогу, где в ножнах, плотно пришитых к голенищу, лежал нож.

Оставив фляжку, Крутов пошел по следу. В траве отпечатки затерялись, но интуитивно он двинулся через проходы в кустах, вглядываясь в приметы: примятая трава, вывернутый камешек подсказывали путь.

Впереди показалась скальная гряда, которая подпирала лесистую террасу. Андрей пошел вдоль каменной стенки. Вскоре он увидел: из расщелины в скале широким конусом выходил след сухого ручья. Сегодняшние следы расплывчато выделялись небольшими углублениями в галечниковом наносе. Первый же дождь выровняет их выносимым из щели илом и тропа исчезнет. Этот прием сокрытия следов Кругов понял уже потом, когда начал осмысливать и понимать происходящее.

У темного зева щели к стене была прислонена светлая палка. Подойдя ближе, он понял, что это посох – сухая, выбеленная ветвь самшита. Она была заскорузлой, старой, вся в шишках, словно в мозолях. В месте, где ее касалась рука ходока, была выполирована до глянца.

Крутов заглянул в черную дыру промоины и крикнул: «Есть кто-нибудь?». Его слова промчались куда-то вперед, отскочили от невидимой преграды и передразнились эхом: «Будь... будь... будь...».

Ему стало немного жутковато, будто там в глубине прохладной неизвестности каменного мешка сидел кто-то и дразнил его, зазывая к себе.

Андрей повернулся и побежал к привалу. Подобрал фляжку, подошел к коню. Тот заржал, увидев исчезнувшего хозяина.

- На, ешь свой обед и поедем, – Андрей протянул коню лепешку и сахар.

Корунд начал со сладкого, потом откусывал мелкими кусочками хлеб, жмурился от удовольствия и запрокидывал голову.

Андрей решил поесть в пути. Он закинул хурджун, сел в седло и направил коня к таинственной щели. Посоха не было.

Выехав на тропу, Крутов отпустил повод. Достал лепешку, фляжку с водой и стал думать о загадочных следах и исчезнувшем посохе: «Кто может быть? Какой-нибудь беглый? Ближайшая « зона » отсюда километров триста. Для обрешего свободу побегом – это не расстояние. Но ведь нужно не только жить, быть свободным, но и выживать. Дождей в этот период здесь выпадает мало, выход из щели только сегодняшний. Выход, да только выход. Значит, должен быть вход. И возможно незнакомец его видел. Тогда почему не подошел? Это противоречит всем местным обычаям. А, может быть, это иноземец, с другой стороны?»

Ущелье уткнулось в осыпь. Перед подъемом Андрей наметил на карте будущее место для лагеря экспедиции. Прикинул с какой стороны ставить палатки, где копать столбы коновязи, а где оборудовать склад и кухню. Даже место для бытовых и естественных отходов он наметил сразу.

Солнце цеплялось за кромку впереди лежащего хребта. Внизу сплошным покровом рос джерганак – непроходимое переплетение всевозможных колючих кустов. Река снизошла до ручья и сомкнутые кущи спрятали её в тень. Впереди островерхие пики без названий были покрыты снегом. Они гипнотически притягивали взгляд какой-то магнетической силой. На ломких гранях светило отраженное солнце. Уставшие от слепящей белизны зрачки Андрей переводил на зеленую массу леса и давал отдыхать глазам.

- Ну, что Санчо-оруженосец, устал? Пока есть пища для тебя, пасись, – Крутов соскочил с коня, забросил повод за луку седла. Взял ледоруб, взобрался на ближайшие скалы и стал осматривать местность в бинокль. Нашупал место, где останавливались на привал.

Скальная гряда сверху была отделена от края небольшой поляной, а дальше шел сплошной лес. Даже намек на какое-либо жильё не просматривалось.

- Этот детектив нужно разгадать, – подумал Андрей, – следы и посох – это уже доказательство того, что там есть человек или люди.

Вечерело. Андрей смотрел, как очень быстро тень от хребта накрыла пасущегося коня – он будто втаил в полумрак сумрака. Сам же Крутов находился еще на освещенной части.

Подниматься выше не имело смысла. Андрей решил за-

ночевать на месте намеченной стоянки для лагеря, утром разгадать тайну посоха (нужно ведь знать будущего соседа или соседей), а потом через день-два привести сюда свою экспедицию. Дальнейший маршрут он исследует после обустройства лагеря. Все равно другого пути не будет – маршрут один и он его.

Ночью Корунд фыркал и ржал – значит, близко были звери. По слишком неугомонному беспокойству коня Крутов понял, что даже стая волков не могла так разнервничать Корунда, как что-то тихое и мягкое, скользнувшее в утреннем рассвете на изгибе хребта. Он понял, кто это, и шершавая дрожь колючим холодком пробежала по позвоночнику. За четверть века работы в горах Андрей впервые увидел снежного барса, но был уверен, что они его видели чаще. И особенно сейчас эта встреча была нежелательной, особенно для нервного Корунда. Крутов хорошо знал повадки этих «дымчатых царей вершин» из рассказов барсоловов. Он даже не усомнился, что барс, возможно, всю ночь наблюдал за ними, находясь на расстоянии прыжка.

Несмотря на ночлег, проведенный в полудреме, Крутов отдохнул. На траве алюминиевой пудрой лежал иней. С гор тянуло морозом – это ледники сбрасывали накопленный за ночь холод. Воздух был густым, стылым и при вдыхании пощипывал ноздри.

Костра Андрей не разводил. Согрел на таблетке сухого спирта кружку, проглотил жгучую воду. Тело мгновенно согрелось.

- Вперед, Корунд. У нас еще загадка есть, – сказал Крутов и вскочил в седло.

У щели посоха не было. А вчерашние следы были аккуратно заглажены. Андрей спешил, отпустил коня и не раздумывая шагнул в полумрак узкого прохода. Ткань штормовки зашуршала о сухие каменные стенки. Щебень под ногами зло заскрипел. И каждый шаг в тесном пространстве стен создавал пугающий звук.

Глаза привыкли к мраку и Андрей увидел, что верхний свод начал смыкаться и узкая воронка прохода влекла в себя – в мрак и неизвестность.

- Должен быть выход, – думал Крутов и жалел, что отправляясь в маршрут, не взял фонарик.

Он, уже согнувшись, прошел еще несколько метров, упираясь руками в стенку.

- Обычная карстовая промоина, во время дождей идет вода. Но вода где-то втекает, – думал Андрей, двигаясь по узкой каменной кишке и всматриваясь в потолок.

Впереди, прорезая мрак, показался тонкий лучик, который, падая на стенку, высвечивал пятно в виде вытянутого полумесяца. Дальше пути не было. Свод потолка расширялся куполообразно и можно было встать во весь рост. Над головой виднелся узкий клочок голубого неба, похожий на полуприкрытый глаз большой рыбы, высунувшейся из черного океана. Крутов присмотрелся и понял, что выход прикрыт камнем.

Протянув руку, Андрей сдвинул преграду.словно из отвалившегося dna хлынул свет. Заслепило глаза. Сбоку в стене была вырублена ступень.

- Здесь нужен посох: упираешься левой ногой в ступень, правой рукой на посох и легко выбираешься. А не ждет ли владелец посоха наверху с посохом наизготовку? – засуетилась в голове мысль.

Андрей немного подождал, послушал наружную тишину и, упершись ногой в ступень, резко, в прыжке, выскочил наверх. Вокруг была скальная пустота. Как он и предполагал, в отверстие втекал сухой ручей, но метрах в тридцати он заметил искусственную плотину, которая отводила воду в сторону. Ручей был постоянный.

- А если запустить воду обратно в старое русло, никогда не догадаешься, что по щели есть проход. Хороший «шламбаум», – думал Крутов.

За плотиной, где кончался скальный выступ, начинался лес. Густые заросли пестрели желтизной облепихи и бордовостью барбариса. Кое-где светилась рябиновая краснота и охристость боярышника.

Поляна перед лесом, словно забытая художником палитра, была усыпана сочными мазками цветов. Продвигаясь вперед, Андрей замечал красные и желтые маки, бледные ерши эремурусов, в народе – «лисий хвосты», малиновый прострел.

Крутов без труда отыскал недавние следы по примятой траве. Он догадался, что «ходок», пока Андрей назвал его так, не

ходил по одному месту, прятал след. Исключение составляла только щель, которую не обойти.

В голове уже закрадывалась мысль: «Не вернуться ли назад? Ведь неизвестно, кого я встречу? Если человек себя так прячет, значит, не хочет встречи с другими людьми».

Через лес тропа просматривалась отчетливо, была вытоптана основательно и видно опасаться уже было нечему.

- Если человек так вытоптал себе дорожку, значит не один год он живет здесь. А может быть их несколько, а, может, семья?

Отойдя в сторону, Андрей пошел параллельно тропе. Густой кустарник мешал продвижению. Он натянул капюшон штормовки на голову и буравил колючие сплетения веток, затем пропихивал тело. И от этого стоял такой шум, что его, наверное, слышал оставленный Корунд, не говоря уже о тех, к кому он шел непрошеным гостем.

- Была не была, – подумал Андрей и вышел на тропу, – все равно я должен видеть хозяина посоха. А так, как я, по закоулкам и крадучись, в гости не ходят.

Стук камней он услышал отчетливо. Остановился. Звук доносился слева, будто кто-то стучал камнем о камень.

Дорожка петляла среди зарослей. С постоянным промежутком слышался стук камней. Еще загадка – теперь этот непонятный стук.

Тропа резко повернула влево и завертелась петлями еще в большую глухомань. Стук камней стал слышен отчетливо. Крутов замедлил шаги.

Вдруг перед ним, поперек тропы, словно ширма, преградила путь камышовая дверь. Андрей толкнул легкую преграду. Словно очерченная циркулем, возникла круглая поляна, обнесенная плотным кольцом камыша, связанного тонкими прутьями тальника. В дальнем краю, близко к нависающим деревьям, стояла каменная постройка, крытая камышом. Дверь и окна выделялись белесыми, выгоревшими на солнце камышовыми прямоугольниками. Посох стоял прислоненный к стене.

По левую сторону дома было кукурузное поле, с правой виднелись грядки картошки. Все остальное пространство, где возможно, было засеяно ячменем. Из-за дома вытекал тот самый ручей, вливался в небольшой каменный бассейн и вытекал, про-

падая за камышовой оградой. Перед домом высилась гора из толстых сучьев и хвороста – заготовка дров на зиму.

У очага, сложенного, как и дом из дикого камня, в пол оборота к Андрею сидел на корточках старик. Между ног у него была зажата размочаленная кора, заменяющая трут. Человек высекал огонь.

- Салам айлекум, аксакал, здравствуй, – поздоровался Крутов.

Человек оглянулся. Резко вскочил, отошел несколько шагов назад и стал молча смотреть Андрею в глаза. Руки с кремнями он спрятал за спиной. Уже позже станет понятно, что прятал старик самое дорогое и ценное – инструмент для добычи огня.

Будучи художником по натуре, Крутов сразу увидел в человеке целую эпоху перенесенных им мук и страданий. Его глаза не выражали ничего: ни удивления, ни страха, ни горя. Они были похожи на беззрачные взгляды скульптур античных мыслителей. Андрей даже засомневался – видит ли он?

Лицо у старца было непропорционально сложено. От подбородка ко лбу ломаным зигзагом через левую щеку лежала глубокая рваная морщина – след шрама. В его конце, у виска, проломанная кость глубоко ушла в череп. Этим самым лицо казалось сильно деформированным. Уродство дополняло оторванное левое ухо и почти отсутствующий нос. Редкая седая борода ключьями покрывала правую часть лица, словно кусты выбеленной осоки на том песчаном плесе, где Крутов впервые увидел следы. Левая же сторона была гладкой, будто свежесбритой. Высокий философический лоб, не потерявший своей величественности из-за пролома и глубоких морщин, переходил в совершенно лысую голову.

Одет он был в телогрейку перештопанную латками из кошмы. На ногах были еще не старые экспедиционные кирзовые сапоги.

Человек исподлобья смотрел на Андрея, будто спрашивая: «Зачем пришел? Я тебя не звал».

- Салам! – Андрей повторил приветствие, протянул руку и на всякий случай добавил по-русски: здравствуй!

Старик кивнул головой, положил кремни на край очага и сделал жест рукой, приглашая в дом. На обеих руках не было фаланг пальцев. Из ладоней торчали сантиметровые обрубки с

мозолистыми наростами, поэтому и не протянул он их для приветствия.

- Обмороженные, – догадался Андрей. Он уже видел такие у друзей-альпинистов.

Шел старик, хромая на обе ноги, фигура так же была перекошена, и казалось, что еще шаг, и рассыплется, сложится тело, еще неизвестно побывавшее где.

Старец отодвинул камышовую дверь и впустил гостя. Жестом руки указал на топчан, аккуратно застеленный кошмой, которая была, наверное, старше хозяина.

Андрей оглядел пристанище. Изнутри стены были обмазаны глиной. Слово декоративная штукатурка, по всему периметру были видны параллельные борозды из пяти полос – следы обрубков пальцев.

Ноги стола, выложенные из камня, держали на себе столешницу толщиной сантиметров пять из цельного куска горного сланца. На столе стояли солдатский котелок, алюминиевая миска, наполненная кусками каменной соли, ложка и нож, лезвие которого было сточено и походило больше на стилет.

В углу был сооружен ларь из того же сланца. На крышке стояли два мешка, похоже с кукурузой и картошкой.

- Дотянет до урожая, – все более восхищаясь этим человеком, думал Крутов.

Старик не произнес еще ни одного слова, но то, что живет он здесь не один год, было не трудно догадаться.

Печь выложена из обожженных кусков глины. Было заметно, что она часто подмазывалась, но все делалось вовремя, так как копоти в доме не было. Только из небольших трещин под потолком виднелись черные выбросы сажи.

На подоконнике, завешанном камышовым матом, лежала стопка тонких ровных прутиков. До Андрея дошло, что это лучины, только тогда, когда увидел он у изголовья топчана вставленный в стену и обгоревший наполовину прутик.

Под потолком на жердочке по всей комнате висели связки высушенных трав. Разглядел Крутов букетики чабреца, зверобоя, бессмертника, спорыша, ромашки, календулы, мать-и-мачехи, розовые связки «Тянь-Шаньского жень-шеня» – золотого корня и еще много непонятных кореньев и стеблей.

- Целая аптека, – подумал он, – вот у кого поучиться. А старик все стоял у двери и смотрел на Андрея.

- Сиздин атыңыз ким, аксакал? Как твоё имя, старец? – спросил Крутов по-кыргызски и по-русски.

- Жалгыз карышкыр! – трудно произнес старик. Он выговаривал слова, будто вспоминая, как произносится каждая буква.

- Одинокий волк, – мысленно перевел Андрей.

И вдруг на чистом русском языке, без тени акцента старик сказал:

- Говори по-русски. Тебе легче и мне поупражняться надо. Давно не разговаривал с людьми. Все сам с собой, да с лесом. А тебя видел вчера с конем. Как шел по моему следу видел. Понял, что можешь прийти. Не ждал, но думал, что придешь.

Кругов знал местные обычаи и этику гор: нужно рассказать о себе, потом выслушать собеседника – пусть расскажет, что посчитает нужным.

- Меня зовут Андрей. Я начальник изыскательской партии. Скоро здесь будем работать.

- Ты скажи, какой сейчас год? – перебил старик, будто спросил: «Который час?». Андрей опешил, но не подал виду и так же ответил, будто посмотрев на часы.

- Одна тысяча девятьсот семьдесят восьмой.

- Четырнадцать лет! – устало произнес старик.

Андрей представил себе эту грядущую лет одиночества, но сомневался, что все эти годы старик не встречал людей. Видно, был он недюжного ума. Хотел бы знать Кругов его историю. Потрепала его жизнь. И язык русский он учил не по букварю. А ушел от людей, наверное, из-за своего уродства. Стражи ада выглядят перед ним, наверное, мальчиками с подиума.

Старика, видимо, тяготило присутствие Андрея: когда вмешиваются в одиночество – оно перестает быть им, и поэтому Крутов встал.

- Карышкыр, мне пора идти. Там коня одного оставил. Приходить дня через три? – спросил разрешения Андрей.

- Знай сам.

- Что тебе принести?

- Кант-сахар. Спички не носи, не возьму.

Этот ответ прозвучал как приглашение.

Так началась дружба двух очень разных и чем-то похожих друг на друга людей. Как бы ни был одинок старик, как ни стремился уходить в себя, в Андрее он узрел, даже при мимолетной встрече, то, чего не смог найти в тысячах встреченных людей – понимания. Для Крутова же Одинокий Волк станет неисчерпаемым кладезем жизненной философии, земной мудрости и просто истории, которую не прочитаешь в книгах.

Через три дня изыскатели на пяти вьючных лошадях двинулись по ущелью Кара-Донгуз. Неожиданно Андрей остановил караван, спешился, передал поводья своему заместителю завхозу Роману и сказал:

- Через километр поляна, там станем лагерем. Я подойду пешком часа через три. Дай мне пять килограмм сахара.

- Не понимаю? – зажимистый Роман, как все завхозы, даже не мог позволить себе отпустить и кружку сахара по незапланированному рациону, а тут пять килограмм.

- Дай сахар. Запишешь на мой личный забор. В первую же заброску верну, – приказом сказал Крутов.

Роман, доставая сахар из переметной сумки, ворчал: «Вечно ты с загадками. Брагу, что ли, собрался где-нибудь в тайнике ставить? Скоро темнеть будет, не заблудись».

- Не беспокойся. Лагерь ставьте по моей схеме. Там не ошибетесь, поляна единственная перед подъемом, – ответил Андрей, укладывая сахар в рюкзак, где для Одинокого Волка лежал мешочек с поваренной солью, новый охотничий нож, две пачки индийского чая и булка пшеничного хлеба.

Пламя костра лизало черный вечер. В засыпающем небе мерцали блики огня. Всполохи пламени, будто накатывающие волны, будоражили и без того разорванную душу Одинокого Волка.

Он смотрел на огонь и думал. Думал на двух языках, перемежая киргизский и русский. Вспоминал недавнего гостя, первые за четырнадцать лет забредшего к нему и нарушившего его печальное одиночество. Ему хотелось, что бы он пришел.

И в ответ на желание старик услышал натренированным слухом мягкие шаги. Так идти мог только человек, привыкший к осторожности в горах.

Андрей подошел к костру. Поздоровался. Руки он не протягивал, знал, что старик стесняется своих обрубков.

На очаге стоял котелок с водой.

- Проходи. Ходишь тихо, но я тебя давно слышал. Сырой ночью далеко слышится. Понял, ты идешь.

Андрей присел у костра. Развязал рюкзак.

- Держи, Карышкыр. Это тебе нож – подарок. Сахар, соль, чай и хлеб.

Старик от таких подношений пытался улыбнуться, но улыбки не получилось. Кривой шрам изогнулся, углубился и лицо исказила еще более ужасная гримаса, перерезанная будто сабельным ударом.

- Зачем столько? Я загадал: когда нож, который я принес с собой, станет тоньше нитки, тогда я умру.

- Вот и хорошо. Будешь пользоваться двумя ножами – значит время твоей жизни увеличится вдвое, – заметил Андрей.

- Мне много не надо. Когда бог скажет «уйди», я уйду.

Старик поднес хлеб к лицу и начал вдыхать вкус. Отломил два кусочка, посолил. Один протянул Андрею. Свой же положил на ладонь, еще раз вдохнул духовитый запах, положил в рот и медленно начал жевать.

- Хлеб... Человек, не понимающий его настоящего вкуса, не познает ощущение сытости жизнью, – произнес Карышкыр, сглатывая кусочек хлеба, словно пиллюлю для бессмертия.

Крутов подбросил обрубок дерева в костер. Брызнули искры в ночь. Вспышка кострового пламени еще сильнее покорибило уродистое лицо старика, словно вырубленное из корявой урючины неумелым плотником.

- Извини, Жалгыз Карышкыр, поступлю не по обычаю. Хочу, чтобы ты рассказал о себе, – попросил Андрей, – носишь ведь в себе неимоверную тяжесть жизни. Вижу по тебе. Если не хочешь – помолчим.

- Впереди большая ночь, но какой бы она ни была протяженности, все равно длиннее моей жизни не будет, – ответил старик, – моя жизнь вряд ли заинтересует кого. Не я один с такой обрубленной и замысловатой судьбой шастаю по земле. Многие живут среди людей и их прошлое мало кого волнует, а я один. Сам с собой. Себе и друг, и собеседник, и враг, и знакомый. Расскажу, не расскажу – все равно прошлое будет сидеть во мне занозистой памятью. Легче мне сделает только смерть, которой,

как и все живые, я не хочу. Оправдание моей вины или не вины перед народом совершит высший суд, когда я предстану перед богом. Может быть, там справедливее мир? А кто его знает, откуда ещё никто не возвращался.

Слушай, если желаешь. Может быть, не зря тебе расскажу. Жаловаться не буду – скажу, как было. Не призываю в судьи никого: ни тебя, ни бога. Суды надо мной были земные, последний будет небесный, а предпоследний приговор вынес себе я сам – приговорил себя к одиночеству. Язык человеческий слаб и лжив. Он у многих дан для работы на желудок, а не для изречения мыслей. Я думаю, мой язык устал работать на желудок, пусть теперь поработает в нужном направлении.

Родился я на берегу великой реки Нарын, которая начинается на ледниках Тянь-Шаня и уносит в себе талые снега в горячие степи Ферганской долины. Кишлак мой назывался Кушчусу. Он был знаменит тем, что в этих краях был рожден прославленный акын киргизского народа Токтогул Сатылганов. Ты его знаешь, конечно, но о нем я ещё расскажу. Из детства никогда не забуду высокогорные пастбища, куда на летние месяцы отец брал нас пасти скот. Лихие скачки по бескрайним просторам, пьянящий воздух высот, рискованные вылазки в соседние стойбища с ватагой конокрадов. Но воровство лошадей не считалось преступлением – это была особая показная удаль, которая уважалась. Обычно хозяин на второй-третий день находил пропажу, а конокрады удаивались лишь порицания старейшин.

Это были бесшабашные годы воли и щемящей свободы, которая снилась мне потом в виде пегого сухореброго коня, скачущего от меня крупной рысью с развевающейся мягкой гривой, похожей на горную белосивую речку. А я с босыми ногами в цыпках и ссадинах, бегу за ним по колючим камням, а он удаляется и удаляется. Сейчас конь убежал далеко вперед, и вижу теперь в снах только маленького человечка, у которого вместо ног окровавленные обрубки, а голова похожа на высушенный картофельный клубень. Он не догонит коня никогда.

Когда летом на пастбищах собирался айтыс – состязание акынов – это был великий праздник. Я до сих пор помню песни

моего кишлачника Токтогула. От него я впервые услышал русскую речь и слово «каторга». Не знал я, что на своей коже испытая вес и боль этого слова.

До двадцати лет я не выезжал дальше пастбища, которое находилось недалеко от нашего кишлака. Ближний большой город Фрунзе был далеко, два дня пути конем. Чабаны ездили, привозили много вещей: порох, патроны, одежду, сахар и водку. Ее, правда, мало кто пил, не то, что сейчас. Предпочитали местные напитки – бозо и кумыс...

Рваная речь старика иногда прерывалась молчанием. Он словно забывал слово, смотрел в одну точку. Потом вдруг дергался, наверное вспоминал забытое, и продолжал рассказ:

- О войне мы узнали в тот же день. У отца был сундук, где хранились четыре огромные батареи и радиоприемник. Он не разрешал никому даже притрагиваться к нему, доставал и включал его только вечером, когда возвращался с пастбища. Приходили чабаны из соседних стойбищ – слушали музыку. Бывало, диктор объявлял исполнение Токтогула, и начинал играть наш земляк. Старики кивали головами, восхищались, что, мол, акын умер, а песня живая.

В тот день музыки не было. Через промежутки времени передавали на русском и кыргызском языке о начале войны. Я плохо представлял, что такое «война». Мне казалось – это две огромные враждующие орды бегут друг на друга, воют, кричат, сталкиваются и начинают убивать друг друга, а побеждает тот, с чьей стороны кто-то останется живой.

Мы и представить не могли, что уже погибли тысячи людей, не видевших врага и не узнавших за что и почему умирали.

Через неделю приехал военком с двумя красноармейцами, переписал всех мужчин и велел через четыре дня быть в городе, в военкомате.

Четыре дня был малый срок, но мы успели. Из нашего кишлака ушло тридцать парней. Отец провожал нас. Что бы ему было меньше заботы гнать обратно коней, мы со старшим братом ехали на одном. Но коня забрали в военкомате, выдали справку. И отец не печалился, что конь и два сына ушли воевать...

Про войну много говорить не буду. Она – горе всех.

Во Фрунзе нас погрузили в поезд и повезли в город Алма-Ата, где формировалась дивизия из среднеазиатских республик. Она станет «Панфиловской» в боях под Москвой после гибели командующего – генерала Панфилова.

Брат хорошо стрелял, и его отправили в школу снайперов – он погибнет в боях за Кенингсберг. А меня, как умеющего управляться с упряжью, определили в тыловую часть. Было обидно быть обозником, но это тоже нужно было. Мы подвозили продовольствие, боеприпасы. Нередко под пулями приходилось доставлять на передовую снаряжение... Обозники были не в чести у боевых солдат. Нас называли тыловиками. Мы часто на передовой оказывались раньше других, разворачивали полевые кухни, медсанчасти. Приходилось восстанавливать автомобильные и железные дороги нередко под огнём и своих, и чужих. Вместе с сапёрным батальоном наводили мосты и переправы.

Первый страх я испытал в октябре 1941 года под Москвой. Послали меня отвезти в лазарет чистое бельё со станции. Загрузили мешки на подводу, показали лесную дорогу где ехать. Стреляли везде: впереди, позади, справа и слева. Иногда рядом слетали со щелчком сбитые ветки или слышался шлепок входящей в ствол дерева пули. Лошадь, как и я, была необстрелянной. От близких разрывов дёргалась и норовила свернуть в густоту леса, будто там можно было спрятаться от грохота взрывов и свиста пуль.

Уже подъезжали к лазарету — были видны палатки – как лошадь остановилась, задрожала и замотала головой, словно отгоняя рой мух. Из шеи, от сквозного ранения, в две стороны хлестали струи крови. Я соскочил с подводы и не знал, что предпринять. В это время лошадь упала на колени и завалилась на бок. Подвода опрокинулась и белые мешки с бельём посыпались в маслянистую грязь. Розовая пена из хрипящей глотки запузырилась на жухлой траве. Я побежал к лазарету. Путая киргизские и русские слова, стал просить спасти коня. Медицинский лейтенант широким шагом подошёл к животному и выстрелил в открытый лошадиный глаз. Кровь, мозг и слёзы брызнули веером. На блестящий сапог лейтенанта попала густая капля малиновой слизи. Он вытер её стволом пистолета и обернувшись ко

мне, приказал носить мешки с бельём в крайнюю палатку. Это была первая смерть, которую я встретил на войне. Смерть, которой могло не быть – ведь лошадь можно было спасти. Но животных на войне не лечили. Если человеческая жизнь становилась «ничем», то «тягловую силу» война списывала безболезненно.

У меня постепенно складывается представление и понятие о войне. Она похожа на реку смерти, воды которой влекли за собой в могилу весь мир. А сколько гнусности было в ней, сколько нечистоплотности и зверства.

Постоянной готовности умереть у меня не было, хотя ожидание смерти проскальзывало постоянно. Видеть человеческие страдания, липкую боль на окровавленных лицах выше человеческих сил.

На войне право на убийство имели все. Я безнаказанно мог убить противника, как и он меня. Чем больше мы убивали врагов, тем меньше они могли убить нас. Но за всю войну я не встретился лицом к лицу с противником, не выстрелил ни разу во врага. Но я принес не меньше пользы для победы, чем кто-либо, убивший не одного фашиста.

Вместе со своим обозом дошел я до Курляндии. На этом полуострове мы сдерживали немецкую группировку, которая сдалась 9 мая 1945 года...

Демобилизовали меня в июне 1945 года.

Из тридцати ушедших со мной парней, вернулись в кишлак всего семь. У некоторых награды еле умещались на груди, я же со своими двумя медалями смотрелся бедно и совсем не героем. Мальчишки подтрунивали надо мной, узнав, что я был обозником. Даже нашивки за легкое ранение у меня не было. За всю войну не получил и царапины. Подвыпившие парни называли меня тыловиком и рассказывали о истребленных в неимоверном количестве врагах. Я же за всю войну не убил ни одного фашиста. Они были героями, воевали по настоящему, но если разобраться, без скромной моей работы им было бы трудно победить. Ведь кто-то должен был быть и обозником.

Отец мне отыскал невесту из соседнего кишлака. Я был не против скорой свадьбы, тайком ездил, издалека смотрел на свою будущую жену – она мне понравилась. По обычаю мы должны

были «украсть» ее в конце лета будущего года и в сентябре устроить той, то есть свадьбу. До неё оставалось чуть больше года.

По поселку прошел слух, что скоро будут строить большую дорогу в столицу и организовываются лавинные станции, на которые набирают рабочих. Я решил до свадьбы заработать денег.

Взяли меня на лавинную станцию «Итагар». Работа моя была несложной: после снегопадов обходить снегомерные рейки и записывать отчеты, указывающие толщину снежного покрова. Если снег не выпадал, я проходил по своему двадцатикилометровому участку раз в неделю. Рейки стояли поперек склонов и во многих местах можно было рассмотреть отсчеты в бинокль, не поднимаясь в гору.

Так с января 1946 года я начал работать и гордо назывался лавинщиком. К весне стал неплохо ориентироваться в снежных запасах и мог «на глаз» определить мощность и опасность схода лавины на определенном участке.

Апрель-май самые лавиноопасные месяцы. Солнце топит снег и сырая могучая масса лежит словно на смазанном маслом склоне. Достаточно громко крикнуть в узком ущелье или сесть птице на поверхность скопления снега, и лавина тронется. Работа у меня была, вроде, не очень опасной. Если соблюдать все правила поведения на лавиноопасном склоне, опасность почти сводилась к нулю. Я говорю «почти» потому, что соблюдаемые тобой правила не касались самих лавин. Они жили своей жизнью и не подчинялись законам, придуманным людьми.

Обходил я свой участок обычно утром. Это самое безопасное время. Снег, схваченный ночным морозом, прочно лежал на склонах.

В тот страшный для меня день я заканчивал обход. Это было одно из мест, где верхние рейки стояли на небольшом плато и снизу в бинокль их не видно. Пренебрег я правилами передвижения – не ходить параллельно склону – пошел к верхним рейкам горизонтально, чтобы потом спуститься перпендикулярно и описать нижние. На середине пути, где снег был поглубже, я почувствовал под настилом снежную кашу, которую малый ночной мороз не достал. Как всегда надежда была на «авось пронесет».

Не пронесло. Сняв отсчет, стал спускаться вертикально, тем самым вырезав клин, который сорвал своим присутствием. Уже

на полпути вначале услышал скрежет, а потом почувствовал, как снег подо мной ожил и пополз вниз. Панический страх холодно ткнулся через тело от паха до затылка. Я оглянулся: моя тропка, так неудачно подрезавшая склон, расширялась, обнажая темносиний зев отрыва. Ближе ко мне ломался и хрустел наст, собиравшись в гармошку и полз на меня.

- Не успею ... – безразлично и обреченно подумалось мне, – как глупо. Ничего не успел...

Я бросился вправо, подальше от своих следов. Но ожил весь склон. Было поздно.

- Главное – оставаться наверху. Так надо... Чтобы не накрыло, – металось в голове опоздавшее напоминание из правил поведения на лавиноопасном склоне.

Снег набрал скорость. Я упал. Поверхность рвалась на трещины. Острые края наста резали кожу.

- Ну вот и все... Как и не жил... – выпали последние мысли в клубы снеговой пыли.

Задыхаясь от разряженности, создаваемой летящим потоком, я кричал. Смешалось все: мой рев, скрежет и свист снега, крик и шелест крыльев вспугнутых птиц, которые метнулись в небо от яркости «белого взрыва»...

Уже потом я понял, что произошло дальше. А благодарить случай за свое спасение я до сих пор не решаюсь.

Язык лавины врезался в речку, перепрыгнул её, подтолкнул снизу спокойно лежащий снег на противоположном склоне.

От удара вздрогнули горы, ожил склон и встречный лавинный поток скользнул вниз и ткнулся в снежную плотину перегородившей речку. Разбросал мокрым студнем набухший от воды снег. Моё освобожденное таким образом тело, ещё не успевшее задохнуться, подлетело вверх и упало чужеродным пятном на серые рытвины смешанных снегов двух лавин.

Но я не видел, как снежная пыль поднялась высоко и заискрилась в лучах мутного солнца, как легкие искры опустились на мою изодранную одежду и растаяли на окровавленном лице. Я этого не чувствовал – сознания у меня не было.

Очнулся я ночью под сильный мороз. Видел над головой огромные дрожащие звезды. Между ними искрилась снежная пыль, похожая на застывшие молекулы кислорода. Мне казалось,

что на мне нет не только одежды, но и кожи. Словно безшкурый, одними голыми нервами лежал я на замороженном снеге. Застывшее тело не чувствовало боли. Но мозг работал четко. За телогрейкой, под ремнем, у меня была ракетница. Я хотел спастись и начал борьбу за выживание.

Уже пропали звезды, когда я извлек ракетницу негнуцими руками. Зажал между коленей, взвел курок. На метеостанциях дежурят круглосуточно, через каждые три часа выходят на связь и я надеялся, что ракету увидят. Искать меня все равно утром пошли бы.

Самое трудное было – это направить ствол ракетницы вверх. Я боялся угодить себе в подбородок. Между одеревенелых колен ствол держался плохо. Работая четырьмя бесчувственными конечностями я все-таки нажал на спуск.

Ракета ушла горизонтально в противоположный лесистый склон. Попала она видно под елку, где не было снега. Загорелась сухая хвоя и вскоре вспыхнула первая ель. Я вначале даже обрадовался, что огонь увидят, но потом меня охватил страх – ведь сгорит лес.

В холод огонь становится жадным. Ненасытная пламя стало обжираться мерзлой хвоей, ярко брызгая смолюю. Вспыхивали ели мгновенно, от низа до верха. Ярко, броско, как взрыв, а потом тихо горели, роняя обуглившиеся ветки в тающий снег. Я лежал и замерзал глядя на жаркий огонь, от которого до меня доходил только свет...

Нашли мое беспмятное тело утром. Но я этого не чувствовал. Негнущегося, вместе с пустой ракетницей, отвезли почему-то в областное отделение милиции. Когда в камере я оттаял и начал кричать от боли, вызвали врача. Он вколол морфий, наложил на все тело шины, перевязал лицо, руки, ноги. Я весь был как огромный больной зуб. Внутри меня была будто налита серная кислота в которой плавали острые гвозди. Я не знал, что конкретно у меня болит – болело все.

Так меня, прикрученного к доскам, и повезли в больницу. А в милиции завели дело «Об умышленном поджоге», и как «вещдок» лежала там пустая ракетница.

Наверное, меня догнала война: двадцать шесть переломов, обморожение рук и ног, оторванное ухо и нос, порванное лицо.

Почерневшие пальцы на руках и ногах отрезали, грудную клетку заковали в гипс, на зубы одели скобы, чтобы срасталась челюсть. В таком состоянии, питаюсь только соками и уколами глюкозы, пролежал я более трех месяцев.

Приезжал следователь, расспросил, как было, сказал — отменяюсь пустяком. За пожар должен был кто-то ответить, и «пустяк» потянул на двадцать лет. На собственном суде я не был, так как находился в больнице. Приехали прокурор, адвокат и ещё кто-то. Зачитали приговор – я подписал, и всё. Осудили меня по «Общему разделу Уголовного Кодекса 1926 года» по знаменитой 58-й статье, пункт 9 – «Диверсия».

Во время болезни из родных меня никто не навещал, было очень далеко ехать в областную больницу, все ждали моего возвращения. Может, это и хорошо – никто не видел моего уродства. Из больницы я ушел на этап.

Довезли меня до Джамбула. Там я сидел неделю, ждал, когда наберется народ. Люди прибывали каждый день. «Вагонзак» наполнился быстро и его отвезли на станцию Луговая. Говорили, что эшелоны с заключенными уходят раз в неделю – система работала четко.

...Погрузка шла ночью. Где-то за полосой охраны голосили женщины и выкрикивали имена мужей, братьев, отцов. Многие вслушивались в голоса. Я был спокоен: моего имени никто не выкрикнет.

Везли нас вначале летними просторами казахских степей, где жажда высушивала гортань и не было слюны чтобы плюнуть на свою «зарешеченную» судьбу. На занозистых нарах горячий воздух доводил до одури. Пить давали один раз в сутки вместе с едой.

Уже в дороге начал постигать каторжные законы, которые диктовали уголовники, едущие в лагеря не впервые. Главную заповедь «Сдохни ты сегодня, а я – завтра» была испытана в пути, когда блатные и воры, ставшие сразу хозяевами вагона, занимали лучшие места. На глухих полустанках, где кормили нас, они получали пищу первыми и выбирали лучшие куски, хотя какие «лучшие куски» могут быть в разваренных капустных листьях с гречневой крупой?

Большинство было политических, вроде меня. Ехало много

осужденных, которые вернулись из фашистских лагерей. Настрадавшиеся, еще не вдохнувшие свободного воздуха Родины, уезжали опять в несвободу.

Везли в начале на север, а затем свернули на восток. Я плохо знал географию, и эти города мало что мне говорили. Но ехавшие со мной растолковывали местонахождение. Когда проехали Барабинск, Томск, Ачинск, Красноярск, Тайшет, всем стало ясно: это уже Сибирь. Было, конечно, наивно думать, что нас повезут куда-либо в другое место.

Останавливались часто где-нибудь на глухом полустанке или разъезде. Стояли иногда сутками. Из вагонов не выпускали. Несколько раз проводили шмон, простукивали пол и стены, проверяли, не подпиливает ли кто доски для побега. А куда бежать? Везде «клетка». А уголовники ехали к себе. Им было и так неплохо.

В Тайшете последние три вагона отцепили, в одном из которых был я. Поставили в глухом тупике. Сквозь оконные решетки была видна лишь тайга, а из звуков слышали мы только лай охраняемых нас собак. Все лежали на нарах и ждали. Даже блатные притихли. Здесь, на удивление всех, стали кормить два раза в сутки. Это указывало на то, что подходил конец нашим двадцатисуточным дорожным мукам. За это время все перезнакомились. Только уголовники держались особняком. У них был свой угол, где они играли в карты. Никого и ничего не опасаясь, травил политические анекдоты, которые нам было даже страшно слушать. Меня предупредили, что неосторожное слово может стоить дополнительных каторжных лет. Иногда с их стороны слышались угрозы: «Прибудем на место – и там каждый получит своё место».

Как сейчас помню, это было 25 августа 1946 года, в мой день рождения. Исполнилось мне в тот день тридцать лет. Наши вагоны рано утром дрогнули от пристыковки паровоза, и мы двинулись в новую неизвестность.

Последнюю большую станцию – Братск – проехали без остановок. После неё, часов через десять, уже глухой ночью заехали в какой-то тупик. Этой «географии» уже никто не знал. Только потом выяснилось, что это посёлок Усть-Кут. Дальше железной дороги не было.

Выгнали нас на рассвете и строем, охраняя с двух сторон, повели по спящему поселку на пристань, которая была будто прислонена к берегу огромной реки. При погрузке на баржу у местного якута удалось узнать, что это река Ёлюене или по-русски – Лена. Самая большая река России. Она была как море, другого берега не видно, а, может быть, он просто прятался в утренней дымке.

Вверх по реке плыли более суток. Казалось, что пароход, который тянул нас, зря дрожал и надрывался, преодолевая течение. Но мы всё-таки двигались. После душного вагона свободный ветер дурманил голову и щипал ноздри, отвыкшие дышать свежим воздухом. Прохладной воды было неимоверно много, но пить не хотелось, глотки влажнели от сырого ветра и брызг, которые летели из-под кильватера парохода, надсадно пыхтящего впереди нас.

Прибыли в посёлок Пеледуй, пристань которого была завалена брёвнами. Горы леса лежали на берегу. На них, словно мурашки на рассыпанных спичках, копошились люди в серых робах. У них было одинаково всё: одежда, обувь, бритые головы, одинаково отчужденные глаза, согбенные спины и тонко-сухие губы. Только номера на груди отличали друг от друга.

Для нас это был ещё не конец пути. Не евших вторые сутки нас погнали по лесной дороге. Здесь произошло знакомство с существами злее охранников и их собак, вместе взятых, – комарьём и гнусом. Голодные и злые мы прибыли в лагерь. После контроля на КПП долго стояли в строю с проверкой и шмоном и только после всех этих унижительных процедур нас повели в баню, а затем распределили по карантинным баракам. Так начался постигать школу каторжной жизни.

Основная работа – лесоповал. Зимой все работали на пилах и топорах. В середине мая вскрывалась река Пеледуй, неделю шел лед. После льда начинался лесосплав – день и ночь по реке гнали лес. Он был такой густоты, что, имея определённую сноровку, некоторые смельчаки по плывущим брёвнам, перебежали с берега на берег.

Зимой был смертельный холод, как на лавине. Мне было легче, чем другим – не мерзли пальцы. Их ведь просто у меня не

было. (Здесь Карышкыр впервые улыбнулся: «Ведь как здорово, что у тебя нет пальцев на руках и ногах».) Летом мука одна: комар, слепень, мокрец – в общем гнус...

Гибли и умирали все одинаково – виноватые и невинные, уголовники и политические. Тогда я ещё не понимал, что было лучшим из небольшого выбора – умереть сразу или выжить, преодолев восемнадцатилетний ужас.

В 1953 году, после смерти Сталина, под амнистию я не попал, считался политическим. Амнистировали только уголовников.

На каторге прошел вроде бы второй класс школы жизни – первым, я считаю, была война. Доучил, что не выучил на фронте – русский язык, старался не забыть родной киргизский.

Было нас двенадцать киргизов в лагере. Трое вернулись со мной, трое остались досиживать срок, судьбы их не знаю, а шестеро остались там навсегда в холодной земле Сибири.

Я не досидел два года. За восемнадцать лет сибирщины отработал топором и пилой те шесть гектаров сгоревших деревьев, повалив столько же отборного сибирского леса. Был я правда в инвалидной команде – собирал и сжигал сучья, но это не меняет дела

Теперь я знаю цену своей жизни: двадцать лет счастливого детства, минус четыре года войны, плюс радость победы. Минус восемнадцать лет каторги, всё это умноженное на четырнадцать лет одиночества и поделенное на шесть тысяч сгубленных мною деревьев.

Ломало там многих. Во мне ломать было нечего. Вечная изнурительная физическая боль, ставшая причиной восемнадцатилетней бессонницы, научила быть неподдающимся, не превратиться в получеловека, в человекообразное существо методом унижения и срама.

Принять смерть намного легче, чем ежедневный судорожный страх перед ней. Я часто думал: «Почему не умер там, в лавине?» Но моя путанная судьба пошла по своему искалеченному сценарию от меня независящему.

Моя вина состояла только в том, что я хотел жить – ведь это не возбраняется ни единому существу на земле.

Даже в каторжном постыдном мире насильников, врагов народа, грабителей и убийц моё уродство выделялось своей

неординарностью. Самые изуверы, имеющие за собой не одну загубленную душу, смотрели на меня с пониманием. Там были и озверелые нелюди, которым выпустить кишки из человека доставит удовольствие. Хуже них – способные отнять у ребенка или старухи кусок хлеба. Но были и честные люди, посаженные по ошибке или доносу, которые были честны на воле и оставались ими вне свободы. Поставить знак равенства здесь невозможно.

Я был обречен на одиночество. Первое время это меня тяготило. Но вскоре я убедился, что моё изуродованное мусало помогает мне, и я стал сам по себе. Не примыкал ни к какому сборищу, общался только с земляками и то редко. Стал много думать.

Постепенно я понял, что прошедшее со мной не случайность, а стечение трагических обстоятельств. И не наступило время для того, чтобы я и жизнь отдохнули друг от друга.

Однообразное существование с глазами усталой собаки надоедало, и я в мыслях уходил в другой мир. Для меня воскресал мой умерший Бог, которого я раньше не почитал. Он ожил для меня, но не тот, которому поклонялись люди, а свой собственный, образ которого зародился во мне.

Уже тогда я предчувствовал, что если выживу на каторге и вернусь к людям, жизнь моя не станет прежней. Там я дал себе имя – Жалгыз Карышкыр. У моего народа есть пословица: «Малдын ээсен бол со, карышкырдын кудайы бар. (Если у скота есть хозяин, то у волка есть бог)».

Я даже не знал, к какой вере причислить моего Бога. Будучи мусульманином, я не имел права придумывать христианского бога, но живя в христианском мире, я не мог создать образ Великого пророка Магомета.

Бог возник во мне в образе огромного сверхчеловека, глубокомыслящего и доброго. Ведь каждый человек по-своему похож на Бога, в которого верует, но Бог не должен походить ни на одного из людей. За занятостью великим множеством дел он не имеет времени и возможности на рассмотрение судеб каждого».

Андрей тут вспомнил слова философа: «Если не было бы Бога, его всё равно придумали бы люди». И эта мысль мудреца подтвердила деянье Жалгыз Карышкыра. И он перебил старика:

- Ведь получается, ты – человек, живущий со своим собственным Богом. Если он твой Бог, значит и ты у него один. И помогать он должен только тебе.

- Помог! Помог выжить в каторжном аду. Помог вернуться. Но оказав помощь там, здесь, на свободе, он подумал, что свобода – это уже счастье, и забыл обо мне. Но возвращение на родину не принесло мне радости.

В больнице, после лавины я думал: «Лучше бы меня убили на войне». На каторге терзался мыслью: «Лучше бы я умер в лавине». А когда вернулся к свободе, стал думать: «Надо было умереть в лагере». Но я не хотел смерти, именно в то время, в котором находился. Я желал её в прошедшем времени.

В оправдание Бога ещё могу сказать, что дав нам жизнь, он пустил пастись в этот мир полный непонятности. Мы же свою дорогу должны выбирать сами, и самим решать как по ней идти: в воинских ли доспехах или костюме шута; с поднятым мечом или цветком в руке; с улыбкой или оскалом; с огнём, дающим тепло или пожар... Иметь своё право «как жить?», «где жить?» и «зачем жить?», «когда умирать?» и «за что умирать?». И о смерти, о том, что когда-то покинешь этот мир, нужно иногда думать при жизни, а не только на смертном одре.

- А зачем при жизни думать о смерти? Это удел пессимистов – перебил Андрей старца.

- Что бы успеть сделать то, что должен сделать. Не только посадить дерево, построить дом и вырастить сына.

- А что ты думаешь про свою жизнь? – спросил Крутов и тут же понял, что этим вопросом может обидеть собеседника.

Несмотря на бестактность вопроса, тот спокойно ответил:

- Я построил только дом, который после меня не достанется сыну, которого у меня нет. А когда я уйду из этой жизни, сюда придут дикие звери, прилетят птицы и совьют гнёзда. Мой дом будет стоять долго, как скалы вокруг. Можно сказать, что жизнь моя зряшная – если я не выполнил два из трёх человеческих обязательств, а одно даже усугубил. Ведь посадкой саженца я не искуплю гибели шести тысяч деревьев, которые сжег и вырубил. По закону я виноват, но до сотворения своего «преступления», если его можно так назвать, я не был правонарушителем.

Если бы меня не посадили, я стал бы лесником и всю жизнь сажал бы деревья, женился и родились бы у меня сыновья. Искупила вина моя бы с лихвой. А получилось, что прожил жизнь эгоистом: жил для себя – сам с собой: для себя страдал, для себя сидел. И кто я теперь – жертва или палач? И кажется мне, что не я живу жизнью, а она мной. Я у неё как боль. И ломота в моих костях была будто всегда, словно пришла она от первого, ещё не осознаваемого ощущения при обрезании пуповины, когда мать моя корчилась от родовых мук. А через пуповину перешли её терзания ко мне, и нож повитухи пересёк эту связь, оставив материнские страдания во мне.

Пусть жизнь моя проходит с физической болью, но я свободен – свободен даже по отношению к любви и смерти. У меня есть право выбора что иметь, сколько иметь и зачем иметь? Я живу в мире, где люблю только я. Люблю этот лес, горы, воду, скалы и дикость. Меня любить некому. А в вашей жизни никто не хочет любить – все хотят быть любимыми. Ведь только любить и не быть любимым – трудно.

Андрея удивило философское определение человеческой любви. Он где-то слышал это выражение, но, услышанное из уст отшельника, оно его удивило: «Как человек, не видевший и не познавший простой земной любви, прошедший только через страдания и муки, мог такое сказать? Как? Отвергнув реальную жизнь, совсем не собирается бежать от неё, а живет, подчиняясь то ли телепатической, то ли космической связи с оставленным миром...» Именно житейская мудрость дала право Карышкыру говорить мудростью философа.

- Даже если станет неважно и захочется вернуться в ваш мир, – продолжал старик, – я уже не выживу. Как зверь, долгое время проживший в клетке, не выживает на воле.

- Так получается, по твоим понятиям, что твоя свобода – это клетка? Но зверь, пойманный на свободе и посаженный в клетку, выживает. Пусть через тоску, но привыкает к ограниченному пространству, обрамлённому железными прутьями, – сказал Андрей.

- Мне нужно мало радостей, главное ощущать, что я живу, – отшельник поднялся, взял толстую ветку и стал шурудить золу в затухающем костре, – но слушай дальше.

Из родных никто не знал, где я. Восемнадцать лет я не писал никому и не получал писем. Не принято было общаться с политическими каторжанами. Там в лагере разрешалось писать одно письмо в месяц и одно получать. Если кому-либо приходило два письма, одно придерживали. До следующего месяца. Сам я не писал думал: «Быстрее забудут». Ведь никто не знал – выживу ли я до конца срока?

Вернулся я в родные места летом 1964 года. После того, как закрылись колючие ворота за мной, через неделю я ехал на попутной машине в свой кишлак. Как я удивился, когда увидел его в развалинах: дверей и окон в домах не было, деревья вырублены, много домов разобрано до основания. На пустых улицах поскуливали собаки, и вялый, горячий ветер шевелил знойную пыль. Шофер сказал, что это место будет затопляться водохранилищем, и людей переселили выше к горам, где дали земельные участки, и теперь все строят себе новые жилища.

Я нашёл свой старый дом: на убогих глиняных стенах не было крыши. Узкие ручейки от дождей порезали саман, оставили в нём глубокие шрамы, которые не затянутся никогда, а будут только углубляться после каждого дождя. Глина не выздоравливает. По размытости я понял, что не первый год стены стоят голые.

Я даже не знал, кто жил в этом доме последнее время. Было видно, что дом ломали не хозяева, потому что в груди камыша и глины, которыми была покрыта крыша, я нашел несколько мисок, ложки, чашки и нож, который я узнал. Он до сих пор у меня, как напоминание о доме, родителях и той жизни.

Мне нужно было стать на учет в милицию, и я пошёл в новый посёлок, который виднелся вдали, на возвышенности. Прихрамывая, подошёл к ровным рядам свежестроенных домов, покрытых шифером и камышом. Кое-где виднелись недавно посаженные деревья. Я шел будто голый между двух арен, где люди пришли поглядеть на зрелище. Меня не узнавали. Я не смотрел на людей, но десятки любопытных взглядов упирались в меня, кололи затылок. Вдруг я услышал надтреснутый визгливый женский крик: «Тутантуучу! Он вернулся! Он не умер!»

Меня узнали и вспомнили. Но лучше бы я оставался неизвестным уродом или не возвращался бы никогда. Моё имя пере-

черкнуло, словно брошенный топор в спину, кличка «Поджигатель». С этим именем мне предстояло жить?

Из всех людей, кого я встретил в этот день, руку мне подал только участковый. Он знал моё «дело». Сказал, что поможет получить компенсацию за затопляемый дом, уладит бумаги с земельным участком для строительства нового, что могу подавать апелляцию и меня реабилитируют, восстановят «доброе имя». Он долго рассказывал про мою семью, я молча слушал. Узнал, что сестры вышли замуж и уехали в другие кишлаки. Отец и мать летом уезжали на пастбище, а зимой коротали дни, почти не выходя из дома. Оплакивали ли они своих сыновей – одного героя войны, а второго – каторжника? Наверное, да. То, что я прошёл войну, как-то забылось, а что сел в тюрьму – помнилось и осуждалось.

В то время наши края всё ещё были заражены симптомом довоенных репрессий, и оказалось, что после того, как я был увезен в лагерь, отца и мать заставляли принародно отказаться от меня, как от «врага народа», но родители этого не сделали. «Ветер отпели», который задул при Хрущёве, в наш аул хотя и долетел, но уже не коснулся памяти моих «опозоренных» родителей. Они умерли, не зная обо мне настоящей правды. Может быть, они меня и не простили. И жить теперь мне без родительского прощения. Участковый сказал мне: «Ты сходи на кладбище, через год могилы затопит вода. Мертвые всех прощают».

От участкового я пошел к центру, чтобы купить продуктов. Узнали меня у магазина. Действительно вспомнили или долетела уже молва о возвращении «поджигателя»? Из подвыпившей группы мужчин, стоявшей у дверей магазина, раздался голос: «Что, не узнаёшь друзей? И за возвращение бутылку не поставишь?»

Это был Казакбай, мой одноклассник. Мы вместе уходили на фронт.

- Узнал я тебя, Казакбай, только не сразу. Сколько лет прошло. Здравствуй.

- Пусть с тобой здороваются облезлые шакалы – Тутантуучу. Ты хорошо знаешь нашу пословицу: «Атын чыкпаса, жер ортто (Если хочешь прославиться – подожги землю)». Так она тебе не помогла, ты вошел в историю нашего посёлка через

прямую кишку запоносившего барана. Ты опозорил фронтовиков и опоганил честь родителей, – брызгал пьяной слюной Казакбай.

- Разве ты не знаешь, что этот пожар получился случайно, – ответил я.

- Ты поджёг лес, чтобы спасти свою поганую шкуру, которая не стоит и бараньего катышка. Малый срок тебе дали, нужно было раскрутить тебя по «первой категории».

После этих слов я подумал: «Лучше бы, действительно, расстреляли. Поставили точку, и не было бы теперь ненавистных взглядов в мою сторону и упрёков на то, что я всего-навсего хотел жить».

Первое время не верилось, что могу пойти куда хочу, когда хочу и зачем. Я был переполнен радостью свободы и вседозволенности. И даже неприязненное отношение некоторых односельчан не омрачали вкуса вольности.

Жить я стал в старом доме. Убрал мусор, из кусков рубероида смастерил односкатную крышу. Сделал топчан из камыша и начал коротать скучные дни в ожидании ответа из области на запрос участкового.

Не все, конечно, отнеслись ко мне, как Казакбай. В дом приходили сельчане, приносили еду: лепёшки, айран, брынзу. Часто прибегали мальчишки, сидели поодаль и рассматривали меня, шептались. Потом хором кричали: «Тутантуучу! Тутантуучу!», и убегали. Мною пугали детей и давали клички невинным собакам.

Я ходил по разобранным домам. Нашел много полезных вещей: одеяло, кошму, несколько ободранных телогреек, кусок брезента, ведра, чашки, кастрюли, ложки. Я собирал всё, что могло пригодиться. Вытаскивал старые гвозди, скобы. Соорудил два ящика из досок, загрузил их всякой мелочью. Собирал даже старые сапоги и ботинки. Из валявшихся вдоль дороги автомобильных покрышек повыдирав кордовые нити, а из дорожного асфальта наковырял кусочки битума для приготовления дратвы.

На кладбище долго бродил среди однообразных холмиков. У киргизов не принято писать имена на могилах. А показать место последнего пристанища моих родителей было некому. Покло-

нился я всем мертвым, попросил прощение у всех лежащих в земле, послушал неподвижную тишину и ушел, вроде снявши с себя «непрощение» отцовское и материнское. Прожил я в разрушенном доме месяц. Сходил к участковому. Он показал мне бумагу, что пришла из области. В ней говорилось, что реабилитации я не подлежу, так как «поджог был умышленным» и значит есть состав преступления, и что осуждён я справедливо. Компенсация за дом мне также не полагалась ввиду того, что дом числился за умершим хозяином – моим отцом. Участковый обещал ходатайствовать о выделении мне участка и денежной ссуды для постройки дома.

У меня уже не было желания оставаться на земле, которая была будто бы покрыта моим грехом.

В летнее время дожди редко посещают наши края, а в тот год особенно было знойно. Высушенные до белизны травы загорались даже от выхлопных труб автомобилей. Очаги для приготовления пищи стояли во дворах. Горячие суховеи по ночам раздували вроде бы потухшую золу и уносили искры в тихие ночи. Для пересушенных трав хватало одной искорки, что бы затлеть и вспыхнуть.

Однажды на окраине посёлка загорелась копна сена. Я увидел зарево, которое освещало небо всплохами огня. Бросился на помощь. Вокруг с криками и воем носились люди. Воды рядом не было – тушили пламень песком и молитвами. Несильный ветер приподнял охапку белых искр и швырнул их на крышу соседнего дома. Высушенный и прожаренный на солнце камыш вспыхнул мгновенно и словно улетучился вместе с едкими клубами дыма, оставив медленно догорать толстые стволы тополёвых стропил.

Я суетился среди людей, бросал комья земли в огонь, и мне казалось, что я мстил тому далёкому пожару, который спалил лес и сломал мне жизнь.

Вдруг, перекрывая все крики, раздался визг: «Это он виноват! Он!» и из толпы ко мне бросилась истеричная женщина и стала костистыми кулаками бить меня по лицу и груди.

- Уйди от меня. Уйди, – я попытался защититься.

- Тутантуучу! Он поджег! – ревела женщина, – он принёс огонь...

- Уберите её! – закричал подоспевший участковый, – я утром во всём разберусь.

Женщину схватили за руки и оттащили от меня. Она перестала кричать, извивалась, дрожала и, упав на колени, затихла. Её дом догорал. Многие поняли, что её горе вызвало ненависть. Люди ослепляются гневом, когда несчастье застилает глаза, душу и разум.

Утром участковый собрал сход и всем доказывал, что пожар произошел из-за непотушенного очага, и я здесь совершенно невиновен. Вокруг погорелицы – визгливой женщины собралась толпа. На меня бросали недобрые взгляды. Слышался говор: «Тутантуучу... Он вернулся и поэтому случился пожар... И будут ещё пожары... Он любит огонь...».

- Замолчите, дурни, – прикрикнул участковый, – не обвиняйте невинного. Он уже страдал из-за огня.

Но зерно подозрения было брошено. Мне казалось, что весь мир лежит во зле, будто я враг для всех, и оставаться мне здесь будет плохо. Ведь ненависть – это убитая любовь, а мертвецы не воскресают.

У меня ещё были деньги, и я в соседнем селе купил за бесценок старую, большую лошадь, по виду которой можно было сказать, что жить ей осталось три дня. На развалинах нашел два колеса и смастерил что-то наподобие арбы. Скрученная проволокой деревянная рама болталась и скрипела. Настил по раме из торчащих веток напминал, скорее всего, гнездо птицы, чем средство передвижения. Но всё-таки это сооружение ехало. Купил три мешка пшеницы, мешок кукурузы, разных круп и семян овощей. Я уже знал, что мне нужно продержаться до урожая будущего года. Но у меня не было ещё места, где остановиться, не было земли, где посеять хлеб, не было дома где жить. Была неизвестность и примерная дата «бегства в никуда».

Больше половины телеги занимало сено – корм для лошади – его я накопил ножом.

Уехал я из непринявшей меня родины в конце августа. Лошадь тяжело тянула груз и мне часто приходилось идти пешком, облегчая повозку. Я даже не знал, куда еду. Через три дня был в областном центре Джалал-Абаде. Люди с удивлением и улыбкой

рассматривали мою уродливую повозку. Подошёл даже милиционер и предложил свернуть на окраинную дорогу, дабы не осквернять центральные улицы видом своего транспорта. Там же я сделал последние покупки в своей жизни: десять лепёшек, спички, соль и два килограмма сахара, которого мне хватило на три года (!).

Из Джалал-Абада через перевал Калдама пересёк Ферганский хребет. Дорога была очень узкой, по ней давно никто не ездил. Лошадь вёл под уздцы. В некоторых местах приходилось расчищать каменные завалы, на что уходил иногда весь световой день. Только однажды встретил путника, всю ночь пили с ним чай. Он рассказал, что по этой дороге когда-то проезжал русский священник из Ташкента, чтобы освятить христианскую часовню, в которой молились русские солдаты, стоявшие в горах. Это место и стали называть Казарманом, от русского слова – казарма.

Я ехал всё дальше и дальше. Иногда двигался туда, куда шла лошадь. Во время дождей ночевал под арбой, которая была прикрыта брезентом. А дожди шли частые, затяжные, холодные. Всё меньше и меньше встречал людей. Встречным не говорил куда и зачем еду (сам ведь не знал), придумывал отговорки; что, мол, еду искать место для стойбища. Многие недоумевали – почему осенью и на арбе, – ведь на одном коне без поклажи, легче пускаться в подобные поиски.

До этих мест добрался к концу сентября. Когда понял, что дальше пути нет, стал на постой. Лили дожди. Первые недели ночевал в арбе, завернувшись в брезент. К началу больших холодов вырыл землянку. Продукты рассчитал строго – делил по зёрнышку на питание и семена. Разложил на триста шестьдесят кучек – до урожая следующего года. В день получилось по одной пиале разной крупы и по две пиалы пшеницы. Коню досталось очень мало – по четыре пиалы овса в день, но я заготовил много сена.

Первое время было тяжело переносить одиночество, особенно зимой. Землянка у меня была небольшой, но уютной. Пригодился опыт войны по строительству блиндажей и землянок. Она быстро нагревалась от печки, которую вырубил с дымоходом в

противоположной от двери стене. Мало дымила, но когда прогорали дрова, тепло быстро уходило и сразу начинало пахнуть могильным холодом. Дров запас очень много, собирал плавник по берегу реки. Не боялся остаться без топлива. На корм коню давал, в основном, камыш. Он его не очень любил, но я его мельчил, запаривал горячей водой и добавлял овса. До весны дотянул бы. Но не довелось ему поесть весенних трав.

Зима быстро спускалась с хребта. Это было заметно по полосе снежного покрова, которая с каждым днем приближалась к моему жилью. Вслед за снегом шла вниз и живность, живущая высоко в горах: архары, козероги. Вслед шли волки. Я беспокоился за свою лошадь. Сделал для неё шалаш у входа в землянку. Страх усилился, когда однажды ночью конь бил сильно копытом и тревожно ржал. Выйдя утром, увидел на нетронутой поверхности свежесвалившегося снега – четкий след одинокого волка, который ровной окружностью опоясывал наше пристанище. Это был след «разведчика».

Я по ночам начал жечь костёр в шалаше – отпугивал зверей. Подбросив побольше дров, уходил немного вздремнуть. Но однажды, после нескольких бессонных ночей, я уснул очень сильно. Меня разбудил топот, хруст веток и, даже не ржанье, а крик коня. Выскочил я с диким рёвом, размахивая дубиной.

Блески угасшего костра вместе с луной, свет от которой пробивался сквозь ветки шалаша, немного рассеивали мрак ночи. Я увидел, как рванулись через проломы несколько черных теней. Конь бился в агонии. Пока запалил факел и осветил его, он уже затих. Зияли дымящиеся свежей кровью раны: вырванный клочок мяса на загривке, перегрызанное горло, вспоротый живот и перекушенные сухожилия задних ног. От земли поднимался густой розоватый пар.

К человеческой смерти легче привыкаешь. А если учесть, что погиб мой единственный собеседник и товарищ, было горше вдвойне.

До утра я стерег мертвого коня: жег костер и кричал, кричал от боли за друга, за одиночество. Выл от отчаянья и безысходности, представлял себя растерзанным на его месте, выскакивал и гонялся, словно безумный, за волками. Возвращался. Опять кри-

чал, стучал дубиной по дровам – пугал зверей. Представляешь, как дурели голодные волки от запаха свежей крови?

Утром разрезал тушу, перенёс по частям на скалу и завалил камнями. Соорудил на могиле огромный тур. По ночам на этом месте собиралась волчья стая, выла и грызла камни не в силах добраться до еды. Вой стоял такой, что казалось, они оплакивают смерть моего друга. Его могилу видно отсюда – вон посмотри.

Андрей взглянул по направлению руки старика и увидел на вершине скалы острроверхую пирамиду, отчетливо выделяющуюся на фоне светлеющего неба.

- Весной, – продолжал Карышкыр, – когда сошли снега, начал обходить окрестности, пока не наткнулся на этот ручей, который протекал сквозь скальный обрыв. Я сразу понял, что если перекрыть воду, получится очень удобный проход. Обошёл скальную грядку, соорудил плотину, отвел воду из ручья и расширил немного проход. Для запираения входа нашел недалеко округлый камень и перекатил к лазу.

На это место, где мы сидим, наткнулся сразу. В первую очередь выкорчевал кусты для огорода и засеял его. Из семян у меня оставалась пшеница, кукуруза, овёс и пять картофелин. Овощи: помидоры, перец, баклажаны так же засадил отдельными грядками. Но в первый урожай я собрал только кукурузу, овес, помидоры и картошку. Остальное не вызрело. Помидоры доходили до красноты уже в доме, в тепле. Когда нашел залежи каменной соли, окончательно понял – выживу.

Телегу я разобрал, и весь скарб перенёс сюда. Дом этот строил два года. Самое трудное было таскать камень и глину. В работе время пролетало быстро. Выкопал пруд, здесь у меня развелась рыба, которую мальками перенёс из реки. На самолывы и петли ловлю дичь. Молюсь своему Богу, читаю молитвы, которые сочиняю сам. Вот и вся моя жизнь.

То, что я тебе рассказал, – это наружная сторона моей жизни, а что внутри творится, – не расскажешь словами. Что бы понять, нужно самому пережить, но я не желаю никому такого. А каково было моему отцу и матери коротать дни без внуков? – один сын погиб на войне, а второй гнил на каторге. Дети сестер –

это внуки родителей их мужей. На мне прервался наш род, моё имя не перейдёт в фамилию детей – это самое страшное. Я последнее звено длинной цепи нашего рода. Я – точка. Дальше не будет продолжена летопись поколения. Она окончилась на мне. Умри, замёрзни я тогда в лавине – было бы лучше, я выглядел бы героем, погибшем на рабочем месте. И теперь я даю твёрдый ответ через сорок два года: зря я выжил. Зря. Но тут же напрашивается вопрос: не пусти я тогда ракету, меня всё равно нашли бы живого утром и был бы я героем – пострадавшем на рабочем месте. И нашлась бы какая-нибудь женщина и для такого уroda как я, и родились бы у меня дети. Но во мне сработал инстинкт самосохранения, и спасительный сигнал сгубил всё: белая полоска траектории ракеты рванула из ствола, побелела немного и растворилась в воздухе, оставив в конце полёта жаркое пламя, на котором жарится моя жизнь.

- Будем плохое. Давай пить чай, – сказал Андрей и всунул в тлеющую золу тонкие сухие прутики. Сверху подбросил более толстые веточки. Костёр задымил.

Старик нагнулся и стал дуть в ватную мешанину дыма и лёгкого пепла. В глубине тёмных углей забелела ещё не остывшая зола, задымили прутья и яркое пламя, словно давно ожидавшее стариковского дуновенья, вспыхнуло и стало глотать сухие дрова. – Заварим настоящий чай. Забыл, наверное, вкус его? – спросил Крутов.

- Вкус помню. Всегда хотел, листья смородины и малины его не заменят.

Вода закипела быстро. Андрей бросил щепотку заварки в котелок, быстро снял его и закрыл крышкой. Старик сходил в дом и принёс мятую алюминиевую кружку и надтреснутую пиалу, в месте соединения сколов стянутую деревянными скобами через просверленные отверстия.

- Я насчет посуды обеднел. Было много пиал – покололись. Эта последняя развалилась на две части. Пришлось сшивать. Нежная посуда этот фарфор. Вот кружка и котелок кажутся вечными, ещё с войны привёз. Я сильно обрадовался, когда нашел их в своём доме. Они так и лежали в солдатском вещмешке не

тронутые никем, под старой кошмой, которая не привлекла тех, кто разгребал наш дом.

Андрей взял в руки пиалу и внимательно стал рассматривать. Было видно, что отверстия в сосуде просверлены под углом к трещине, а деревянные скобы подогнаны так, что держались в фарфоре благодаря острому углу под которым входили в углубления. Это была тонкая и кропотливая работа.

- А чем отверстия сверлил? – поинтересовался Крутов.

- Хочешь, покажу.

- Конечно.

Старик принес приспособление в виде небольшого лука, где вместо тетивы был натянут тонкий ремешок из сыромятной кожи.

- Смотри. Это «таш-бур».

Он взял в руки агрегат, обмотал ремешок одним оборотом тонкую деревянную палочку, её сверху упёр камнем с углублением и стал водить поступательно.

- Видишь, всё просто. Только нужно много терпения и времени, которого у меня в избытке. Свёрла сделаны из самшита. Немного подсыпал мелкий песок и сверлил.

- Заговорились опять с тобой. Чай стынет, – сказал Андрей.

- Скоро рассвет. Звезда Чолпон засветила, – старик указал рукой на восток, где голубой дрожью горела Венера.

- Слушай, аксакал, может пойдёшь ко мне на работу? Проводником или поваром. Подзаработаешь денег. Съездим с тобой в посёлок, купишь себе продуктов, одежду.

- Ты что? Зачем мне деньги? Я так просто могу поработать, бесплатно. Могу проводником, могу поваром. Всё могу. Дашь сапоги и телогрейку – мне хватит.

- Хорошо, договорились. Давай, пьем чай – и я пойду. Уже светает. Меня будут искать. Я не сказал, что ты есть, что пошёл к тебе. О тебе никому не говорил.

- И не говори.

Андрей разлил чай. Аромат напитка вытеснил запах расцвета. Старик двумя руками взял надтреснутую пиалу, поднес к лицу и дышал, втягивая в себя бодрящий дух далёкой Индии. Было видно, что он наслаждался пахучим теплом, напомнившим ему, наверное, семейное чаепитие в далёком, застланном дымом памяти детстве.

Крутов пил медленно, давая возможность старику чаще наполнять свою посуду. Котелок быстро опустел.

- Ну, я пошёл. Уже светло. Я уеду сегодня в маршрут, а ты подойдешь к завхозу, его зовут Роман. Он зачислит тебя в штат экспедиции. Лагерь стоит в километре отсюда, вверх по реке, – сказал Андрей и, попрощавшись, пошёл, не оглядываясь, в светлеющий проём камышовой двери.

Подойдя к лагерю, Кругов увидел, что вся бригада сидит у костра.

- Что не спите? – спросил он.

- Интересный ты человек, – ответил Роман, – в первый же день, то есть ночь, исчезает человек, неизвестно куда ушедший, и не появляется до утра. И ты хочешь, что кто-нибудь спал?

- Кто исчез? – испугался Андрей.

- Ты! Думаешь, что только тебе можно беспокоиться о нас, а нам о тебе – нет? Уже собирались идти искать.

- Ах, да! Простите. Всем спать три часа, – Крутов посмотрел на часы, сейчас шесть. – Подъём в девять.

Он прошёл в свою палатку и не раздеваясь лёг поверх спального мешка. Сон не шёл. Думал Андрей о старике: «Как можно ему помочь? Как отвести от него мрачные думы и занять работой? А потом, когда сезон закончится? Опять бросить в одиночестве? Зря я вмешался в его жизнь. Побудет он с нами, привыкнет, а потом? Опять отшельничество? Лучше бы он не пришёл завтра. Подумает и не придёт, наверное...»

Три часа сна вполне хватило для восстановления сил. Поднялся Андрей ровно в девять. Из соседней палатки доносилось успокоительное сопение. «Дам ещё час, – подумал он, – с дороги пусть выспятся».

Спустился к реке. Утренний гомон птиц заглушал рокот перекатов воды. Жгучая влага освежила тело. В небольшой заводи разглядел стаю мальков. Топнул ногой и сотни белых искр метнулись в быстрину. Подошёл к коню, достал из кармана сахар. Корунд вытянул губы и потянулся к протянутой ладони.

- На, позавтракай и готовься в дорогу, через час поедем.

- Почему не разбудил? – спросил Роман, выглядывая из палатки.

- Поднимешь народ в десять. Я поеду дальше в маршрут. Займётесь обустройством лагеря. Выкопаете нужник, помойную яму, всё огородите штакетником и сделаете деревянные настилы, чтобы зверье не повадилось. Да, и ещё. Вернусь я завтра. Сегодня, возможно, придёт старик, лицо у него обезображено шрамом. Поставь его на довольствие, выдашь новую спецодежду и сапоги. Будет у нас проводником. Ни о чем его не расспрашивай, документы не проверяй,

- А зачем тебе проводник? Что, плохо в картах стал разбираться?

- Объясню потом.

- Хорошо. Как скажешь, – недоумённо согласился завхоз.

Андрей взял рюкзак, полевую сумку, ледоруб, загрузил всё это в перемётную сумку – хунджур и, оседлав Корунда, вскочил в седло.

- Пока. До завтра, – крикнул он просыпающимся ребятам и направил коня вверх по ущелью.

Солнце выползло за зигзаг водораздела. Густая тень, отбрасываемая ломаной вершиной хребта, стала отступать вниз. Ночная изморозь, покрывающая бархатистой белизной черные камни, начала таять, будто слизываемая невидимым теплым языком. Тропы уже не было, только по направлению к реке кое-где виднелись протоптанные ниточки звериных следов.

Крутов наслаждался ползущим с хребта ледяным холодом, сверкающим глянцем вершин, кроной кустов, не покрытых пылью. С наслаждением глотал сытный воздух, хотя и разбавленный высотным бескислородьем. Неосквернённая природа сама была добра к пришедшим к ней: непуганные кеклики квохтали невдалеке. Послышался дробный стук камней, вылетевших из под ног диких козлов...

Андрей остановился и через бинокль взгляделся в нависающие скалы. На освещённой стороне ущелья он увидел стадо козорогов. Сам Крутов находился в тени, и козлы не могли его видеть, учуять, так как ветер стекал с хребта вниз. Впереди шёл круторогий вожак, за ним следовали три самки с пятью сосунками и замыкали шествие два самца. Массивные шишковатые рога были словно воздушные и совершенно не мешали стаду спокой-

но идти по тропе, шириной в копыто, которая имела ещё и скос в сторону многосотметровой, почти отвесной скальной стены.

Пройдя горизонтально до сухого ручья, вожак повернул вправо, и стадо стало спускаться вниз, к водопою.

Вдруг Корунд дернулся, замотал головой и резко шагнул в сторону. Его что-то напугало. Андрей взгляделся и увидел: по самому гребню, чуть поотстав, параллельно стаду кралась белопятнистая кошка. Солнце золотым ореолом окантовывало царскую шкуру барса. Козлы не могли учуять, увидеть и тем более услышать поступь мягких шагов. Ильбирс! Крутов впервые увидел так отчётливо редкого зверя.

Следы часто попадались ему на снегах высокогорных ледников. Трепет вызывали глубокие округлые вмятины, прочерчивающие пунктиром нетронутые снега. Как и подобает властелину, барс всегда шёл ровно, «по линеечке». Только на ледниках иногда сворачивал под прямым углом, обходил спрятанные под снеговыми наносами трещины. Но потом возвращался и продолжал путь в створе со старым следом, но уже по другую сторону.

При виде живой царя гор Андрея охватил восторг. Чуть наклонённая голова с прижатыми ушами, выдвинутая вперёд челюсть, грациозные, осторожные и плавные движения... Стало ясно, что кто-то из козьего стада обречен.

Барс выследил тропу и знал, что козлы будут возвращаться по ней же. Он будет ждать в засаде.

Кругов свернул в заросли, привязал коня и, устроившись под кустом, начал наблюдать в бинокль. Барс исчез, словно впитался в камень, растворился в нём.

Козлы, напившись, поднимались по своему следу. Вожак шёл впереди.

Можно было вскрикнуть, спугнуть охотника и добычу, но Андрей никогда не вмешивался в природный баланс. Если будет жертва, значит так надо – это закон жизни: «Ты умри сегодня, чтобы жил я, а я, возможно, умру завтра, для того, чтобы жил тот, кто убьёт меня». Крутов сам, отлавливая куропаток, никогда не позволял лишнего, дабы знал: в этих местах, где он находится, природа не включила в его рацион его добычу. Молодняк и самок отпускал, выпутывая их из тугих волосяных петель, ощущая ладонями трепыханье маленьких сердец, и смотрел, как осво-

бождённые птицы улепётывают в кусты. Брал только самцов, прошил у них прощенье и скручивал голову.

Дунуло вялым ветром. Корунд занервничал.

Козлы уже поднялись до основной своей тропы. Предводитель остановился, поднял вверх голову, внюхался в воздух. В бинокль была видна торчащая борода, которая сливалась с подбородком и походила на длинный острый клюв сказочного животного – «козлоптицы».

Вожак что-то учуял, резко дёрнулся, но было поздно. Из серой массы камня вылетело продолговатое упругое тело барса и упало ему на спину. Стадо бросилось врассыпную по крутым, почти вертикальным скалам.

Козерог упал на спину, пытаясь своим телом раздавить противника, но барс, видимо, не единожды изучивший этот приём, ещё на лету выскользнул и впился в незащищённую гортань вожака. Схватка длилась мгновение.

Козёл задёргал ногами и стал сползать вниз, увлекая охотника. Барс упёрся передними лапами в узкую тропку и пытался удерживать в зубах тяжелеющее тело, бьющееся в конвульсии.

Словно фильм ужасов Кругов рассматривал в окуляр бинокля: последние движения, последние вздохи и дерганье агонизирующего тела – кадр за кадром щелкали перед глазами. Он увидел, что левая лапа барса соскользнула с упора и, чтобы самому не улечь в пропасть, он выпустил добычу. Козёл сползал вниз вначале медленно, но вскоре тело набрало скорость и оно завертелось по крутому склону. Голова, удерживаемая тяжестью рогов, стала центром жуткого колеса, вокруг которого вертелось туловище. Оно летело, словно сорванный с оси пропеллер самолёта, обгоняя сбитые камни.

Недолетая до дна ущелья, рога зацепились за выступ скалы и козерог, затормозив, лег на бок, будто специально выбрав удобную смертную позу. Сбитые камни пронесли мимо, ударились о дно ущелья. Звякнуло эхо и наступила тишина, только журчанье речки монотонно баюкало проснувшийся день.

До козла было метров сто, и Андрей четко видел, как из разорванной глотки выбивается кровь, сочится сквозь серую шерсть и течет с копыт тонкими ручейками по глянцевой, загорелой поверхности скалы...

Тихий ветер подхватил запах свежей смерти и разнёс по ущелью. Несколько стервятников уже кружили, спирально спускаясь к жертве.

Корунд начал рвать повод, метаться и отчаянно ржать. Крутов встал, подошёл к коню.

- Что ж ты сразу не предупредил братьев своих меньших? Почему сразу не заржал, не затопал ногами? Спугнул бы козлов не было бы теперь никому не нужного, кроме коршунов, трупа красивого козла. Видишь, всё как у людей: кто-то потрудился, кто-то пожертвовал жизнью, а теперь кто-то прилетит на готовое и насытится. Ну, не трепещи, не дрожи, всё кончилось, — Андрей успокаивал коня.

О продолжении маршрута не могло быть и речи.

У Крутова перед глазами всё стоял вращающийся пропеллер из козла, из шеи которого, спирально закручиваясь, высвистывала струя крови. Присутствие барса его не беспокоило, он опасался за коня. Зверь при человеке никогда не нападёт, но непокой коню был обеспечен. И самым правильным решением было вернуться в лагерь и дать успокоиться животному. Андрей отвязал Корунда и пошёл пешком, не выпуская узды. Конь нервничал, фыркал.

- Ты смотри, какой эмоциональный, не успокоится никак, — сказал Крутов и потрепал густую гриву.

Он бросил взгляд на скалу, где чёрные птицы терзали ещё не остывшее тело жожака. Подобно голодным волкам, коршуны рвали куски, глотали, давясь, и вновь набрасывались на тёплое мясо. Наедаться они будут до тех пор, пока уже не смогут взлететь. Отсидаются на безопасной скале и будут вновь клевать набивая утробу до тех пор, пока зацепленные рога с голым черепом не останутся на скале как напоминание о трагедии.

В лагере было оживлённо: ставили дополнительные палатки для кухни, столовой, склада. Несколько человек вдалеке копали яму для отходов. Между работающими сновал Роман: скрещенные руки за спиной, начальственный голос... Но на него не обращали внимания — каждый знал и делал своё дело. Завхоз скорее всего даже мешал своими никому не нужными советами.

Андрей понял, что старика не было и, наверное, не будет. Не захочет он ломать свой уклад жизни. И всё-таки что-то беспокоило Крутова, он решил идти к Карышкыру. Беспокойного Корунда он решил оставить и идти пешком. В подарок прихватил новую телогрейку, сапоги и ватные штаны. На любопытные вопросы Романа ответил: «Расскажу потом».

Подойдя к щели, что вела к дому отшельника, Андрей увидел, что из проёма вытекает ручей. Беспокойство Крутова начало оправдываться. Он пошёл в обход.

Каменная гряда вертикальной стеной подпиравшая лесистое плато, была в изломах и трещинах. Тёмно-коричневые скалы покрывала сетка глубоких трещин, словно порубленных гигантским топором и так похожих на лицо Карышкыра.

Вскоре Андрей наткнулся на участок недавнего оползня, который лежал бугристым языком на придавленных кустах. Место отрыва было пологим. Ржавый налёт от проникавшей в трещину воды покрывал срез. Только вверху виднелся белесый шрам срыва. На этой полоске, шириной в ладонь, обречённая глыба, в тысячи кубов, провисела, наверное, не одну сотню лет. По каменному навалу Кругов взобрался на вершину плато и вернулся к ручью. Плотина была разрушена и вода текло по родному руслу.

Подойдя к камышовой двери, Андрей замялся, боялся открыть её. Какое-то смятение и беспокойство теснилось в груди. Он толкнул лёгкую преграду.

Перед домом лежали увязанные разномастными обрывками верёвок вещи старика. Они были упакованы небольшими свёртками для переноса вручную. Нехитрый скарб уместился в несколько тюков.

- Аксакал! — крикнул Крутов, но тишина продолжала висеть над опустевшим домом. Только ручей журчал и почти неслышно стонал лес.

Андрей переступил порог. Гулко топнули шаги о земляной пол в пустой комнате. Голый топчан из веток и каменный стол напоминали о жильце. Крутое увидел на столе деревянную ручку от ножа и подошёл. На столешнице в мягком сланце глубокими бороздами было нацарапано: «Я не вер...», и прямая длинная

царапина до края стола после буквы «р» – сломался нож. Тонкое лезвие не выдержало и лопнуло у основания ручки. Значит нож теперь не затупится никогда.

- Почему не дописал? Можно было бы обломком доцарапать, если считал сообщение важным, – подумал Крутов. И что бы это значило: «Я не вер... Я не верен?.. Я не вероотступник?.. Я не вероломен?.. Я не верблюд?..», – в голову лезли самые невероятные догадки.

Сломанного лезвия от ножа не было. Оно может пригодиться – обмотает ручку кожей – вот и нож. Крутов по себе знал, что в горах без ножа пропадёшь. Хорошо, что он привёз Карышкыру ещё один...

Крутов вышел. Сел на один из баулов, стал рассматривать вещи – не было лопаты и топора.

- Ушёл, скорее всего, искать новое жилище, – подумал Крутов, – может не вернуться сегодня. А почему вещи не в доме? Дождь пойдет, намочит.

Андрею стало грустно: он начал винить себя в том, что вмешался в жизнь старика и теперь тот покинет насиженное место. Уйдёт в неизвестность начинать всё с нуля. Но почему он уходит? Чего ему опасаться? Неверия? Но я его не обманул ничем.

Низкие тучи, спрятанные за хребтом, начали ползти в ущелье, продираясь сквозь узкие провалы межпиковых ям. Словно клубы пара из предбанника, падали ватные комки серых облаков. Мелкие капли дождя закрутились вместе с клубами рыхлого тумана и было непонятно: откуда выжимаются эти бисеринки холодных струй? Из верховых тяжёлых туч, или просеиваются из белесых волокнистых облаков, стелящихся у земли?..

Крутов перенёс стариковы вещи в дом, пристроил у стены. Сел, облокотился спиной о корявые стволы толстых веток кровати и закрыл глаза. Он мог не спать по двое-трое суток, но достаточно было вздремнуть несколько минут и он восстанавливался, уходила усталость. И вот сейчас, ожидая старика, он решил вздремнуть.

Дождь усиливался, и мерное шуршание струй о камышовую кровлю быстро убавляли усталые глаза.

Вдруг сквозь дрему он услышал хлопанье крыльев и от-

крыв глаза увидел, что через приоткрытую дверь влетела ворона и нагло уселась на перекладине для сушки трав.

- Вот и сбываются пророчества старика – в его дом вселяются птицы, – подумал Андрей и махнул рукой.

Птица наклонила голову и недоумённо посмотрела на человека, продолжая сидеть. Они не мешали друг другу – птица и человек.

Крутов смотрел в померкнувший серый день через приоткрытую дверь и думал об Одиноким Волке: «Просто старик до такой степени вжился в свой образ опечаленного одиночки, что вторжение в его жизнь изменило будничное существование. И он болезненно воспринял появление в «его местах» кого-то другого, чужого человека, словно пришедшего с другой планеты. С той планеты, где есть любовь, дружба, согласие, вражда, детский смех и женщины. А он, замкнутый в себе, не позволил лезть в его душу, хотя во время бесед у костра с готовностью излил всю горечь своей жизни. Трагизм его существования, к которому он привык, уже никогда не покинет его души. Останется он вечным изгоем – Жылгыз Карышкыром – Одиноким Волком. Но человеком – не сломленным и оптимистически настроенным жителем планеты Земля, таким же, как и миллионы других одиноких, среди которых есть более одинокие, живущие среди людей.

Вдруг сквозь дождевую каплю послышались шаги. Плотный воздух хорошо доносил звуки шаркающих подошв о мокрый грунт. У двери шаги стихли. Старика, наверное, обескуражило исчезновение вещей. Он что-то пробормотал и вошёл в приоткрытую дверь. В руках он держал лопату.

- А, Андрей, здравствуй! Почему печь не топил? А я ходил, смотрел на козла, которого задрал барс, но уронил.

- Откуда узнал про барса и козла? – спросил недоуменно Крутов.

- Птицы сказали, что где-то разыгралась трагедия. Пошел на место и всё понял. Козёл висит на скале, зацепился рогами – его клюют коршуны.

- Видел я всю эту трагедию своими глазами. Правильно ты сказал, что барс его задрал и не удержал, выронил. А как догадался?

- Козёл, тем более вожак, со своей тропы, по которой ходи-

ло не одно поколение его предков, не сорвётся. Ему кто-то должен был «помочь» в этом случае. Волки в такие места не заходят, охотников здесь нет. Только барс. Об этом говорит и большая рана на гортани. Барс скорее всего молодой. На таком узком участке опытные звери не делают засаду. И добычу упустил, и сам, наверное, чуть не сорвался.

Старик точно описал трагедию. Андрей из деликатности не спрашивал про упакованные вещи. Скорее всего, у Карышкыра было желание уйти, но постепенно оно утихло, и теперь он, наверное, жалел о своём необдуманном порыве. Про надпись на столе Кругов так же молчал. Если захочет – расскажет.

- Ты никому не говорил про меня, про мой дом? – спросил старик.

- Говорил завхозу. Но так расплывчато, что он не понял ничего.

- Не говори. Буду жить здесь. Я запустил воду в проход и никто не узнает, что здесь живёт «одиноким волк» по имени человек. Я не буду ходить к реке никогда. Там, за перевалом, параллельно этой, есть другая река. Два года назад там стояли геологи. Везде ходили. Следы и тропу мою пересекали, но они не такие внимательные, как ты. Не заметили. Когда ушли, ходил в их лагерь. Много вещей нашёл: сапоги почти новые, лопату очень нужную мне. Много они стреляли, убивали зверей. Больше пугали. Один раз видел, как они стреляли по бутылкам. Плохо это. Мотор у них был – электричество вырабатывал. Шумел сильно и вонял. В тех местах теперь долго птица не будет садиться и зверь ходить. Человек не желает жить в природе, хочет быть выше её. Но это неправильно. Никогда он не станет выше горы, выше самой маленькой травинки. Природа, что наделила его умом, может и отнять его. А человек без разума, что курица с отрубленной головой: голова думает одно, а туловище где-то в стороне мечется само по себе, не считаясь ни с чем, ему даже и не больно, ведь вся боль в голове осталась.

В беззрачных глазах старика вспыхнули точки живых искорок и он продолжил разговор, а, точнее, отвечал на вопросы, которые Крутов хотел, но не задавал.

- Уйти хотел. Утром дошел до мёртвого козла, посидел, подумал и вернулся.

- А зачем хотел уйти?

- Не знаю. От страха, наверное. Людей бояться стал. Тебя не боюсь, а с другими боюсь встречаться.

- У тебя здесь дом. Это твои владения, ты знаешь здесь каждый куст. А люди, приходящие сюда, должны просить разрешения у тебя – можно ли им быть рядом с тобой? Так, что живи и не огорчайся.

Старик начал распаковывать вещи. Разложил по местам. Устало сел.

- Карышкыр, не беги от себя. Ты уже набегался. Оставайся. Никто тебе не причинит зла. Поверь мне.

- Я уже знаю, что мне делать. Когда сюда придёт много людей?

- Года через два.

- Хорошо. Значит, есть ещё много времени. Ты иди.

Старик проводил Крутова до камышовой двери. Когда Андрей исчез в зарослях, он прошептал самому себе: « Я знаю, что делать. Моё сердце устало. Ему осталось жить два года».

С. Ат-Баши 1980 г.
г. Санкт-Петербург 2010 г.

Александр ИВАНОВ

БРОШЕННАЯ КОЛЕЯ

Рассказ

Я лежал на спине, пришпиленный к жесткой кровати иглами капельниц, по которым в меня медленно втекала какая-то мутноватая гадость. Смешиваясь с моей кровью, она позволяла мне слегка притормаживать перед гостеприимно распахнутыми настежь воротами небытия. Во всяком случае, так уверял меня крупноголовый и смуглолицый врач-хирург, чей басовитый заунывный голос напоминал голос местного священника, приглашенного на отпевание покойника.

Верил ли я ему? И да, и нет. Мое сознание, оторванное от тела, слегка покачивалось в вышине, подобно воздушному шару в зыбком поле ветровых потоков. Слова окружающих не проникали вглубь него, а трепыхались снаружи, как бабочки на светящемся оконном стекле. Я не столько слышал то, о чем мне говорили, сколько догадывался об этом.

После операции прошли, кажется, сутки. Боясь перегрузить мое утомленное беспробудной работой сердце, меня оперировали под местным, а не общим наркозом. Когда нижняя часть тела стала бесчувственной, задубела, будто основательно пропитанная консервантами, хирург с таинственной улыбкой взялся за скальпель.

Скосив любопытствующий глаз ниже собственного пупка, я

наблюдал, как он лихо расплосовывает мой живот, обнажая замершие в тревожном ожидании внутренности. Перед этим у нас состоялся с ним разговор.

– Вот здесь надо подчистить, а вот здесь вообще убрать, – тыкал он длинным и гибким пальцем в какие-то неясно обозначенные на рентгеновском снимке места.

– А иначе никак? – робко, с тайной надеждой вопрошал я, хотя доведенный мучительными болями до отчаяния, готов был ко всему.

– Никак. – Хирург помедлил, пожевал губами. – Да вы не беспокойтесь, все будет хорошо. – Профессия понуждала его обещать больше, чем позволяли возможности, и мы оба понимали это. Но предпочитали не обсуждать варианты, чтобы не сломать тонкую грань доверия, возникшую между нами.

Созерцание собственных внутренностей – занятие мало увлекательное. Вслед за скальпелем хирурга старшая медсестра укладывала в обнаженную рану тампоны, четко считая вслух, сколько их туда уже уложено. «Ага, – подумал я, – это она для того, чтобы я не улизнул с операционного стола с каким-нибудь тампоном. Не дождется! Сам прослежу за соответствием дебета кредиту».

Хоть и местный наркоз, но ко сну вскоре стало клонить отчаянно. Стоящий у изголовья анестезиолог был бдителен. Едва глаза мои плотно закрывались, как дверцы сейфа, где хранятся сокровища, он тут же принимался хлопать меня ладонями по щекам, будто боялся, что я засну навсегда. Смерть больного в операционной чревата для врачей серьезными разборками. А вот за ее пределами совсем иначе. Там все грехи обычно списываются на самого больного, чьи органы, дескать, подвели, подкачали. Это правило действует издавна. Я обратил на него внимание еще в рассказах Чехова, знавшего всю подноготную медицины. Поэтому бесцеремонность, с которой анестезиолог хлопал по моей физиономии, была для меня объяснимой. А раз так – чего ж роптать?

В общем, получая легкие оплеухи, вздрагивая и опять погружаясь в дрему, я и не заметил, как мне все, что надо было, вырезали, убрали, где надо было, наложили шов, и мое тело перебазируют на каталку.

Постепенно наркоз сдавал свои позиции. Вместе с обрете-

нием чувствительности я все сильнее ощущал проникающий в каждую клеточку холод, словно на лютом морозе с меня медленно, начиная с ног, стягивают одеяло. Уже в коридоре мое тело, как в ознобе, стала бить противная крупная дрожь, унять которую, сколь я ни пытался, мне не удавалось. Окружающее виделось в легком, колышущемся тумане.

Надо мной узкой светлой полоской, словно тающий серп утренней луны, склонилось лицо жены.

– Как ты? – голос у нее тревожный, знать, выглядел я хуже некуда.

– В п-п-п... – лепетал я, стуча зубами, не в состоянии даже произнести простейшее – «в порядке», чтобы успокоить ее. При этом, как мне казалось, ободряюще улыбался, хотя на самом деле жалкая судорожная гримаса выдавала меня с головой.

Ника, жена моя, человек мягкий и деликатный, резкого слова от нее не услышишь, а тут что началось!.. Коридор сотрясая от поднятого ей шума, как будто по нему шла бронетехника. Медсестры, врачи, не занятые на операции, повыскакивали из своих закутков и устремились к палате, куда меня уже завезли. Перво-наперво стали мерить артериальное давление. Оно было очень низкое, но все-таки чуточку выше, чем у трупа. Да и пульс едва переваливал за тридцать.

– Быстро – спирт, компрессы, растирание! – командовала Ника, видя, как бестолково суетятся напуганные ею медсестры. – Электропледы у вас есть? Нет? Безобразие!

Я удивился: откуда в ней вдруг появилась такая манера приказывать? За многие годы совместной жизни я не замечал ничего подобного. И потом, она же гуманитарий, поэт до мозга костей, а тут медицина... Или гены отца, военврача, в критический момент пробудились?

Оказывается, спирт хорош не только тогда, когда его принимаешь внутрь, о чем после операции и думать-то было грешно. Попадая при растирании в кровь, он заставлял ее хоть как-то шевелиться. Перестук зубов, напоминающий морзянку, прекратился. Но я еще не решался заговорить, боясь оконфузиться. Тепло входило в меня слишком медленно, чтобы ощутить возвращение к жизни. Пульс и давление вели себя таким же образом. Я был то ли полумертвым, то ли полуживым.

Как ни билась жена, как ни старался под ее напористым влиянием медперсонал, сдвинуться с этой промежуточной грани все не удавалось. Состояние, надо сказать, премерзкое. Особенно тяготила бесплодность затрачиваемых на меня усилий. «Не в коня корм», – с огорченной ухмылкой думалось мне.

А вообще-то мысли текли вяло и беспомощно, как и кровь по сосудам. Без четких очертаний, размытые, размазанные, словно манная каша по тарелке. Я то проваливался в дрему, то выплывал из нее. Себя почему-то было не жалко. Жалко тех, кто возился со мной. Прежде всего, жену. Вот уж намучилась из-за меня, бедняжка!

Болезнь обострилась недели две назад. До этого она присутствовала во мне, но не мешала. Устроившись в уголочке, вела себя скромненько, не слишком досаждая, как хоть и незваная, но не нахальная гостья. Я с ней смирился, пусть обитает, зачем давать ей пинком под зад? К шестидесяти годкам пора обзаводиться какой-нибудь болезнью, а то как-то даже не солидно. Встретиться со сверстником, он тебе с таким смаком о целом букете болячек, как прежде о любовницах, поведает, а ты здоров до неприличия, поделиться нечем.

Однако болезнь потихоньку укрепила свой плацдарм и, наплевав на негласный пакт о мирном сосуществовании, – как долбанет! Пригрел змею за пазухой...

Вышло это так некстати! Ника улетала на конференцию в Москву, кроме того, я только-только заключил с издательством контракт, где жестко оговаривались сроки создания книги о выдающемся ученом-физике, сотворившем настоящее чудо – систему аппаратов, с помощью которых можно безошибочно прогнозировать погоду как в целом на планете, так и в любой части света на пятилетний период. Прошедшая апробация эта система аппаратов вызвала настоящую сенсацию среди мировой научной общественности, встревоженной глобальными изменениями климата, и ее уже выдвинули на Нобелевскую премию.

– Может, мне сдать билет? – Ника выжидающе смотрела на меня, поблескивая бирюзой чуть прищуренных глаз.

– Еще чего! Лети! Поболит и перестанет. Болезни только покажи, что боишься, только начни суетиться вокруг нее, и она тут же сядет на шею.

Ника еще посопротивлялась малость, но настаивать не стала. Знала: уж если я что сказал, то назад хода не дам.

Сколько раз эта моя негибкость, упрямое нежелание идти на поводу соблазна что-нибудь изменить, играли со мной злую шутку, однако ничего поделаться с собой я не мог. Однажды выступив в роли человека, который незыблемо придерживается выказанного им решения и получив в награду несколько жидких аплодисментов, я прирос к этой роли, как банный лист к известному месту.

Но вскоре после отъезда Ники меня так прижало, что пришлось срочно лечь в больницу. Сообщать ей об этом или нет? Пока я ломал голову, склоняясь то в одну, то в другую сторону, мой друг Игорь постарался, проявил, так сказать, заботу. От него она узнала не только о том, что меня вот-вот повезут в операционную и хирурги уже во всю точат кривые ножи, но и о будто бы готовящемся мной завещании, которое я не могу, якобы, составить без ее присутствия. Ника ужаснулась: значит мужу совсем плохо, значит, положение чрезвычайно опасное, если даже об этом зашла речь. Ведь прежде мы, полагая, как и все, жить вечно, никогда ни о каких завещаниях меж собой не толковали.

От меня Игорь держал все это в тайне. Авантюрист по природе, он из благих побуждений заваривал кашу, которую потом, чертыхаясь, расхлебывали его друзья.

Обратный вылет в Бишкек у Ники через неделю, а завтра выступление на международной конференции. Она до сих пор удивляется, как ей удалось поменять билет, мотаясь по всем авиакассам Москвы, найти себе замену для выступления, ни с кем не поссорившись и никого на подведя, и ночным рейсом улететь спасти мужа.

– Ты не представляешь, каких нервов мне это стоило, – говорила Ника, присев на краешек больничной койки и смотря на меня то ли жалостливо, то ли с укором. – Нас разместили в Переделкино, оттуда можно добраться в аэропорт только на собственном транспорте. Такси? Московские таксисты столько заламывают, что легче утопиться, чем расплатиться. И вот ночью, представляешь, я добиралась до электрички через кладбище. Темно, месяц ущербный, напарываюсь на кресты, памятники, свет какой-то призрачный, сплюдяной... Деревья старые, скрипят от вет-

ра, и такое впечатление, будто это кости мертвецов скрипят, будто они сами вот-вот встанут из могил и окружают меня со всех сторон, станут хватать за руки, за волосы... Ох, и натерпелась я страха!

Такой уж у нее, как и у всех женщин, пунктик: обязательно находить поводы, чтобы вызвать к себе жалость. Даже, когда жалельщик, вроде меня, сам на нуле.

– Беденькая! Ты уж извини, – с трудом шевелил я губами, из последних сил чувствуя себя виноватым, – ведь это ради меня Ника шла ночью через кладбище и подвергала себя опасности.

– Ничего, ничего, – великодушно запротестовала она. – Просто я хотела отвлечь тебя от дурных мыслей. Хуже всего, если человек полностью погружен в свою болезнь. Чтобы выдворить ее из собственного тела, надо соперничать другим. Тогда зависть переест ей хребет, и ты сразу будешь здоров, как бык.

– Психотерапия на розлив – так это называется? – попытался пошутить я.

– Ого! Прорезалась склонность к метафорам. Значит, явно идешь на поправку. С тобой, чувствую, уже и на серьезные темы говорить можно.

– Давай завтра. Я что-то устал, спать хочу. Надеюсь, ничего срочного? – Мне думалось, что возникли какие-нибудь вопросы, касающиеся моей писательской деятельности. Я еще не знал, чем для меня обернется телефонная авантюра Игоря.

– Конечно. Ты отдыхай, – Ника поднялась, – я утром приду.

Ночка выпала мне с шулерскими замашками. Играя краплеными картами, она вместо нормального сна то и дело подсовывала всякие кошмары на кладбищенские темы. Сначала привиделась тихая, задумчивая Ника, бродящая меж надгробными памятниками в поисках могилы Анны Ахматовой. Она легко переступала через временные преграды, и потемневшие, с едва различимыми надписями памятники светлели перед ней, четко проглядывали имена давно ушедших литераторов, чьи произведения когда-то были известны всей стране, а ныне, увы, позабыты, как высохшие колодцы пустыни.

Шел первый час ночи, когда обитатели могил выходят на поверхность, чтобы отвлечься от своих повседневных загробных

дел, размять затекшие суставы, переброситься словом с кем-нибудь из своих навеки определенных для них соседей. Вся устремленная к одной цели, Ника не обращала внимания на говорящих, спорящих, безмолвно сидящих с запрокинутыми в звездное небо черепами. Но вот, что-то учуяв, она потянула вздрогнувшим носом воздух и тут же повернула в заросшую папоротником боковую аллею. В ее глубине сидела на скамейке великая поэтесса, с наслаждением затягивалась сигаретой, чего не позволяла себе при жизни, и выпускала тонкую струйку ароматного дыма. «Я знала, что ты придешь этой ночью, – сказала она подошедшей к ней Нике. – Пора передать тебе тот священный талисман, который вопреки косности общественного мнения вознес мою поэзию на гребень славы, а теперь по достоинству вознесет и твою. Ты готова принять его, принеся в жертву все, что есть у тебя сегодня? Кроме поэтического таланта, разумеется».

Ника в смятении задумалась. Она была достаточно честолюбива, чтобы мечтать о литературной славе, но вместе с тем слишком ценила свою нынешнюю жизнь, чтобы пожертвовать ее радостями ради взлета на Олимп поэзии. Ахматова терпеливо ждала, потягивая сигарету, для нее время не имело того значения, что для живущих на земле.

В этот момент до них донеслись скорбные звуки похоронного марша. «Уже по ночам хоронят, – с мрачной улыбкой заметила Ахматова. – Сиротских душ все больше становится».

На лице Ники вдруг промелькнул испуг. «Я еще вернусь», – и она стремглав, взлетая над кустами и памятниками, понеслась туда, где вершился обряд погребения.

Но тут в моем сновидении пошли темные полосы, как на экране телевизора при нарушении приема сигнала. Когда все прояснилось, я увидел себя, лежащим в роскошном дубовом гробу, каких удостаиваются только выдающиеся персоны. Вокруг стояли друзья, коллеги, почитатели моего таланта, одетые сообразно торжественности и значимости момента в смокинги и вечерние платья, будто они приглашены в Большой театр на премьеру Лермонтовского «Маскарада».

Едва смолк оркестр, священник с лицом и голосом моего врача-хирурга, в рясе и висящим на груди большим православным крестом приосанился, что-то пробормотал, готовясь к отпе-

ванию. Лежал я, видимо, долго, спина затекла, все белело, пришлось пошевелиться, отчего гроб слегка закрипел, а черный галстук на белоснежной рубашке съехал вправо. Но никто ничего не заметил.

Отпевание было весьма странным, далеким от церковных канонов. Заунывным голосом священник вещал о том, что раб божий Олег Павлович Глебов прожил достойную жизнь, денно и ночью трудился, своими литературными творениями укрепляя веру людей в духовной важности их земного существования. Покидающий этот мир успел простить всех, кто его обидел, заблаговременно испросил прощения у тех, кого ненароком обидел сам. Ни друзьям, ни посторонним он не остался ничего должным, все обещания выполнены им сполна. И потому его брненное тело соединится теперь со святою землей, а душа прямиком отправится в райские кущи.

Все вокруг зашевелились, освобождая место кладбищенским рабочим, чьи лица, освещенные лишь тусклым мерцанием звезд, были бесстрастны и деловиты, как у палачей с большим трудовым стажем. Друзья, среди которых выделялся Игорь, черносливовыми глазами и длинным хищным носом похожий на сицилийского мафиози, отошли в сторонку, о чем-то шептались и недоуменно переглядывались. Они явно чего-то ждали.

И вот из темноты, плотным кольцом опоясавшей участников церемонии, вынырнула Ника. Темно русые волосы у нее разметались, щеки запунцевели от быстрой ходьбы. Видимо, она уже догадывалась, кого хоронят, и поэтому сразу же бросилась к гробу. Наклонилась надо мной, прижалась ко лбу губами. И тут же отпрянула, воскликнув негодуя: «Да что вы делаете? Он ведь жив!» – и обратила испепеляющий взор на священника. Тот помедлил, соображая, что же ответить. «Ваш супруг скорее мертв, чем жив, – наконец, нашелся он. – Главное – у него перед всеми все земные обязательства выполнены. Свободной душе рай обеспечен. Чего ему еще желать? Вон, в каком он блаженном состоянии». – «Выполнены все обязательства? А передо мной? – возмутилась Ника. – Сколько лет он морочит мне голову, обещая свозить на Красное море! Все ему некогда. А теперь, теперь вы вообще пытаетесь перечеркнуть этот его долг. Ничего у вас не получится. Я накладываю вето на всю вашу церемонию похорон

и забираю мужа обратно». Как только Ника произнесла слово «вето», картинка сна стала стремительно съезживаться, как горящий лист чистой бумаги, темнеть и полностью исчезла, словно превратилась в пепел.

Я проснулся на исходе ночи. Самочувствие было отвратительным. Действие капельниц прошло, и тело разрывалось от боли, особенно там, где еще недавно «гулял» скальпель хирурга. Попробовал терпеть – невозможно. Наконец, догадался: нажав кнопку, вызвал ночную медсестру. После обезболивающего укола опять полегчало. Стало ясно, почему в сновидении я безропотно лежал в гробу и готовился к отправке в последнюю обитель. На что только не согласишься, чтобы избавиться от невыносимой боли. А если еще добавляется изощренная лесть... Я понимал, что в реальности мне не светит ни такой роскошный гроб, ни кладбище для выдающихся персон, ни сопровождающие в смокингах и вечерних платьях. Бесы все рассчитывают точно: заманивая нас, беспротестных, вроде бы в рай, на самом деле, если удастся, отправляют в ад и оставляют ангелов, призванных оберегать больных и сирых, с носом. Хорошо хоть Ника успела вовремя вмешаться и отстоять меня...

Грань между происходящим во сне и явью бывает настолько тонка и зыбка, что в иной момент легко пересекается, и сновидение или его часть становятся фактом жизни.

Раздумывая над этим, я понимал, сколь плохи мои дела. Нет, сама по себе смерть меня не очень-то пугала. Был в ней даже некий магнетизм, как в бездонной пропасти, куда рано или поздно придется упасть. Пугало другое. Я не выполнил своего предназначения. С рождением сына, посадкой дерева и строительством дома все было в порядке. Да и заповеди профессии своей я тоже, вроде бы, особо не нарушал. Пронзила меня совершенно неожиданная мысль: мое пребывание на земле не сделало по-настоящему счастливым ни одного человека и, прежде всего, мою жену, с которой прожил бок о бок два с лишним десятка лет.

Конечно, состояние счастья многолико, его можно истолковывать, его можно дарить и воспринимать по-разному. Но для меня, несомненно, одно: это – когда мир вокруг тебя окрашива-

ется во все цвета радуги, а не только в те, что несут в себе будни, когда обычная радость беспричинно перерастает в восторг, когда чувствуешь, до чего прекрасна жизнь на земле, вобравшая для тебя все самое лучшее...

Бывала ли вот так счастлива со мной, благодаря мне Ника? В первые годы – пожалуй, а потом... Меня поглощали, уводили в сторону дела, дела, дела... И всегда спешные, неотложные... Иной раз споткнешься, встретив отрешенный или пригасший взгляд жены, на какой-то миг защемит сердце, захочется все бросить, послать к черту, чтобы посвятить ей столько времени, сколько потребуется, но тут же внутренний голос затаит свою шарманку: на сегодня тобой то-то назначено, на завтра то-то, и все сверхсрочное, неотложное, вот освободишься, тогда... А нынче я вплотную приблизился уже к самому краю, оказался в таком положении, что, может, ни завтра, ни послезавтра больше не будет. А сколько ее желаний, просьб не выполнено, все оставалось мною на потом...

Вспомнил, как она мечтала побывать на Красном море, понежиться в его вечно теплых объятиях. Великая любительница плавать, Ника прежде обожала Иссык-Куль, но с годами он стал для нее слишком прохладен, встречал то дождями, то ветрами и постепенно отношения между ними разладились. И ее почему-то поманило Красное море, хотя теплых морей и океанов на планете достаточно. Она несколько раз уговаривала меня отправиться в те края на недельку-другую, рисовала красочные картинки нашего пребывания на морском побережье в Египте, как будто все это было уже в яви, но я лишь отмахивался, ссылаясь на занятость, и просил подождать.

Однажды даже пообещал, назначил сроки, и опять что-то не склеилось, не сложилось... Наезженная колея бесконечной литературной работы крепко удерживала меня от любых попыток выбраться из нее и коренным образом изменить течение собственной жизни. Или надо было быть куда более решительным, чтобы преодолеть этот барьер и, посвятив любимой женщине всего себя без остатка, сделать ее счастливой? Разве это не важнее, думал я, чем написанные мною книги? Или те, что еще не написаны?

Теперь наступил момент, когда все зависело вовсе не от меня и не от доктора, а только от самого Всевышнего. Мне нико-

да не приходилось Его ни о чем просить. Но тут был особый случай. И я обратился к Господу, представив Его в необъятной космической выси с ликом бородатого патриарха всея Руси Кирилла. На какой-то иной, может, более подходящий зрительный образ, мое воображение оказалось тогда не способно.

К Нему ежеминутно обращаются с просьбами миллионы людей. Потому следовало быть кратким. И я сказал: «Боже правый и милостивый, позволь мне оставаться в совершенном здравии на этой земле до тех пор, пока я не сделаю свою любимую супругу полностью счастливой, исполнив все ее пожелания. Ради этого я готов, если понадобится, пожертвовать даже творчеством. Помогите только, Господи, выбраться из наезженной колеи вечных писательских забот, и я тут же поверну свою жизнь к означенной цели».

Мне показалось, что тот, кого я представлял в образе патриарха Кирилла, был слегка озадачен. Не таится ли в моей просьбе какой-то подвох, некий корыстный умысел? Но с легкостью просканировав меня, Он убедился: ничего подобного. И все-таки я заметил, что легкое облачко сожаления осталось грустить на его высоком челе.

Ночь неохотно шла на убыль. Меня сразу же одолел крепкий, спокойный сон. А когда открыл глаза, было совсем светло. Возле моей кровати стояли доктор и медсестра. На их лицах читалось удивление, хотя доктор, как обычно, пытался скрыть его под маской невозмутимости. Ничего не скажешь, профессия обязывает.

– Я же говорил, что все будет хорошо. Кризис миновал, и больной резко пошел на поправку. Как он порозовел, посвежел! Пульс и давление у него в норме, тут и мерить не нужно. Еще немного подлечим, швы снимем – и можно будет выписывать. – В бодром, сипловатом голосе, с характерным, как у священника, подвыванием, без труда угадывалось плохо скрываемое замешательство. Увидев, наконец, что я проснулся, доктор обратился ко мне: – Ну вот, а вы побаивались операции. Надеюсь, теперь убедились, что я был прав? Все идет как по расписанию, даже, пожалуй, с опережением.

Пока он говорил, гордо вздернув подбородок, я подготовил в ответ маленькую оплеуху из вертящихся на языке нескольких

слов, однако высказаться так и не успел: в палату вихрем влетела Ника.

– О-о-о! – радостно воскликнула она, едва бросив взгляд в мою сторону. – Я чувствовала, что ты, Олег, вот-вот переступишь опасную черту, но совершить такой скачок... После этого невольно поверишь в чудеса.

– Вы правы! – доктор воспринял последнюю фразу как похвалу в свой адрес. – Медицина полна чудес, если, конечно, умело пользоваться багажом ее знаний. Хорошо, что пациенты и их близкие хотя бы иногда способны это понять и оценить.

Когда мы остались одни, жена, прежде всего, принялась потчевать меня, извлекая из сумки блинчики с творогом и сметаной, отварную рыбу, морковный сок... Наблюдая, с каким аппетитом я поглощаю все это, она делала большие глаза и твердила: «Бедненький, ты так похудел на капельницах и таблетках, но ничего, я тебя быстро откормлю, посмотришь. – И, выдержав паузу, сменила тему. – Ты только, пожалуйста, больше меня так не пугай. Услышав о завещании, я потеряла дар речи. Если бы...»

– Какое завещание? О чем это ты?

Она посмотрела на меня с сочувствием.

– От передозировки наркоза у тебя, наверное, память отшибло. Напомню: перед операцией, боясь, видимо, за последствия, ты составил завещание, где требовалась также моя подпись.

– Что за чушь! Да мне и в голову такое не приходило! Откуда ты черпаешь столь нелепые сведения? И нечего на меня так смотреть. Я здоров и память моя свежей, чем майские розы. Наркоз тут не при чем.

– Допустим. А разве не по твоей просьбе Игорь звонил мне в Москву и передал все это? Кстати, он еще сказал о приобретенной тобой месяц назад небольшой вилле на берегу Красного моря, которую ты собираешься переписать на мое имя. Я понимаю, тебе хотелось сделать приятный сюрприз, но...

Ее остановил мой смех. Дробный, как звук просыпающегося на пол гороха. Несмотря на все чудеса с выздоровлением, швы еще побаливали, и я боялся, как бы от смеха они не разошлись.

Ника терпеливо ждала, когда горох просыплется весь.

– Зря ты смеешься, – сказала она. – Срочная операция, завещание и еще эта вилла... Целый клубок... Господи, да у меня чуть крыша не поехала.

– Можно подумать, что ты не знаешь Игоря, – возразил я. – День без розыгрыша для него – как яйцо без соли.

– Но шутить такими вещами... – Она была явно разочарована.

– Успокойся, – сказал я. – Мы и так поедem, куда хочешь и когда захочешь. Дай мне только окончательно поправиться.

– Все это я уже слышала, – вздохнула Ника. – И не раз. Разубеждать ее было бесполезно.

Спустя два месяца, когда в Бишкеке еще стояли холода, мы с Никой купались в Красном море и загорали на прогретом солнцем белом песке. Ее лицо светилось счастьем. Видя, как она пьет его большими глотками, с нескрываемым наслаждением, я радовался, что тогда, лежа на больничной койке, обратился к Богу с просьбой. Действительно, жизнь проходит не зря, если благодаря тебе близкий человек пребывает на вершине блаженства.

Жили мы в курортном местечке Хургада на небольшой, но вполне приличной вилле, которую Игорь после соответствующей обработки снял для меня у своих друзей. Ника помолодела, расцвела на глазах. Высокая, длинноногая, смуглая от загара, она одевалась куда более рискованно, чем тридцатилетние дамочки, годившиеся ей в дочери. Но какой-то особый аромат счастья, что исходил от нее непрерывными волнами, оберегал ее от всякого рода приставал и завистниц. И стихи являлись к ней с небес, как подсвеченные солнцем ледниковые воды в речное русло. Вечерами мы сидели на веранде в глубоких плетеных креслах, потягивали сухое красное вино, и она высоким, похожим на скрипку, голосом читала новые стихи – такие пронзительные и влекущие в необозримую высь, что дух захватывало.

Но однажды Ника сказала:

– Не пора ли нам возвращаться? Насколько я помню, ты собирался в этом году выпустить книгу о нашем великом ученом, а сроки уже поджимают.

– Накладка получилась, – сказал я, на ходу придумывая причину, из-за которой расторг контракт с издателем. – Оказывается, накануне получения Нобелевской премии от физика ушла любимая жена, устав от его бесконечных поисков и озарений. Он впал в страшную депрессию. Едва от премии не отказался. Естественно, ему было не до встреч и бесед со мной. Запил, бедняга.

– Ну и что? Наверняка он уже пришел в себя. Какая личная драма! Если ее сильно выписать, она может всю книгу наполнить психологизмом. Неужели тебе не хочется поскорее взяться за работу?

– Нет, – отрезал я. – Все это уже было. Прочти хотя бы великолепную повесть Юрия Нагибина «Пик удачи». Повторяться за кем-то я не намерен.

– Но кто тебе мешает найти свои повороты сюжета и написать еще лучше? Ведь сделать это так, как ты, никто не сможет.

Когда человеку, специально опоздавшему на поезд, твердят, что надо поторопиться, догнать его во что бы то ни стало, он раздражается.

– Все, вопрос закрыт, – для убедительности я даже стукнул кулаком по столу. – Пусть эту книгу пишут другие.

– Хорошо, хорошо, – быстро перестраиваясь, согласилась Ника. – Не хочешь писать об ученом – не пиши. Но ведь ты мастер придумывать необычные темы, сюжеты. Почему бы тебе ни вернуться к художественной прозе?

– Что ты на меня давишь? Со своим творчеством я как-нибудь сам разберусь. Каждый год выпускал по книжке. Хватит! Пора и отдохнуть.

Ника слегка погрузтелла, увела глаза в сторону и больше к этому разговору не возвращалась.

Мы стали много путешествовать. Едва у Ники зарождалось желание что-то увидеть, где-то побывать, я старался, чтобы тут же оно осуществилось. Моря, океаны, страны и города... Столько необычных встреч, впечатлений, что меня просто распирало от них. Будто от непереваренной пищи. Все свои наблюдения я не запечатлевал ни в рассказах, ни в дневниковых набросках, как делал прежде, и они накапливались, накапливались во мне, мешали думать, спать, грозя свести с ума. Стоило взяться за блок-

нот, и сразу вспоминалось, как ночью в больнице я обратился к Всевышнему с просьбой помочь мне выбраться из колеи творчества ради Никиного счастья. На бумагу ложились либо корявые, сучковатые фразы, которыми изъясняются в письмах полуграмотные крестьяне из глубинки, либо гладкие и пустые, как отполированные водой и обезличенные временем камни. Многокрасочный мир, описываемый таким языком, становится неузнаваемо убогим.

Ника догадывалась, что со мной творится что-то неладное. Но выяснять, зная мой характер, не решалась. Я все чаще бывал замкнутым, раздражительным. Едва меня спрашивали, как обычно водится в нашей среде: «Над чем вы работаете?», и во мне закипала ярость, я готов был придушить всякого, кто лезет в мою душу. С моей подачи прежде ходила шутка: издатель – это не состоявшийся писатель, который греется у огня чужого таланта. Теперь мне самому приходилось промышлять на издательской ниве, выпускать книги других писателей, и Никины тоже.

С большим опозданием до меня дошла, достучалась истина, что сколь благородны бы ни были цели, но приносимые ради них жертвы бесплодны, если жертвуешь тем, что ниспослано тебе свыше. Брошенная колея, зарастая сорной травой, способна резко изменять судьбу. Обычно – не в лучшую сторону. Так случилось и со мной.

Когда от тебя ожидают того, чего ты лишился по собственной воле, хотя бы даже из благих побуждений, возникает некое напряжение, перерастающее в отторжение друг от друга. Мог ли я открыться Нике, своим друзьям? Такие мысли не раз приходили мне в голову. Но тут же, как щелчок кнута, бил вопрос: а какой толк в откровении? Кто поверит в реальность произошедшего? Не покажется ли это попыткой прикрыть свою несостоятельность фиговым листком мистической картинки? В общем, я оставил каждому возможность гадать на кофейной гуще. Если друзья еще как-то со всем этим мирились, то Ника не выдержала.

При расставании она с болью сказала: «Прости, но ты стал не тем, кого я когда-то полюбила. Может, я ошибаюсь, но мне думается, произошло предательство – самого себя, своего предназначения. А это самое худшее из предательств. Если ты можешь жить без творчества, значит, можешь жить и без любви».

Я стоял и молча смотрел ей вслед, как смотрят во след отделившейся нежданно-негаданно части собственной жизни.

Ника уехала и живет одна в далекой стране. Иногда, включив международный канал ТВ, я с грустью и наслаждением вижу ее на экране, слушаю, как на высокой ноте, подобно певучей скрипке, она читает свои новые стихи.

Прошло около двух лет. Как-то во время прогулки по Центральному городскому скверу я встретил своего давнего знакомого физика, Нобелевского лауреата. Он сидел на скамейке рядом с молодой красивой женщиной. Они о чем-то оживленно беседовали, безмятежно улыбаясь. Чтобы не мешать им, я убыстрил шаг и хотел было проскользнуть мимо, но лауреат, заметив меня, попросил задержаться, присоединиться к ним.

– Это моя жена Виктория Александровна, – с гордостью представил он свою собеседницу. – Вы знаете, наверное, ту нашу шумевшую историю, когда она ушла от меня накануне вручения премии? Как я тогда мучился, страдал! Столько лет мы счастливо жили вместе, она была для меня как солнце и вдруг... Но после долгих размышлений я пришел к открытию: все дело в моей фанатичной преданности науке. Вот что закрыло мое солнышко, и оно чуть не укатило за горизонт. К черту теперь все, что мешает счастью, мешает любви! Я так решил, и Вика со мной согласна.

Лауреат ждал от меня поздравлений, и я поздравил его. Хотя слова мои были не в ладу с мыслями. А думал я вот о чем. Женщины любят, чтобы мужчины исполняли их просьбы, желания, капризы, но при этом начинают нас презирать, если мы ради них отказываемся от того, за что ценят нас в обществе.

Попрощавшись, я пошел домой, в печальную тишину своей квартиры. Мне хотелось писать. Но я со страхом представлял, что из этого может получиться. Опять идти босиком по битому стеклу, напрасно истязать свою душу... И все-таки я усадил себя за письменный стол, осторожно взял ручку и медленно, словно боясь что-то спугнуть, занес ее над листом бумаги...

К утру я поставил в этом рассказе точку. Или многоточие?..

ПОЭЗИЯ

Светлана СУСЛОВА

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

*«...Мне вспоминать
сподручней, чем иметь...»*
Белла Ахмадулина

Ветер странствий

Он – осенний, тревожный,
Он пахнет последнею розой
И листвой, осыпающей золотом синюю глубь.
Он впитал в себя встречи, разлуки, и солнце, и грозы,
Он беспечен и мудр, и по-детски отважен и глуп.
Ветер странствий моих! –
Ты уводишь в нездешние дали
Птичьи стаи, мечты и мои молодые года!
Мы с тобой невзначай полпланеты уже пролистали,
По частице себя оставляя вдали навсегда...

Отъезд

Уехать прочь! –
Цыганская мечта
Заставит сердце застучать влюблённо...
Откуда – прочь?
С привычных мест? Из дома?
Из прошлого?
Чтоб с чистого листа

Теперь, должно быть, вход парадный
Распахнут щедро для зевак,
И вход теперь – не за пятак,
Ну, и конечно, не за так,
Ведь гонор крут у вас – московский, –
Мол, и не только Маяковский
Бывал, живал и умер здесь...

Он был и будет – ибо есть!
«Он умер здесь...» Какая честь
Для Бриков всех, которым несть
Из века в век свою хулу
О тесной комнатке в углу,
Где смог гигант наискосок
Упасть, о дверь ссадив висок,
Уйдя из жизни вскриком «Нате!»...
Здесь всё, как прежде, обыватель! –
Гиганты загнаны в углы
И после смерти лишь милы
Тщедушным карлам с жадной пастью,
Куда всему, что есть, не пасть бы!..

...Для нас, приезжих ротозеев,
В Москве полно таких музеев,
Чтоб знал московский обыватель,
Что он – истории ваятель...

Таллинн. Свержение памятника Воину-освободителю

Война вернулась на свой порог?
Таллинн, Нарва – урок жесток,
Но вновь фашизмом ночами грезят.
Солдат Свободы украден, – Бог
Всё видит. Хватит подошв сапог
Прочесь трагедию между строк
И в крест Голгофы возвысить крестик...
Простите, Пушкин, Есенин, Блок,

Что спотыкается за слогом слог, –
Быть русским плохо: так – между строк
Законов – каждый прочтет из местных;
Да, здесь, где славных побед исток,
Где все стремленья – из грязи в крезы,
Здесь русский плох лишь за то, что смог
(Истекший кровью!) фашизму врезать...
У той победы – не счесть дорог
Сквозь Кохтла-Ярви, Йыхви, поместья,
И Таллинн с Нарвой, – где путь пролег...
Теперь там смута идет – пролог
К Новой Третьей (и не последней?)!
Сленг Истории – её виток
Заставит вызубрить назубок
Эстонской речи невкусный слог
(Как помним с болью Берлин и Дрезден)
С распространением на восток...
Так что же, Таллинн, война не впрок?
Ревят клакстоны. Гортань дорог
Вдруг поперхнулась собой. На въезде
В Кохтла-Ярви, да и в Таллинне – смог:
То дух погибших с живыми вместе
Ведет в сраженье с фашизмом рок,
И прячут раненых в любом подъезде,
И вся Эстония уже – острог...
Но снова «алым горит восток»
В Москве и в Нарве, в Йыхви и в Бресте...

Ночь в Армении

Месяц, колкий настолько,
Как будто соринка под веком –
И зажмуриться больно, и глаз невозможно отвести...
Это – хищный зрачок,
Стерегущий над атомным веком
Неизведанной страсти благу ли, чёрную весть.
Это ночь голубая
стыдливой земли Аястана,

На кромке небес и воды,
Так в бесцветное марево
Солнца котомка пустая
Опускается медленно с предошущеньем беды...
Чёрной ночи колпак нахлобучен внезапно на землю,
Что солёна от пота, пролитого впрок за века.
Малорослы здесь люди, деревья...
Не каждое семя,
В эту соль попадая,
Способно на выплеск листка.
Белый мрамор зато – он везде:
Им мостят тротуары,
Из него воздвигают лачуги, сараи, дворцы...
Бело-мраморный город,
Как вспухшая пена опары,
На земле этой бедной,
Куда не летят и скворцы...
Но зато достархан украшают барханные дыни,
И душист виноград,
И лепешки – пышнее снегов...
...Что я в сердце несу, уезжая из этой пустыни?
Благодарность. И стыд –
Вкус неправедно-щедрых плодов.

Казахстан, Капчыгай

Пронзительная осень.
Пронзительные дни.
В далекий край уносят
С собой опять они:
Где маки вечно алы,
Где ласков шелест волн,
Где, может, сын наш малый
Нас ждал среди времён...
Но мы отдали будням
И молодость, и страсть.
Стеснялись мы прилюдно
В своё же счастье впасть,

Боялись возвратиться
В края, где так давно
Свободные, как птицы,
Сливались мы в одно,
Где рукотворным морем
Омытый вечный зной
На сказки лукоморья
Менял наш быт степной...

Пронзительная осень.
Все чувства – на мели...
...Где наши души носит
От наших тел вдали?

Астана

Хром, стекло, бетон, металл –
Солнце в них стократ дробится...
Чёрный ангел нашептал
Имя городу-столице?
По веленью Сатаны?..

Обернулся город раем,
Новостройками играя
К изумленью всей страны...
...Помню, бабушка моя,
Возвратясь из заключенья,
Говорила: «В тех краях
Ветер – дьявольское бденье,
Он несёт извечный страх,
Сатанинский – не целинный...».
Обелиском чёрным стынет
Память павшим в лагерях
Рядом с городом, что встал
Перед всем былым – стеною...
Город-чудо – пьедестал
Тем, кто спорит с Сатаню.

Таджикистан, обед в Ходженте

Брызги алые вишен,
Щекастость персидских плодов,
Позолоченных солнцем, грозящих взорваться от сока...
О, восточный обед!
Ты – для взгляда щедрейший улов,
И, нетронутый, ты насыщаешь любого настолько,
Что уже о желудке, пожалуй, пора бы забыть,
Так затейливо выложен этот орнамент восточный...
Всё бежит и бежит разговора неспешного нить,
Добавляя в узор недосказанных чувств многоточья.
От соседа к соседу плывёт над столом пиала –
Так всегда доверяют другому горячие вести,
Так, бывает, любовь, распростёршая щедро крыла,
Осняет весь мир,
И уже адресат – неизвестен...
Вот и плов принесли. Как округлы на блюдах холмы,
Ароматны, желты, припорошены зеленью щедро...

Сколько долгих веков за прекрасной едою, как мы,
Люди этой красою пытались насытиться тщетно?
Сколько бито посуды, затоптано в грязь скатертей
После трапезы чудной

и фразы одной неуклюжей?

Красота не спасает от споров, и ссор, и смертей,
От нашествий и войн, что цикличны как зимние стужи...

... Здесь, в Ходженте, увы, и двух лет не прошло с той поры
Как гремело оружие, кровь заливала подвалы,
И, пожалуй, ещё не остыли от рук топоры,
И земля ещё пахнет пожарами, дымом, металлом...

Я, глаза опустив, отдаюсь молчаливо еде,
Красоту нарушая своим бесконечным вторженьем.
Может, мы возродимся когда-то на дальней звезде
Без когтей и клыков, без мечты о чужом пораженье?..

Венгрия, Будапешт

Дворики затоплены цветами.
В черепице розовой – дома.
В предосеннем воздухе витают
Страсти злободневного ума,
Застревая броскою рекламой,
Жаром кухонь сквозь дыханье роз...
Я толпе, текущей плавно-плавно,
Неудобна, как бродячий пес.
Я как будто здесь бывала прежде
Много лет (веков?) тому назад.
Здесь Дунай мерцающей одеждой
Мне щекочет так привычно взгляд,
И соборов спящие ракеты,
И дворца туманный силуэт...

Хунны, что историей отпеты,
Мне глядят с угрозой скрытой вслед:
Облик мой претит им в чём-то смутно...
Безмятежна скифская душа.
Мы не совместимы на минуту.
Но столица хуннов хороша!
Мне она запала в сердце в прошлых
Всех моих скитаньях по земле...
Хунны чуют: жизнь моя – оплошность,
Риск зерна, проросшего в золе
Пепелищ, которыми усеян
Мой земной, враждебный многим, путь...

Так брожу, толкаясь между всеми,
Юный огонь бурлит, сжигая грудь, –
Это солнце Азии, которой
Я навеки предана в веках...
Жизнь идет, сбиваясь на повторы.
Мир воспоминаньями пропах.

Польша, Варшава

Город встретил нас туманом,
Серым сумраком, дождём...
На лице у каждой *панны*
Тень гримасы: вас не ждём;
Все *паны* ушли носами
В пышно-польские усы...
Что же, знаем мы и сами:
Накренились вновь весы,
Вам теперь милее Запад,
Не указ уже Москва...
На вокзале тот же запах,
Что навек уйдет едва ль;
И подобием кремлёвским
Дом высотный вздет как перст.
Впрочем, мы – не из московских,
А киргизских очень мест...
Из-за русой пышной чёлки
Изумруды смотрят в зал.
Ах, какие у девчонки
Чисто-русские глаза!

Македония

Низкорослы сады, виноградникам тучным подстать;
Заросли, как щетиной, лесами
Округлые горы...
Серпантинам дорог здесь легко и кружить, и плутать,
Где в едином объятии сходятся счастье и горе.
Из далёких веков, где звучал Македонского клич, –
Разноцветье очей, и наречий, и распри, и дружбы...
Две земли сопредельных соседи решили наречь
Царским именем грозным причастного к вечности мужа.
И враждуют теперь – то на людях, а то исподволь, –
Все потомки его сыновей,
Что рождались в походах...
Слишком мало имён здесь навеки прославлено, что ль?

Или войн его дух и теперь колобродит в народах?
Воды озера Охрид начнут в Македонии вдох,
Чтоб в Хорватии выдохнуть, вздоху Албании вторя...

... Сердце, вспыхнув, слилось с сердцевиной минувших эпох.
Может, так Македонский приметил киргизское море?
Он вот так же спускался к такой же хрустальной воде
Первозданного чуда, хранящего боль лихолетий...
Наши души – родня,
Хоть и встретимся только в Нигде,
Двух похожих озер,
В них влюбленные накрепко,
Дети...
Светлый Охрид,
Качай своих чаек на добрых плечах,
Отражай свои горы в походной щетине столетий;
В моём сердце любовь ты скрепи, как большая печать...
А иначе зачем чистота твоя манит и светит?

Словения, Пиран

... Я стою у моря, что в мечтах
Так манило, нежило, томило...
Будто смех на старческих устах,
Как под ветром высохшая нива, –
Море узнаваемо, и нет
В нём загадки новой, тайны, чуда...

Во сто крат сильнее струится свет –
Тайный синий свет из ниоткуда,
Что пленяет сердце жаждой быть,
Видеть, знать, рукой пощупать счастье,
Лёгкой яхтой в синее уплыть,
Раствориться, стать в нём малой частью...

Море! Я несусь тебя в груди
Столько лет, веков, тысячелетий!
Ты всегда сверкаешь впереди,

Манишь в путь мерцанием созвездий...
Этот миг – всего лишь только миг
Вечной встречи слова и творенья...
Твой исток – единственный родник:
Сердца искромётное горенье.

Болгария, Несебр

Древние римские камни.
Улиц горбатых хребты
Выгнуты перед веками,
Будто бы тащат кресты
К вечно готовой Голгофе
Чуждую веру попать...
Римской империи профиль
Море рисует опять –
Снова и снова, взбивая
Крепкой волною Несебр...
Бродит толпа молодая.
Сотни наречий и вер
Выплеснул мир в этот город,
Древний, истёртый до дыр...
Длинным заливом расколот
Город, похожий на сыр
Множеством тёмных отдушин,
Улочек и тупиков...
Здесь я купила ракушку
С музыкой прошлых веков:
В ней – завитками – осталась
Летопись войн и родов,
Вечная юность и старость
Древних морских тупиков.
Здесь я купила колечко –
Рыбку в изгибе тоски,
Символ Не-себра извечный:
Быть – именам вопреки,
Резать болгарские цапки,
В них не жалеть серебра,

Мир одаряя по-царски
Памятью зла и добра.

Германия, за околицей Падеборна

Кухня, дети, кирха...
Колокольный неумолчный звон
Всё плывет и плывет, листопад золотой обгоняя.
Тишина, чистота
Взять должны бы все чувства в полон,
Но глухая тоска плещет в сердце, его омывая.
Осторожно ступаю по мягкой ковровой траве,
Обелиски читаю, как будто священную книгу.
Сколько русских имен здесь, на кладбище...
Сколько их – вне...
Перед надписью каждой всё жду долгожданного мига,
Чтоб припасть к обелиску и деда родного обнять,
Что давно превратился в траву, в колокольчик росистый...
Здесь, на кладбище русском, такая стоит благодать,
Что непрошено вьются в уме благодарные мысли.
Вам спасибо, потомки врагов, –
За траву, что мягка,
Тишину, чистоту, нескончаемый звон колокольный...
Пусть стоят во главе у вас
Кухня, детишки, кирха...
Дед погиб и за это.
И путь его не был окольным.

Австрия, Вена

Послал ли Бог, принес ли чёрт меня, –
Восток и Запад сблизилась настолько,
Что оба стали пламенем огня
В пьянящей обжигающей настойке.
Брожу, хмелея, целый день уже
По городу, что взглядами обласкан,
Где, обгоняя в плавном вираже,
Плывёт к дворцу высокая коляска

И кучер, погоня лошадей,
Насвистывает Штрауса негромко,
И пара ярко-белых лебедей
Бесстрашно подплывает к самой кромке
Озёрной глади, розовой в глуби
От отраженья вешнего цветенья...
И чувства вторят радостно в груди
Нежданному подарку обретенья
Красы, созвучной миру и душе,
О коей я не ведала, не знала...
О Вена! Бальный блеск большого зала,
Где я танцую целый день уже!..

США, Старый Чатнем

На цветущем холме, на пирожное формой похожем,
Разноцветные мальчики змеев пускают в полет.
Каждый крепко, как счастье, за нитку ведет осторожно
Свою яркую цапку –
Чтоб вдруг не ушла в небосвод...
Рвутся змеи воздушные выше и выше умчаться –
Всякой масти и формы,
Готовые насмерть к борьбе.
Но умелый хозяин свое безрассудное счастье
Держит крепко,
Как долю, что выпала в общей судьбе...
В этом ветреном крае, где даже цветущие ветви
Улетают, срываясь салютом с полощущих крон, –
Вниз сбегая с холма, так боюсь,
Что не феей, а ведьмой
Вдруг взметнусь в небеса, ветром взятая в вечный полон...
Кто удержит меня?
Кто натянет бечевку упруго,
Чтобы я не смогла от земли этой чудной умчаться?
Я не стала Америке даже случайной подругой.
Оттого так боюсь улететь и пропасть, что – ничья...
Безрассудной бывать и похлеще могу в одночасье –
Далеко от краёв, где ветра помогают взлетать, –

В моей бедной стране,
Что отсюда мерещится счастьем,
Где не ведьмой, а феей себя умудряюсь считать...
Так держись за стволы отвергающих небо деревьев
И спускайся с холма осторожно, как чаша с водой!..
Слышишь: сердце трепещет на привязи вечной и верной:
На крепчайшей бечёвке,
Что будет с полмира длиной!..

Печатается впервые

Владимир МИХАЙЛОВ

Владимир Михайлов далеко не новичок в поэзии, хотя в «ЛК» его подборка выходит впервые. Просто он из тех, кто не любит пускать посторонних в свою мастерскую, кто вглядывается в жизнь, в природу, в мир вещей и чувств пристально и с неким философским прищуром: мол, а если повернуть вот так? Оттого

его читатель найдет в его стихах больше вопросов, нежели ответов, и захочет сам отыскать их через свои переживания, свою судьбу. Это прекрасно, поскольку предназначение поэзии – не разъяснить, а наталкивать на самостоятельные размышления, не отражать мир узкой полоскою зеркала, а дарить – во всем многообразии и противоречивости...

ПО ТУ СТОРОНУ ЗЕРКАЛА

Пусть горький стыд лицо мне обожжет
И пусть надежда жалостью прольется.
Я голос жду – и голос отзовется,
И уж, конечно, мне он не солжет.

В мышинный угол мы заточены.
Нам по душе параграфы и речи.
Тому, кто свой – в кавычках – человек,
Приходят манной деньги и чины.

Сумел бы я соблазна избежать,
Чтоб не остаться нравственным калекой?
И спор о счастье, спор о человеке
Сумел бы я достойно продолжать?

На ком печать и дьявольская спесь?
Я отвергаю зеркала наветы.
Пусть не осудят пасынка поэты
И примут ересь так же, как и лесть.

Откуда я и что мне суждено?
Кто я такой, зачем я в этом мире?
Зачем на шее жизнь пудовой гирей
И что со мною жизнью рождено?
Кто мне родня, кто милый мой родитель –
Царь Соломон? Безвестный иудей?
Иль Искандер – безжалостный воитель?
Или Сальери – горестный злодей?
Я белый лист измарываю грубо,
Под лампой жить уже не вмоготу.
Прикрыть бы чем искусанные губы,
Души порывы, сердца наготу!..

ПОСЛЕ МИТИНГА

Потемки горели неоновым блеском.
Я шел, как незрячий – наощупь, но к свету.
А улицы полнились звоном и плеском,
И резали ночь мотоциклы-кометы.
В толпе многоцветной путем бесконечным
Я шел, наступая на пятки соседям,
И думал тоскливо о тленном и вечном,
И в лица с надеждой заглядывал детям.
Какая судьба предначертана свыше
Отчизне моей, поколениям грядущим?

Я просто свидетель, я видел и слышал,
И грех этот вряд ли мне будет отпущен.
Как знать, добредем ли мы до катаклизма? –
Я все опишу, да простят мне потомки.
... Барахтаясь, в липких волнах оптимизма,
Иду я в толпе сквозь густые потемки.

НА РАБОТУ

Я встану рано – в сумерках еще.
Покинув норку теплую постели,
Босой, касаясь пола еле-еле,
Пройду к окну, увитому плющом.

И провода, и ветки за стеклом
В колючих иглах измороси первой
Натянуты, как слабенькие нервы
У игрока за игорным столом.

Я в темной ванной рядом со сверчком,
Который шлет экспромты мне, балуя,
Вечерние отмою поцелуи
Под полусонным зеркала зрачком.

Осколок мыла пахнет резедой.
И выдавленный тюбик «Поморина»
Напоминает чем-то балерину,
Давно когда-то бывшую звездой.

На кухне дремлет синий абажур,
И том Рембо забыт у чашки с чаем.
Мой каждый жест неловок и нечаян,
Когда вчерашним новое сужу.

Не разобрав, где слава, где хула,
И подавив предательские вздохи,
В который раз я думаю, что плохи
И так никчемны все мои дела.

Категоричен этот приговор
И апелляций ворох бесполезен.
Вина бесспорна. Но мутна, как плесень...
Еще один в потемках коридор.

Нам с тобою встретиться пришлось
На закате, грустном и туманном.
Все, что встарь пророчилось, – сбылось,
Предвечерним светом осиянно.

Пусть благословит Господь тебя,
Как младенцев золотоголовых,
Пусть, оберегая и любя,
Шепчет над тобою Божье слово.

Ты – дитя, и нежностью своей
Я готов укрыть тебя стократно,
Лишь бы ты взглянула веселей,
Всех прощая в прошлом невозвратном...

«АНАТОМИЯ МИРА»

В эту комнату, где я
О тебе подумал нежно,
Не вернется говор прежний,
Не придут мои друзья.
Все тут будет по-иному –
Мебель, книги, зеркала...
Разносятся мотивы Донна,
В окна бьют колокола.
Ветер пляшет в проводах.
Галка дремлет на карнизе...
Штамп ярки в паспортах.
В вечность выправлены визы.

ЧЕЛНОК

1.

Я в этом поезде, неспешно
Несущем нас на край Вселенной,
Лежу и мыслю безмятежно,
Качаясь в бесконечной лени;

В нирване лени, в неге праздной,
В пластах сухого равнодушья,
В сомнениях тщеты напрасной,
В плену купейного удушья...

О, этот поезд тихоходный,
Плебейства символ неизбывный!
Сосед достал рюкзак походный
И вынул бутерброд наивный...

Какая грусть во всех приметах,
Какая бедность очертаний,
Как мало солнечного света
Среди прощаний и свиданий!

И привокзальные строенья
Глядят угрюмо на стоянках,
Давая пищу вдохновенью
Тем, кто погряз в вагонных пьянках.

И проводник встает к полудню
Небритый, злой и полусонный,
И мирно протекают будни
Сквозь разговор междоусобный.

В вагонах мы не знаем муки,
И каждый время убивает,
Не замечая в волнах скуки,
Как жизнь тихонько убывает,

Как жизнь меж пальцев утекает
Безостановочно, бесследно...
А за окном страна мелькает
В картинках стершихся и бледных.

2.

На этот раз гремящий товарняк
Несет меня на запад неустанно,
Как будто путь во греки из варяг
Пролег сквозь безымянный полустанок.
О полустанок! Словно так черта,
Что отделяет вечное от тлена,
За ней грядет как будто перемена,
Которая воистину крута...
Вон палисадник, домик в три окна,
В саду черешня, лошадь у забора,
Волшебных трав сплетенья и узоры,
И степь любовью всласть напоена.
Граница здесь, и вежа, и судьба,
И поворот к Господнему участью,
И, может быть, за вехой этой – счастье...
Или опять – за счастье лишь борьба?

3.

Я ехал по заснеженным полям.
Окно вагона густо индевело,
Состав летел, и даль струной звенела,
И мгла небес спускалась к тополям.
Вдали огни мерцали сквозь снега.
Я вспоминал о прошлом невозвратном
И думал о пути своем попятном,
Который занавесила пурга.
Куда я еду, Боже мой, ответь,
К чему стремлюсь, не ведая печали?
Вокруг все немо.
Звезды промолчали,
Не удостоив словом: «Умереть...».

POST SKRIPTUM

Берег песчаный, вода темна.
Спокойно, Харон – не судья.
Надежд чужих до краев полна
Большая его ладья.

Николай МАРУСИЧ

Николай Марусич – профессиональный драматический актер, и это очень чувствуется в его стихах. Впрочем, почти все его стихи положены автором на музыку, и мало кто в родном Кыргызстане, особенно в Бишкеке, неоднократно воспетом Марусичем, не знает его песен. Его хрипловатый голос, поддержанный гитарным звоном, читатель услышит и при чтении текста его произведе-

ний, в которых оголены все нервы автора, и сам ритм попадает в унисон не только рваному гитарному перебору, но и всей сегодняшней нашей жизни, где в любой момент может лопнуть слишком натянутая струна...

НА СТРУНАХ СЕРДЦА

Взлет, паденье

Взлёт, паденье – это вне задачи.
Собран новый тип полётов в жизни.
Старый мир получит нашу сдачу,
А поломка не вредит отчизне.

Мне б остаться меж землёй и небом
Рыжею отметиной прогресса,
Разделить собою быль и небыль,
Обнажив простор для рубки леса.

Сверхзадача, самолёта точка,
Счастье – в небо сигаретой взвиться;
А потом, как сломанная почка,
Вниз упасть и вдребезги разбиться,

Распахав собой кусочек нивы,
Упереться в скальную породу;
И восславить матушку-природу,
И остаться факелом красивым...

Авторы модели, удивившись,
Соберут мой лом для экспертизы,
В заключение скажут: все в излишке –
Силы, чувства, страсти и капризы...

Мастер помянёт свою поделку,
Просидит со свечкой до рассвета,
Технарям подкинет для совета
Истину, что вышла на проверку:

Новый аппарат пошёл свечою,
На творца за это – не в обиде.
Пусть земля останется землёю,
Потому что в небе след не виден.

Иссык-Куль

Иссык-Куль, голубая волна,
Посиделок ночных тишина.
Утро в дымке, рыбачий кураж,
Замок-призрак встаёт, как мираж...

Города, не проснувшись от сна,
Поменяли свои имена.
Только чайка – крикливый твой страж –
Облетает покинутый пляж.

Облепили цепляется куст,
Липкий вкус полусомкнутых уст,
Чебачок и бутылка вина,
Мысли, дерзко шальной, глубина...

Уходящая в горы весна.
Крутит запахи неба волна.
Старый пирс очарованно пуст,
И звучит в тишине: ну и пусть...

Ты братишка и наш – и не наш,
Дискотек отзвучавших ты страж...
Только как не меняй времена,
Никогда здесь не вспыхнет война!

Лебеди

Белый лебедь крылом взмахнул.
Черный лебедь крылом взмахнул...
А у белого – черная роза,
А у черного – белая роза;
В ритме танца поплыли, – лови, –
По волнам любви...

Гладь, озерная рябь,
Озорной ваш взгляд
Нашей встрече рад, –
Оглянись назад,
Там любви парад,
Гладь, озерная рябь...

Перепутал я, где ж любовь моя:
То ли белая, то ли черная?
Масть легла, – я любил двоих,
Страсть была, обнимал я их...
Как глоток вина
Выпил всё до дна.

Ваш прощальный взгляд,
Ваш протяжный крик,
Ваших рук тепло
Сохраню в себе:
Вместе два крыла, колыбель моя,
Успокойте меня, унесите с собой!..
Это ангела два
Были рядом со мной.

Шанхай и Карпинка

Мой город, как девочка, в белое платье оделся.
Художник напомнил мне лица ушедших друзей.
Кусочек весны меж седых великанов пригрелся.
Пригрелилась роскошь забытых безоблачных дней.

Шанхай и Карпинка, Кузнечная крепость, Дзержинка...
Лица друзей, лица милых друзей узнаю.

Усталый фотограф на площади старой победы –
Восточный когда-то базар прошлой жизни моей,
Слезящийся дед, проклиная новые беды...
В мечту безнадежную поезд увозит людей.

Шанхай и Карпинка, Кузнечная крепость, Дзержинка...
Старик, наливай, – выпьем юность шальную свою!

Пивной автомат, танцплощадка в Панфиловском парке,
Цветы бульдонеж, нестареющий цирк Шапито,
Телега и шарабара, раздающий подарки,
Гитары, клеша, папиросы в кармане пальто...

Шанхай и Карпинка, Кузнечная крепость, Дзержинка...
Лица друзей, лица милых друзей узнаю.

Влюблён в твои улицы цвета зелёного лета,
В беспечную влажность сверкающих в клумбах стрекоз,

В последний троллейбус, бегущий навстречу рассвету,
И в ливень весенний, отмывший мой город от слёз.

Шанхай и Карпинка, Кузнечная крепость, Дзержинка...
Старик, наливай, выпьем юность шальную свою.

Девчонки тех лет, и Бродвей, что ведет к Ала-Тоо,
Карагачевая роща и база Чон-Таш...
Мой город, вернуться к тебе мы хоть завтра готовы,
Поверь, старичок, навсегда ты останешься – наш!

Шанхай и Карпинка, Кузнечная крепость, Дзержинка...
Лица друзей, лица милых друзей узнаю.
Шанхай и Карпинка, Кузнечная крепость, Дзержинка...
Старик, наливай,
выпьем юность шальную свою!

Когда-то здесь жила семья

Когда-то здесь жила семья.
А что осталось? – только я,
Диван, кровать, пустой сервант,
Поблекший фрак, помятый бант,
Немытый пол, в углу белье
И одиночество мое...

А эхо сплетен тут как тут:
Из домослов узлы плетут,
В лицо до неба вознесут –
И дегтем спину обольют;
При встрече, вежливо смеясь,
Перевернув, опустят в грязь...

Увы, – и Бога не боясь,
В душе людской проснулась мразь:
От встречи не успев остыть,
Возьмутся кости перемыть,
Не поперхнувшись, проглотив

Уже заезженный мотив,
Что не скажу без боли я:
«Когда-то здесь жила семья»...

...Зачем, скажи, арча зимой цветёт,
Напоминая терпкий вкус любви?
То запах хвои, так душа поёт,
На струнах сердца – только позови,

Вновь подарю закаты и рассвет,
И радость встреч, и сладостную дрожь,
И новых песен вешний жгучий свет...
И никогда ты больше не уйдёшь!

Скрипки, Шнитке, пастораль

Иней горных рек, первый снег,
Ночь закрытых век, листья – в бег;
Боль моих утрат, мокрый листопад;
Боль пустых потерь, пьяная метель...

Скрипки, Шнитке, пастораль.
На лице твоём печаль.
В зале грустный полумрак.
На рояли брошен фрак.

Наших чувств вино выпито давно.
Смех твоих друзей... Зябко у дверей.
Рук твоих тепло ветром унесло.
Шепот губ вернется – холод остается.

Псом бездомным вою...
Справлюсь я с бедою:
Грех наш замолю. Я тебя люблю!
Иней горных рек, первый снег,
Ночь закрытых век, листья – в бег ...

Я все же выжил

Перрон уходит в призрачную дымку.
Друзья отводят в сторону глаза.
Мы у окна стоим с тобой в обнимку.
В горах гремит прощальная гроза.
По улицам спешат родные люди.
Мелькнула школа, станция Пишпек...
Всё это мы с тобою не забудем,
На новой родине отпраздновав успех.

Лишь ночь на выдох, да день на вздох,
Я всё же выжил, а не издох.
Чужих увидел, жизнь городов...
Будь проклят поезд «Бишкек-Ростов»!
Страхует полис от катастроф?
Где мое поле, родимый кров?!..

Купе скрипит, храпит в проходе тетка.
Глаз щиплет грязным дымом из трубы.
Под стук колес я заливаю в глотку водку
Отдавшись в руки матушки-судьбы;
На полустанках беспредел гуляет свадьбу,
Российский мат несется по степи...
Что будет завтра, хочется узнать мне
И самого себя мне хочется найти.

Приехали, слезайте, остановка!
Зачем пожаловал, ублюдок дикий, к нам?
Для чужаков есть плетка и винтовка,
Вали назад, я голодаю сам!..
Так долгожданная отчизна блудным детям,
Вернувшись к груди ее припасть,
Дала понять, что тут покой не светит:
Дай бог вам бесполезно не пропасть.

Здесь коридоры общежитий и гостиниц
Забиты жаждущими вновь прильнуть к корням...

Нам всем отчизна приготовила гостинец –
Грустить по навсегда ушедшим дням!
По паспорту зовусь я только русским,
На деле – чужеродный азиат.
Путь для меня здесь всюду – самый узкий,
И чувство, что в чужой забрался сад.

Слезится вечер за окном чужого дома.
Свеча рыдает по ушедшим дням любви...
Орел двуглавый и алмазная корона,
К себе меня ты больше не зови!
Семью увез от Ошского кошмара,
Спеша устроить заново судьбу,
Но... Полумесяцу, решил я, крест – не пара,
Жизнь превратив в бесплодную борьбу.

Лишь ночь на выдох, да день на вздох,
Я всё же выжил, а не издох.
Чужих увидел, жизнь городов...
Будь проклят поезд «Бишкек-Ростов»!
Страхует полис от катастроф?
Где мое поле, родимый кров?!..

Транзит

В город сирени спешит
«Фрунзе-Бишкек» транзит.
Город, кафе, фонари –
Город нашей любви...

Я соберу друзей, тех, кто еще жив,
Тех, кто не устал, тех, кто не пропал...
Будет томиться плов, будет дымиться мангал,
Разноязыкий хор будет славить стол.

Я покажу друзьям наш общий дом,
Будет весело нам за накрытым столом,
Будут пить друзья чуйское вино,
Будут петь они добрые песни свои...

Я расскажу друзьям про любовь мою –
Про любовь мою к городу моему...
Будет томиться плов, будет дымиться мангал,
Разноязыкий хор будет славить стол

В город сирени спешит
«Фрунзе-Бишкек» транзит.
Город, кафе, фонари –
Город нашей любви.

Мама

Глоток живительной влаги –
Родник с ключевой водой...
Дай, мама, ты сыну напиток,
Верни его память домой, –

Где запах горячей картошки,
Где пахнет парным молоком,
Где детство смеется в ладошку,
Где смех и веселье кругом, –

Домой, где мальчишки на крышах
Гоняют своих сизарей,
Где посвист их радостный слышен,
Где люди светлей и добрей;

Домой, где мама живая
Меня приласкает, споет
И сон мой тревожный рукою
с лица уберет...

Мое поколение

Мое поколение до остервенения
Верило в ценность Великих Надежд,
И с оптимизмом без промедленья
Сметало с пути чужаков и невежд.

Не принимали мы трусость и ложь,
Возможность абсурда не ставили в грош!

В покер можно сыграть с судьбой.
Ее не обманешь, ты знаешь?
А мираж – это сон или явь:
Ошибешься, тогда пролетаешь
Глаза – окна разбитых домов...

Мое поколение спившихся пацанов,
Пустые подъезды, глухие дворы,
Ржавые иглы вонзаются в вены...
Мое поколение – рыба на суше.
Мой голос в пустыне все глуше и глуше.

За искренностью – боль,
За правду – нож к горлу.
И только ночью стынет кровь
Вслед аккорду...

Жизнь – путешествие во времени,
Попутчики лишь разные в пути,
Попутчицы лишь разные в пути.
Закат, рассвет... И это все – не бред.
Мгновенье-жизнь, мгновение-смерть?
Всевышний знает лишь ответ.

Черная пыль

Черная пыль, черная быль...
Плачет душа, плесень пришла.
Под землей саркофаг.
Над землею мрак.

Над землей туман,
Иллюзорности дурман.
Что болит – душа? – от зла?
По ком звонят колокола?

Так же рассвет наступает.
Только петух не поет.
Все вокруг замирает.
Лишь мародер бредет:
Ему бы успеть до рассвета
Полный баул утащить,
Ему бы успеть на рассвете
Маску лица заменить,

Чтоб не узрел прохожий
Под маской добряка – подлеца,
Нужна одежда святоши
И светлый пик мудреца...

Хватает взгляда, суть ясна!
И дрожь по телу пробегает:
Такая женщина бывает,
Как будто Богом вам дана.

Все честно, в этом нет обмана:
Жизнь начинается твоя!
Пусть начинается с нуля
Домой дорога без тумана.

Текут мгновенья не спеша,
Лишь одного тебя балуя,
И, пальцы рук ее целуя,
Любовью полнится душа!

И расцветает все вокруг:
Она с тобой, чтобы понять,
Как в детстве понимала мать...
Как просто, вот – для сердца друг!

Матери черты

Глаза, молящие в ночи
Для сердца теплые лучи...
В тебе сквозь годы суеты
Я вижу матери черты!

...Господи, прости, прости
Сына неразумного своего:
Накрыло теплою волной –
Кружится ангел надо мной...

Прости, что крест земной несу,
Прости, что я тебя люблю!
Прости за то, что не сумел
Построить то, что я хотел!

Старый проектор

Старый проектор трещит, старый, немой,
Добрый немой, старый немой...
Жизнь колесом кружит, станем добрей,
Станем добрей, – старый, налей!

Выпьем за детство свое, за пацанов,
За матерей и за отцов,
Выпьем и снова нальем – за наши дворы,
Наши дворы, царства прошлой поры...

Девушка, кино, девушка, казино;
Девушка, вино, девушка, домино...

Я молод с тобой, рука – в руке.
Я не хочу терять, я не хочу терять!
Твой поцелуй станет нежней,
Твой поцелуй станет нежней, –
Девушка-вино, девушка-домино...

Актеры – цель

Последний мой Монмартр, не умерший театр,
Разорванная роль, потерянная боль,
Жизнь снова прожита без прошлого щита,
Кулисы как саван, дряхлеющий тиран...

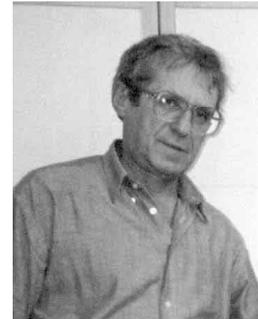
За пылью чуть видна хранительница сна.
Разбитый реквизит след прошлого хранит.
Датчанин всех эпох, большого сердца вздох
Средь серых птиц летит и никому не мстит.

Зеркал холодный ряд, бессмысленный парад.
Забытый балаган и у виска – наган.
Ловцы раздетых душ рвут бесполезный плюш.
Латает свой карман большой жратвы гурман.

Здесь все слова пусты, один пред Богом ты.
Пусть впереди туман – ты от надежды пьян...
Последний мой Монмартр не умерший театр,
Разорванная роль, потерянная боль.

Идет отстрел, актеры – цель.
Ты в казино монету – в щель.
Все решено, сажусь на мель...
Идет отстрел, актеры – цель!

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий САНДЛЕР

БАРОН ЗА ПРИЛАВКОМ

Эдуард фон Фальц-Фейн, ЛИХТЕНШТЕЙН: «Почему вы не спросили меня про любовь?»

Что, по-вашему, общего между «новым русским» и старым, хоть и не совсем русским, эмигрантом-миллионером? Верно: тот и другой одержимы страстью приобретения. А в чём их важное отличие? И вновь вы угадали: «новые русские» всё больше покупают за рубежами России (яхты, дворцы, футбольные команды) – тогда как старые, даже не совсем русские, по мере возможности тратят свои кровные денежки с пользой для родины, когда-то их отторгнувшей.

Один из таких «отторгнутых» живет в карликовом (160 кв. км, 36 тыс. жителей) государстве Лихтенштейн, в котором есть правитель-князь, Ханс-Адам II; есть премьер-министр, Клаус Чючер, есть ландтаг - парламент на 25 депутатских мест. В столице страны городе Вадуце, по соседству с резиденцией князя, живет в своей вилле Эдуард Фальц-Фейн – тот самый «старый русский». Впрочем, после беседы с ним по телефону мне пришлось пересмотреть свои представления о молодости и старости.

- Эдуард Александрович, мы с Вами некоторым образом коллеги: на проходивших в Берлине в 1936 году Олимпийских играх вы представляли французскую спортивную газету L'Auto...

- ...которую после войны переименовали в L'Equipe.

- Как получилось, что именно Вас выбрала газета для столь важной миссии? Мне-то известен ответ на этот вопрос, но пусть наши читатели услышат его из первых уст.

- Это интересная история, стоит рассказать. Но сперва о том, как я попал во Францию. Мне было пять лет в 1917 году, когда мои родители привезли меня из Херсонской губернии, где находилось наше родовое имение Аскания-Нова, в Санкт-Петербург, там жил мамин отец Николай Алексеевич Епанчин. Он был генерал от инфантерии, возглавлял самое привилегированное военное учебное заведение России – Пажеский Его Императорского Величества корпус. Пока мы у него гостили, случился Октябрьский переворот...

Пять родственных аристократических семей: Епанчины, фон Шлиппе, Набоковы, Скадовские и Фальц-Фейны – бежали в Германию. Оттуда в 1923 году мы с мамой и дедом уехали во Францию и поселились в Ницце, где у нашей семьи был домик, купленный отцом ещё в 1905 году. Отца с нами уже не было: умер в Берлине от разрыва сердца. Моим воспитанием занимались мама и дед.

Как всякий мальчишка, я мечтал о велосипеде, но сам купить его не мог, не имел денег, а мама покупать не хотела, боялась, что я выеду на дорогу и попаду под автомобиль. Выручила фабрика Nestle, которая выпускала шоколад с различными этикетками. Этих этикеток требовалось собрать уж не помню сколько, отправить на фабрику и, если повезёт, можно было получить один из трех призов. Меня устраивал только первый приз – велосипед. После школы я ехал на загородную свалку, копался в мусоре, собрал нужное количество этикеток – и стал победителем лотереи! Только мне к тому времени уже хотелось не простой велосипед, а гоночный. Я привёл свой приз в магазин, доплатил энную сумму и обменял на гоночную модель.

Перед окончанием сельхозинститута в Ницце я приехал в Париж для участия в студенческой велогонке, спонсором которой была газета L'Auto, – и победил! Директор газеты Жак Бодэ пригласил меня в свою контору: «Мне нужно, чтобы в Берлине, столице Олимпийских игр 1936 года, сидел мой корреспондент и каждый день присылал статью о том, как немцы готовятся к Олим-

пиаде. Вы как раз такой человек. Пойдёте на это место?». И я подумал: почему не попробовать? Мне двадцать два года, скоро получу диплом, а работать агрономом, как когда-то отец, почему-то не хочется. Ну я и дал согласие директору L'Auto.

В то время у власти в Германии уже находились нацисты, их верхушка посещала главные соревнования Олимпиады. Когда чернокожий американец Джесси Оуэнс победил немецкого спринтера в беге на дистанции 100 метров, я видел, как Геринг побагровел от ярости, а Гитлер просто встал и ушел.

Вообще у меня в Берлине было уникальное положение: молодой, красавец, чудная квартира, служебный автомобиль! Писал я много и, видимо, хорошо, потому что редакция меня назвала своим репортёром номер один, «золотым пером». Ну, как я ответил на ваш вопрос?

- Лучше не бывает! Только не говорите, что после берлинской Олимпиады покинули спорт: люди неспортивные вряд ли смогут жить так долго и столь активно, как вы в свои 98 лет.

- Да, я никогда со спортом не порывал! Участвовал в велосипедных и автомобильных гонках, некоторые выигрывал. Свой «Мерседес» продал, когда мне стукнуло 95, сказал себе: «На твоей совести – ни одной аварии, пусть всё так и останется». Пришёл в полицию и сдал водительское удостоверение, чтобы не было соблазна снова сесть за руль. Ещё в 87 лет крутил педали велосипеда, тридцать километров по горной дороге.

- А зачем Вы, такой активный, выбрали местом жительства крохотный Лихтенштейн? Там же скучно!..

- Кто вам такое сказал?! Это неправда! Приезжайте, увидите. Живу в отличном доме, выстроенном по моему проекту на высокой горе, за окнами – роскошный сад. В нашей маленькой стране – низкие налоги, высокий уровень жизни. Горжусь, что я первый русский, ставший её гражданином.

- Первый или единственный?

- И первый, и единственный. Вот вам ещё одна интересная история.

Лихтенштейн до 1920 года входил в состав Австро-Венгрии, чей посол в Петербурге, наследник трона Франц I, князь

Лихтенштейн, часто общался с моим дедушкой, генералом Епанчиным. Оба, умницы, предвидели войну с Германией. Князь не раз говорил деду: «Будет не только война, но и революция в России, и если вы там останетесь, вас вырежут. Но если вам удастся оттуда удрать в случае революции, мы вас с радостью примем у себя в Лихтенштейне».

Ну, мы из России убежали, безопасно живём в Ницце. Но когда я хочу куда-то поехать, повидать мир – мне визу не дают: мы с мамой беженцы, у нас обоих Нансеновские паспорта, по ним путешествовать нельзя! И тут мама вспомнила про встречи своего отца с князем Лихтенштейном, он к тому времени стал правителем страны, и мы поехали к нему. Князь радушно нас принял, сказал, что отлично помнит генерала Епанчина, спросил: «Чем могу вам помочь?» Мама говорит: «Нельзя ли моему сыну получить подданство вашей страны, чтобы он имел нормальный паспорт и мог ехать куда хочет?» Князь ответил: «Возвращайтесь в Ниццу, я подыщу сельскую общину, которая согласится принять к себе вашего сына – с условием, что он ей что-нибудь подарит». Общине требовалась... подскажите, как называется эта штука для коров... они весь день кушают траву, потом хотят попить водички?

- Подозреваю, что речь идёт о коровьей поилке.

- О, да, правильно. Мама нашла рабочих, заплатила им, они построили поилку, а я стал русским подданным Лихтенштейна.

- Да не простым подданным, а бароном. Причём баронский титул Вы не унаследовали, а опять-таки получили из рук князя.

- Вам должно быть известно, что биосферный заповедник Аскания-Нова в Херсонской губернии основал Фридрих Эдуардович фон Фальц-Фейн, мой родной дядя, брат отца. Благодаря ему этот степной оазис с уникальным зоопарком стал известен во всём мире. В апреле 1914 года Асканию посетил император Николай II, осмотрел заповедник и зоопарк, а по возвращении в Петербург издал высочайший указ, по которому все Фальц-Фейны получали пожизненное дворянство. Когда я стал гражданином Лихтенштейна, князь Франц I сказал: «У нас дворянам принято давать титулы. Ваш титул будет – барон».

- Ну а Вы, поди, подумали: плох тот барон, который не мечтает стать королем. Вас ведь так зовут в Лихтенштейне?

- Да, но не простым королем, а сувенирным! Закончилась война, люди начали совершать далекие поездки, и я решил открыть магазин сувениров, зарабатывать на туристах. Какой уважающий себя турист не захочет привезти домой сувенир на память? Денег на обустройство у меня не было, я обратился к князю, он ссудил мне на несколько лет 50 тысяч долларов, я на эти деньги снял помещение, завёз товар, стал торговать. Долг князю вернул через два года. Торговля шла бойко, пришлось нанять десять служащих, которые говорили на всех европейских языках, бывали дни, когда мы обслуживали до двух тысяч туристов, я зарабатывал большие деньги, стал миллионером, выстроил себе чудный дом. Вот за это меня и прозвали сувенирным королём.

- Сам за прилавком вы, конечно же, не стояли?

- Что значит - не стоял?! С восьми утра до семи вечера, каждый день, включая субботу и воскресенье, мой магазин был открыт, и я – на рабочем месте. Сам князь как-то зашел и говорит: «Первый раз в жизни вижу барона, стоящего за прилавком и торгующего открытками!..» Автобусы привозили туристов со всего света, конечная остановка – прямо перед магазином, а внутри – чего только нет: открытки с видами Лихтенштейна, флажки, посуда, значки, платки, часы, брелочки, почтовые карточки, конверты и марки со спецгашением! Если у меня покупали Swiss Army Knives, я на рукоятке этого складного ножа гравировал имя хозяина: своего рода страховка, такой нож не украдут, побоятся.

В позапрошлом году пришлось продать магазин – у меня заболели ноги, доктор сказал: «Вы простояли за прилавком с 1945 года, с вас довольно, отдохните». Новый хозяин магазина в торговле: у него с утра до вечера полно покупателей!

- Когда-то считалось, что торговля – не барское дело. Выходит, очень даже барское. В вашем случае – баронское. В интервью, которое мне дала живущая в Вене потомственная графиня Мария Разумовская, на вопрос: что значит – быть графиней? – она ответила: достойно выглядеть в обществе, жить честно и скромно, помогать бедным, по-

давать добрый пример окружающим. Каким будет Ваш ответ?

- К тому, что сказала графиня, могу добавить: аристократ не должен давать повод, чтобы люди про него плохо говорили. А вы посмотрите, что творит в Монако наследный принц Альберт!..

- А что он такое творит?

- Ну как же! У него в резиденции столько девочек, он просто не знает, куда их девать. Я сам в молодости был донжуаном, плейбоем, имел много красивых подружек, но в один прекрасный день я решил что должен иметь жену, родить наследников – всё, как полагается. А он никак не решится иметь жену, у него одни подружки. Некрасиво с его стороны. Если ты аристократ – значит, давай, меняй свой образ жизни. Тебе уже пятьдесят лет, хватит быть казановой!..

А почему вы не спросили меня про любовь? Это же самое главное, без любви не стоит жить!

- Извините. Вот сейчас спрашиваю.

- В 1950 году я впервые приехал в Нью-Йорк. Мама снабдила меня визитной карточкой нашего родственника Владимира Набокова, он тогда ещё не был знаменитым автором «Лолиты». Набоков пригласил меня на банкет в ресторане при отеле Waldorff-Astoria. Нас собралась большая компания. За соседним столом сидела девушка необыкновенной красоты! Это была Вирджиния Кюртис-Беннет, дочь Нозль Кюртис-Беннета, президента Олимпийского комитета Великобритании, советника короля Георга VI. Знакомлюсь, страстно влюбляюсь, назначаю свидание. Наутро она получает телеграмму: умер отец. Срочно вылетает в Лондон, я – с ней. Моя будущая тёща, узнав, что я хочу жениться на её дочери, сказала: «Вы только что познакомились! Почему бы вам сперва не поухаживать за ней?..» Но я настоял на своём. Мы обвенчались в королевской церкви Вестминстера, уехали в Лихтенштейн. Через год у нас родилась дочь Людмила.

Жена ни слова не знала по-французски или по-немецки, считала, что люди во всём мире должны знать английский язык. В крохотном Лихтенштейне ей не с кем было общаться, она чувствовала себя несчастной. И когда в наших краях появился американец, писатель Пол Геллико...

- ...Вы говорите об авторе знаменитых книг «Снежный гусь», «Приключение «Посейдона», «Цветы для миссис Харрис»?

- Да, это он. Так вот, Геллико влюбился в мою Вирджинию, увез в Монте-Карло, там они поженились. Три года я жил один, но это не значит, что не имел подружек, ведь я был донжуан. Архитектор, который строил мой замечательный дом, сказал, закончив работу: «Нечего тебе здесь делать одному. Завтра я привезу девочку». На другой день приехал с красавицей австрийкой. Ее звали Кристина Шварц. Мне под пятьдесят, ей двадцать два. И я на ней женюсь. Не знал, что она наркоманка. Приду вечером усталый, голодный – ужина нет, жена под кайфом. Устроил её в лечебницу для наркоманов – она оттуда удрала. А потом умерла от передозировки наркотиков. И я решил: третьего брака не будет.

- Начиная с 1970-х годов Вы покупали на аукционах, у частных владельцев уникальные предметы, которые после Октябрьского переворота были то ли проданы большевиками на сторону, то ли попросту украдены и вывезены за пределы России. Никого бы не удивило, если бы Вы эти предметы приобретали для коллекции или для выгодной перепродажи, тем более с вашей торговой жилкой. Но Вы многое из этих дорогостоящих «сувениров» дарили советским музеям и библиотекам. Вас никто за это не упрекал?

- Упрекали, и не раз. Говорили: «У тебя что – не все дома?!». Большевики лишили тебя родины, разграбили имущество твоей семьи – а ты им даришь вещи, которыми они когда-то сами торговали! Как можно делать такие услуги стране, которая этого не заслужила?..» Я отвечал: «А как можно говорить – не заслужила? Это моя родина, чтоб вы знали! Свои миллионы я в могилу с собой не возьму, хочу что-то полезное сделать с этими деньгами, прежде чем уйду с этого света. Это моя цель, пока я жив...»

- Что Вам уже удалось вернуть из ранее утерянных богатств?

- Много чего. Трудно все перечислить. Вот был случай в 1975 году. Аукцион в Монте-Карло распродает уникальную коллекцию книг, принадлежавших Сергею Дягилеву и Сержу Лифарю. Библиотека имени Ленина посылает туда искусствоведа Ильё

Зильберштейна с поручением – купить и привезти коллекцию. Зильберштейн на торги опоздал, коллекцию купил я и через него подарил библиотеке. Мы с Ильей Самойловичем стали друзьями и оставались ими до самой его кончины в 1988 году. Один из авторитетных авторов «Огонька» и «Литературной газеты», он опубликовал в этих изданиях много интересных статей о русской эмиграции, о коллекции «дягилевских» художников, которую собрал живущий в Лондоне князь Никита Лобанов-Ростовский...

- Интересная подробность. Жаль, что я не знал о ней, когда пару лет назад брал интервью у князя. Ну а самому приехать в Россию Вам удалось?

- Мне было под семьдесят, когда это произошло. Вам будет интересно узнать, как именно. Международный Олимпийский комитет решал вопрос – кому достанутся Олимпийские игры 1980 года, и я, как президент Олимпийского комитета Лихтенштейна, перед голосованием подошел к каждому члену МОК и попросил, чтобы они дали шанс Москве. И она получила Игры, а я получил возможность посетить свою родину.

Выкупил в Германии и возвратил в Ливадию ковёр, подаренный персидским шахом императору Николаю II в 1913 году, когда праздновалось 300-летие Дома Романовых. На ковре вытканы портреты всех членов царской семьи. Теперь он висит в Ливадийском дворце. Нашел в Америке у одного антиквара, купил и отправил в Ялту портрет Григория Потёмкина, любовника Екатерины, украденный после революции из Ливадийского дворца. Там при входе висел чудный портрет самой Екатерины, так его не спёрли, а Потёмкина – спёрли.

Важнейшей своей акцией я считаю передачу знаменитого «Архива Николая Соколова» – документы следствия по делу об убийстве царской семьи в Екатеринбурге. Бесценные для России бумаги купил по моему совету князь Лихтенштейн и передал Москве в обмен на свой архив, захваченный в конце Второй мировой войны советскими войсками в Вене, где семья князя имела большой дворец. Официальный документ об обмене был подписан во время визита в Лихтенштейн тогдашнего российского министра иностранных дел Евгения Примакова.

При моем участии был организован музей Александра Суворова в швейцарском городе Гларусе и музей Екатерины II на

ее родине, в немецком городе Цербсте: музейное здание выделил и отреставрировал город, а я туда передал из своей коллекции экспонаты, касающиеся Екатерины. Я оплатил восстановление Мальтийской капеллы Воронцовского дворца в Петербурге; по моей инициативе в Санкт-Петербургском Суворовском училище, бывшем Пажеском корпусе, появилась церковь, открылся кадетский музей. Мои хлопоты помогли тому, чтобы в Москву был перевезён прах Шаляпина, которого моя мать знала лично: он, приезжая во Францию на гастроли, навещал нас в Ницце. Мы с его сыном, Федором Федоровичем, дружили, он жил в Риме, часто у меня бывал. В один прекрасный день приехал ко мне писатель и журналист Юлиан Семенов. Вы с ним были знакомы?

- Знаком не был, книги его читал.

- Он чудесные книги писал! Мы с ним несколько лет потратили (а я – еще и кучу денег) на поиски Янтарной комнаты, похищенной нацистами во время Второй мировой войны. Комнату, к сожалению, так и не нашли. Но когда велись работы по её реставрации, я купил в Швейцарии и послал в Петербург специальные станки и сверла для обработки янтаря, помог вернуть в Царское Село мозаичное панно, обнаруженное в Германии.

А в тот раз Юлиан мне говорит: «Фёдор Фёдорович приехал, он непременно тебя навестит. Давай его уговорим, чтобы дал согласие на захоронение праха отца в Москве, этого хотел сам Федор Иванович...» Мы в моем доме составили такую бумагу, сын Шаляпина её подписал, я с ней поехал в Париж, пришёл к мэру Жаку Шираку, который потом стал президентом Франции, и он дал разрешение на эксгумацию. Прах был доставлен в Москву и 29 октября 1984 года торжественно захоронен, а пригласить меня на это событие тамошние власти почему-то забыли.

- Серьезную обиду вам нанесли!

- Знаете что? Мне обида в одно ухо входит, в другое выходит, и я снова начинаю работать для России. После смерти Федора Федоровича выкупил реликвии его семьи, остававшиеся в Риме, подарил музею Шаляпина в Петербурге. Купил бронзовый слепок руки гениального певца, привёз в Петербург, вручил тогдашнему мэру Анатолию Собчаку.

- Полагаете, что страна, которую в 1917 году вынужденно покинули ваши родители, сегодня, стала иной, чем при коммунистах? Таких перемен для неё Вы желали?

- Скажу вам вот что. Россия – не Советский Союз. И когда мне друзья говорят: «Ох уж эта твоя Россия! Далеко ей до демократии», – я отвечаю, что если страна восемьдесят лет жила при диктатуре, её враз не переменишь, нужно иметь терпение, понемножку всё пойдёт. Они меня зовут оптимистом.

- Но не идеалистом, нет?

- Так пока никто не называл.

- Не могу не отметить Ваш русский язык – богатый, образный. На таком сегодня даже в России мало кто говорит...

- Спасибо моему деду, Николаю Алексеевичу Епанчину. Он в эмиграции жил с нами, учил меня читать и писать по-русски, привил интерес к российской истории. Благодаря ему я стал патриотом России.

- Какими ещё языками владеете?

- Английским, немецким, лучше всего – французским. Вот я с вами сейчас говорю по-русски, а думаю на французском...

- Свою виллу в Лихтенштейне Вы назвали Аскания-Нова. Что это – дань ностальгии или желание хотя бы таким образом напомнить о своем праве на собственность, отнятую большевиками?

- Вилла названа в память о нашем родовом поместье. Как старейший из Фальц-Фейнов, я являюсь наследником всего, что сотворили на земле несколько поколений моих предков. Приведен в порядок наш дом в Аскании, в нем открылся музей семьи Фальц-Фейн. На территории поместья достраивается православный собор. Вообще-то я хотел построить там небольшую часовню, а священник, отец Олег, мне сказал: «Аскания-Нова слишком известное место, чтобы можно было обойтись часовней». Ну хорошо, спрашиваю, а кто за все это будет платить? Вы, говорит, только начните давать деньги, за вами постепенно наши богачи потянутся. И вот я уже года два даю, даю и даю. Вложил больше полумиллиона евро, а на той стороне никто ни одного рубля не дал.

- Положим, этого следовало ожидать...

- Вот именно. Только мне на это наплевать. Денег в своем магазине я заработал много, в могилу их с собой не заберу, так не лучше ли истратить на доброе дело, верно?

В октябре 2009 года там установили бронзовый памятник моему дяде Фридриху Фальц-Фейну. Автор памятника – замечательный скульптор Дмитрий Тугаринов, он сделал прекрасную композицию: мой дядя сидит в кресле на лужайке перед домом, а у его ног – дрофа выпрашивает зернышко. Всеми работами я руководил отсюда, лежа в кровати: звонил в Асканию, отдавал распоряжения. Раньше сам туда ездил. Теперь не могу: ноги не работают. Большую часть дня я один, в доме тишина. Это нелегко: человек должен иметь кого-то, с кем может поделиться. Иной раз с неба, проездом через Лихтенштейн, свалятся гости: «Пойдем посмотрим, что поделявает барон...»

- А Ваша дочь Людмила...

- ...живет в Монте-Карло, раз в месяц они с моей внучкой Казмирой приезжают на недельку, дольше не могут оставлять свой дом.

Я решил прожить по меньшей мере 100 лет, осталось три года. Каждый день, просыпаясь, я думаю: это подарок от Бога. А что дальше будет – не знаю...

- В таком случае - последний вопрос, его просила задать моя жена: что Вы едите? Да и мне любопытно – чем питается человек, решивший дожить до ста лет?

- А-а, это очень важный вопрос! Люди – они ведь не едят, а жрут; не пьют, а напиваются. Я не знаю, что такое алкоголь, никогда в жизни не курил; ем, как птичка: утречком кусок черного хлеба с мёдом и шоколад Ovaltine; днем никакого супа или жаркого, съедаю один персик; вечером супчик или борщик; много ем рыбы, никогда не ем мяса; пью молоко.

- Пожалуйста, не останавливайтесь на цифре 100. Живите долго-долго.

- Ну, если вы это говорите, пусть так и будет.

НАСЛЕДНИК

Великий князь Георгий Романов, БЕЛЬГИЯ: «Монархическая идея не умрет, пока существует человечество...»

На протяжении четырех последних лет мне доводилось брать интервью у целого ряда титулованных особ и публиковать беседы с ними в нью-йоркском еженедельнике «В Новом Свете», в популярной у читателей рубрике «Русское зарубежье». На сей раз мой гость и собеседник – наследник главы Дома Романовых, цесаревич и Великий князь Георгий Михайлович.

Пусть никого не удивляет, что человек его возраста (родился в марте 1981 года) столь заметно преуспел в карьерном плане: работал в Брюсселе помощником вице-президента Еврокомиссии и комиссара по транспорту и энергетике, затем в Люксембурге занимался проблемами атомной энергетики и безопасности ядерного производства. Последние несколько лет является советником генерального директора российской компании «Норильский никель». Право занимать эти престижные должности ему дает диплом Оксфордского университета, где он изучал экономику и юриспруденцию: в обеих этих профессиях его отличают блестящие знания.

Вопросов о детстве и юности цесаревича, а также касающихся его личной жизни, я ему не задавал намеренно: все эти и многие другие сведения такого порядка можно найти в Интернете, интересующиеся могут пройти туда...

- Ваше Императорское Высочество, прежде чем мы перейдем к вопросам и ответам, позвольте, пусть и с заметным опозданием, выразить Вам искреннее соболезнование в связи с кончиной Вашей бабушки – Великой княгини Леониды Георгиевны, с которой Вас связывало не только кровное родство, но и верная дружба.

- Благодарю. Для нас это огромная потеря. Бабушке было уже много лет, в самые последние годы она плохо себя чувствовала. Но когда я вспоминаю, с какой молодостью духа она почти до 90-летнего возраста всеми силами старалась служить России, то восхищаюсь ею. Ей давала силы большая любовь к Ро-

дине, к Церкви, к каждому соотечественнику, с которым сводила ее судьба. Бабушка очень много мне дала. Я верю, что сейчас она молится за нас и за нашу страну в Небесном Царствии. А нам она оставила пример, на который следует равняться.

- Должен ли я обращаться к Вам с упоминанием титулов – или же, учитывая светский характер и неофициальность повода к беседе, могу Вас называть по имени и отчеству?

- Конечно, можно обойтись без титулов, тем более полных – а то у нас все интервью будет состоять из сплошных титулов (улыбается). Использование титулов уместно в официальной обстановке, да и то не следует этим злоупотреблять.

- Георгий Михайлович, Вы родились в Испании, образование получали в Англии и Франции, жили в Бельгии и Люксембурге... В то же время Вы – русский человек. К этому Вас привело лишь происхождение или же есть другие нити, которые связывают со страной по имени Россия – такие, как язык, культура, традиции?

- В России до революции слово «русский» обозначало не место жительства и даже не национальность, а принадлежность к великой русской цивилизации. Так и осталось во всем мире, кроме, к сожалению, самой России. У нас теперь словом «русский» называют того, кого в Российской Империи именовали бы «великороссом». Я родился за границей и пока постоянно там живу, мои предки принадлежат по крови почти ко всем нациям Европы, но я русский и по происхождению, и по культуре, и моя Родина – это Россия.

- Ваша мама, Великая княгиня Мария Владимировна в прошлом году открыла в Москве представительство российского Императорского Дома. Расскажите хотя бы в самых общих чертах – что стоит за понятием Императорский Дом? Каковы его функции и кем осуществляются?

- Для начала – маленькое уточнение. Канцелярия Императорского Дома действует в Москве с 1997 года и прошла государственную регистрацию в начале 2003-го. А в прошлом году было открыто представительство Канцелярии в Приднестровье.

Российский Императорский Дом, который до революции был государственным учреждением, в настоящее время не имеет

никаких политических функций. Но он остается исторической институцией, то есть корпорацией, имеющей бесспорную преемственность с момента своего основания. Наша династия служит России с XIII века. В 1613 году она была призвана на престол Земским собором, представлявшим все сословия нашего народа. После 1917 года мы оказались в изгнании, но, по милости Божией, смогли сохранить наши устои. Сейчас главой Императорского Дома является моя мать – Великая княгиня Мария Владимировна. Моя обязанность как ее наследника – во всем помогать ей и набираться опыта, чтобы продолжить ее дело и дело всех наших предков. Императорский Дом – это не просто генеалогическое понятие, это не совокупность всех родственников Романовых, а историческое родовое учреждение, для принадлежности к которому нужны не только происхождение, но и соответствие основным династическим законам и традициям. В современном мире главная функция династий, не находящихся у власти, заключается в сохранении и возрождении национальных традиций и патриотизма, в благотворительности, в защите прав и свобод граждан, в укреплении положительного образа своей страны во всем мире, в восстановлении духовного и материального исторического наследия. Мы не участвуем ни в каких формах политической борьбы и действуем только в общественной и культурной сфере.

- Тот факт, что именно Вам было предложено представлять в Евросоюзе интересы «Норникеля», мог стать поводом для слухов, будто главную роль в этом решении руководства компании сыграл Ваш высокий титул. Если такие слухи были, то как Вы на них реагировали?

- В нашей жизни всё взаимосвязано, но я точно знаю, что если бы у меня не было никаких других положительных качеств, кроме титула, то никто бы мне никаких предложений не сделал. В современной жизни династический статус может помогать, но может и здорово мешать. Он помогает в том смысле, что многие люди уважают Императорский Дом и доверяют ему больше, чем каким-то новым структурам, он заставляет меня самого с большей ответственностью относиться ко всем своим поступкам, чтобы не было стыдно перед предками и перед потомками. Но не будем забывать, что, с другой стороны, у многих людей титул, по

старой памяти, вызывает раздражение, что от тебя часто ждут чего-то большего, чем от остальных, а твои ошибки судят строже, чем просчеты других людей. Любая медаль, даже самая красивая и почетная, всегда имеет две стороны. Я с детства приучен не кичиться своим статусом, а сознавать, что это, прежде всего, долг. А полученное образование и опыт работы позволяют мне уверенно себя чувствовать и среди тех, кто ценит титулы, и среди тех, кто не придает им никакого значения.

- В чем состоят Ваши обязанности в «Норникеле» и часто ли они приводят Вас в Россию?

- Я являюсь советником Генерального директора «Норильского никеля» В.И. Стржалковского, который представляет в компании государственные интересы. В настоящее время моей задачей является разработка стратегии по защите интересов одного из крупнейших российских производителей в странах Евросоюза. Когда я принял предложение и заступил на должность, то в первую очередь посетил Норильск, чтобы увидеть, как живут сами рабочие, благосостояние которых зависит от успешности управления компанией и правильных действий на мировом рынке. Конечно, с тех пор, как я работаю в «Норильском никеле», я стал чаще бывать на Родине, и меня это радует.

- В интервью, данном три года назад газете «Комсомольская правда», Вы сказали, что собираетесь приехать в Россию на постоянное жительство, и выразили надежду, что (цитирую дословно) «...наше государство определит свое отношение к Императорскому Дому как историческому институту». В чем, по-Вашему, это должно проявиться, если учесть, что Россия в ее нынешнем состоянии вряд ли готова вернуться к монархии? Да и на пользу ли ей пошло бы такое возвращение?

- Здесь не нужно изобретать колесо. Почти во всех современных республиканских странах, в том числе в бывших коммунистических, императорские и королевские династии являются важным элементом гражданского общества и пользуются государственным признанием. Речь идет не о восстановлении монархии, а об уважении к своей истории и символизирующим ее институциям. Со стороны государства достаточно недвусмысленного признания, что Российский Императорский Дом с его тради-

циями и правовыми установлениями является неотъемлемой частью исторического наследия России. Абсолютно никаких политических и имущественных претензий и требований у нас нет. Но мы вправе ожидать уважительного отношения к нашей династии, которая много веков служит России. Что касается пользы от восстановления монархии, то мы верим в монархический идеал, но никому его не пытаемся навязать. Только граждане России обладают правом решать, какой образ правления им полезен. А мы будем стараться принести пользу своей стране, независимо от того, какой в ней политический строй.

- От души желаю (хоть, признаюсь, не очень в это верю), чтобы осуществились связанные с Вашим именем надежды Императорского дома Романовых и чтобы сами Вы оказались внутренне полностью к этому готовы. Вряд ли такая готовность будущего монарха возможна без глубокого знания истории государства, в Вашем случае – Российского. Насколько основательны Ваши знания в этой области ?

- Надежда у нас одна – остаться самими собой, сохранить наши традиции и принести пользу России в том качестве, в котором нас призывает Бог. А знание истории своей страны, да и мировой истории, необходимо всем, независимо от их положения и роли в государстве и обществе. Без изучения прошлого своей Родины невозможен истинный патриотизм: как можно гордиться своей страной, если ничего о ней толком не знаешь? Кроме того, исторические познания имеют практическое значение. Это вековой опыт предшествующих поколений, который необходимо анализировать точно также, как мы анализируем собственный жизненный опыт. Оценивать самому свои знания никогда не стоит, чтобы не попасть впросак. Нужно удерживать в памяти самое главное и необходимое, помнить, что по мере расширения кругозора площадь соприкосновения с непознанным только увеличивается, и, тем не менее, постоянно стремиться узнать больше. Абсолютно всё не знают даже профессиональные историки. Самое главное, чтобы ни у кого не было равнодушия к истории.

- Кто помогал Вам эти знания сформировать? Не казались ли они Вам некой обузой – сначала в детском, а затем и в юношеском возрасте, да еще в условиях Европы, кото-

рая жила и развивалась совсем по иным канонам, нежели Россия?

- Мои дедушка и бабушка были живыми носителями истории. Рядом с ними было немало их ровесников. Нашему поколению посчастливилось – мы последние, кто в более или менее сознательном возрасте успел пообщаться с людьми, помнившими дореволюционную Россию. Они точно знали, что наша история началась не в 1917 году, и не в 1991 году, а имеет глубокие корни. По сравнению со школой, узнавать от них о прошлом было интереснее, ведь они рассказывали о своей жизни не в сухих словах учебника, а с чувством. В школе, как и любому ученику, мне случалось лениться. Потом, в Оксфорде, когда обучение приобрело более добровольный характер, интерес стал глубже. Конечно, между тем, что я узнавал дома из бесед и чтения русских книг, и учебными программами европейских учебных заведений, существует немало различий, особенно относительно России. К сожалению, у иностранных авторов встречаются откровенно несправедливые и даже невежественные оценки нашей Родины. Понять историю чужой страны всегда сложно, а если еще историк позволяет себе необъективность, то совсем невозможно. Но когда мы сталкиваемся с такими явлениями, думаю, нужно не сердиться и не возмущаться, а постараться задуматься, почему к нам относятся предвзято. Если мы установим причину и сами будем честными, то нам удастся объяснить многим людям, что они заблуждаются. Россия – великая страна. У нее есть недостатки и исторические грехи, как и у всех государств, но она, по крайней мере, ничем не хуже других мировых держав. Сделать Россию Америкой, Францией или Англией невозможно, как невозможно эти страны заставить жить по русским обычаям. Нужно научиться уважать и понимать друг друга, признавая, что мы в чем-то похожи, а в чем-то, тоже очень важном и необходимом, – разные. Можно обмениваться друг с другом опытом, но ничего не следует навязывать. Красота мира – в его разнообразии, а не в унификации по чьим бы то ни было стандартам.

- Не берусь судить о других странах, но на протяжении веков в судьбе России история и литература были неразрывно связаны, питая одна другую. Как влияла на Ваше

мировоззрение русская классическая литература? А может, никакого влияния не было и быть не могло?

- Странная постановка вопроса. Влияния не могло не быть, ведь я никогда не жил в вакууме. Русская классическая литература влияет на мировоззрение не только русских, но и вообще всех людей во всем мире. Это одна из бесспорных общечеловеческих ценностей. Даже когда читаешь иностранных авторов, от английских и американских до японских и китайских, в их произведениях есть яркие отблески русской литературы. Я не встречал ни одного культурного человека, который бы не был знаком с творчеством Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова и на взгляды которого русская классика совершенно никак бы не повлияла.

- В интервью «Комсомолке», характеризуя свой интерес к российской кинематографии, Вы назвали фильмы Алексея Балабанова «Брат» и «Брат-2». О вкусах, как известно, не спорят, но я, прочитав Ваш ответ газете, подумал: неужели настолько плохи дела у кино России, что человек европейской культуры, воспитанный на шедеврах мирового киноискусства, не сумел припомнить ничего более достойного, чем национал-патриотический боевик, пусть и неплохого качества?

- Я никогда не утверждал, что «Брат» это шедевр мирового кино. Но не могу согласиться и с Вашей оценкой этого фильма. Если так рассуждать, то к очень многим классическим фильмам тоже можно приклеить ярлыки пропаганды войны, гражданской междоусобицы, бандитизма и различных пороков. Вспомните, как во времена Горбачева перестали показывать замечательную комедию «Ирония судьбы», объявленную рекламой алкоголизма... Не думаю, что стоит оценивать эти кинопроизведения столь линейно. Фильм «Брат» – кино о жизни потерянного поколения, лишённого истинных идеалов, но сохранившего русский менталитет, заставляющий инстинктивно искать Добро и бороться за него, хотя и далеко не всегда правильными методами. Национальное и патриотическое чувства, сами по себе, положительны. Для человека естественно любить свою семью и свой дом больше, чем другие семьи и дома, и свою страну и свой народ больше, чем другие страны и народы. Другое дело, что любовь к своему не

должна означать ненависти к чужому. А некоторые политики, увы, пытаются направить патриотические и национальные чувства по ложному пути ксенофобии, фанатизма и нетерпимости. Но в фильме «Брат» я этого не заметил. Там нет идеи превосходства какой-либо нации над другой, и вообще, по сути, нет однозначно положительных персонажей. Этот фильм ничего не пропагандирует, он заставляет задуматься. И с точки зрения игры актеров и организации съемок он вполне на мировом уровне. Еще мне понравился фильм П. Лунгина «Остров». А вот его же фильм «Царь» меня разочаровал. В отличие от глубокой попытки осмысления путей совершенствования человеческой души в фильме «Остров», фильм «Царь» – примитивная идеологизированная карикатура на трагический этап русской истории. Его не спасает даже талантливая игра отдельных артистов. Вообще, отчасти соглашусь с вами, что шедевров, подобных «Тихому Дону» или «Войне и миру», в России не создавалось очень давно. А попытки снять эти фильмы заново, явно проигрывающие старым фильмам, свидетельствуют о творческих проблемах современного российского кинематографа. Подождем и будем надеяться на лучшее.

- Насколько мне известно, Вы пока не обзавелись семьей. Но когда это произойдет, Вашей избранницей станет русская девушка – или для Вас национальный вопрос не главный?

- Для вступления в брак необходимо, чтобы я любил и уважал мою избранницу, чтобы она любила и уважала меня, понимала суть моего служения и была готова помогать мне. В законах нашей династии есть также ряд условий и ограничений относительно браков. Во-первых, поскольку я являюсь непосредственным наследником Главы Российского Императорского дома, моя будущая жена обязательно должна исповедовать православие или принять православие до заключения брака. Во-вторых, что не менее важно, на мой брак необходимо согласие моей матери – Главы Дома Романовых. Эти условия содержатся в базовом акте о наследии императора Павла I, изданном в 1797 году. Есть еще одно ограничение, которого не было изначально, добавленное императором Александром I в 1820 году. По ныне действующему законодательству российского Императорского Дома, что-

бы после моей смерти наследие осталось в нашей линии, мой брак должен быть равнородным, то есть моя невеста должна принадлежать к одному из царственных или владетельных домов. Это позднейшее ограничение, продиктованное международной ситуацией и внутренней политикой того времени. Его нередко подвергают критике. В первую очередь, некоторые иерархи Церкви, в том числе святитель Иоанн (Максимович) Архиепископ Шанхайский, указывали, что нововведение Александра I не соответствует многовековым русским православным традициям и способствует постепенному отчуждению династии от своего народа.

Вторым важным фактором является то, что большинство Королевских Домов Европы, в том числе царствующих, в период после Второй мировой войны отказались от принципа равнородности. В связи с этим его соблюдение теряет смысл даже с точки зрения той логики, которой руководствовался император Александр I. Получается, что строго династического происхождения уже не существует, и наследственность иностранной принцессы по одной из линий может оказаться гораздо хуже и проблемнее, чем у простой девушки из обычной хорошей семьи. Между тем, для нашей династии, много десятилетий прожившей в вынужденном изгнании, было бы полезно обрести спутниц из числа соотечественниц, которые помогли бы лучше понять жизнь современной России.

Принцип династической равнородности, возникший в Европе в XVIII веке и пришедший в Россию в XIX веке, себя исчерпывает и изживает. Рано или поздно от него придется отказаться. Но только в законном порядке и с безупречным духовным и правовым обоснованием. Нельзя забывать, что ныне действующий закон позволил нашему Дому после революции сохраниться как исторической институции и что мы, в силу статьи 39 Основных законов Российской Империи, приносим религиозную клятву – соблюдать все правила наследия без изъятия. Об этом также писал святой Иоанн (Максимович). Еще он писал, что закон может быть изменен по воле Главы династии и с участием Церкви, но пока он не изменен, его нельзя нарушать.

Короче говоря, непреодолимых препятствий для моего брака с соотечественницей, в принципе, нет. Но вопрос о возвраще-

нии к первоначальной редакции акта о наследии императора Павла I может быть решен не иначе как строго правовым путем, только Главой Императорского Дома и только с благословения Святейшего Патриарха, правомочного разрешить династию от клятвы, предписываемой статьей 39-й.

- В дважды упомянутом мной интервью «Комсомольской правде» Вы выразили надежду со временем получить российское военное образование. Вам недостаточно двух мирных профессий – экономиста и юриста? Или это дань заложенной еще Петром Великим традиции, по которой члены царской фамилии обязаны были «послужить Отечеству» в офицерских чинах и с этой целью бывали еще с рождения приписаны к какому-нибудь полку? Не кажется ли Вам, что Ваш поезд в этом направлении уже ушел?

- Знание военного дела – традиция нашей династии. Учиться не поздно никогда. Конечно, чтобы досконально пройти полный курс военного образования, нужно было начинать немного раньше. Тогда, к сожалению, мне такой возможности не предоставили. Однако прослушать курсы и ознакомиться с различными аспектами военного дела на практике, чтобы иметь представление о жизни Вооруженных Сил России, можно в любом возрасте. Вообще, никогда, ни в каком возрасте, не нужно думать, что твой поезд уже ушел. Даже если какой-то поезд и ушел, за ним следуют другие поезда: посмотри расписание и поменяй билет. Окончательно уходит только катафалк.

- Если Вас объединяет с Россией не только память о высокородных предках, не только интересы и надежды Императорского Дома, – в таком случае что еще? Ведь со стороны может показаться, что Вы, соглашаясь принять на себя (правда, пока лишь теоретически) бремя престолонаследия, просто по обязанности несете свой крест. Благородно и достойно уважения, – но не слишком ли мало для будущего наследника престола? Страной недостаточно править, ее надо любить. Как обстоит у Вас с любовью к России?

- Простите, но вы разделяете неразделимые вещи. Любовь лежит в основе всего. Без любви невозможно не только нести бремя ответственности за страну и за других людей, но и подметать улицы. У каждого из нас в этом мире есть своя миссия – у

кого-то большая, у кого-то меньшая. Но каждый человек достоин уважения, если он относится к своим обязанностям с любовью и честно. Добросовестный мусорщик в тысячу раз благороднее и выше, чем нечестный министр. Ну, а говорить о своей любви к России было бы как-то фальшиво. В этом вопросе мне бы особенно хотелось, чтобы обо мне судили по делам, а не по словам.

- Для того, чтобы молодой человек Вашего уровня и склада ума, воспитанный в духе европейской свободы и демократии, добровольно принял условия, мягко скажем, неустойчивой демократии, как это наблюдается в нынешней России, нужны особые мотивации. Каковы они в Вашем случае?

- В принципе, чем трудней, тем интересней. Родину не выбирают. У России есть великие достоинства и великие недостатки. Но в ней нет серости, равнодушия, ограниченности и самодовольства. Русские люди, как и все, ошибаются, иногда делают страшные необъяснимые вещи. Однако у них есть великое положительное качество – они склонны постоянно искать Истину и Правду. Если я смогу быть полезным моей стране в сложный период ее существования, причем совсем не обязательно на престоле, это гораздо ценнее и приятнее, чем просто пользоваться благами, которые создали другие и без твоего участия.

- Надеетесь, что со временем Россия может вернуться к монархической форме правления, и если не Вас или Вашего сына как возможных наследников престола, то хотя бы внука Вашего позовут на царство?

- Монархическая идея – это идея Государства-Семьи. Она не умрет, пока существует человечество. Когда монархия будет реально востребована в России, и будет ли, знает только Господь. Мы живем по принципу: делай что должно, и будь что будет. Было бы глупо и смешно сидеть и мечтать: позовут ли меня или моего внука на царство? Для тех, кто понимает, что это такое, это скорее не предмет мечтаний, а перспектива навсегда расстаться со всеми радостями жизни. Романовы, начиная с Михаила Феодоровича в 1613 году, никогда не стремились к власти. Но если соотечественники когда-либо призовут легитимного главу Династии, кто бы им ни был на тот момент, он исполнит свой долг.

P.S. Моя признательность за помощь в организации этого интервью – жительнице Мадрида, бывшей москвичке Светлане Ильиничне Эткиной и директору Канцелярии Главы Дома Романовых Александру Николаевичу Закатову.

Элеонора ПРОЯЕВА

ЧТЕНИЕ КАК «АНТИМАТРИЦА»

Каждый раз, начиная со своими студентами разговор о новой для них книге, я пытаюсь найти аналогию этой книги с фильмом, в основном современным. Раньше, лет 10-15 назад, я пыталась найти в их памяти аналогию с прочитанными ими книгами. Но это было малоэффективно, вот и пришлось перейти к кинематографическим аллюзиям. Оказалось, работает, и достаточно успешно. Например, вводя их в пространство «Дивного нового мира» Олдоса Хаксли, я начинаю с вопроса, видели ли студенты «Матрицу» братьев Вайчовских. Часть из них видела этот «древний», 1999-го года, шедевр мировой кинематографии. И с этого места с ними можно подробнее беседовать о Хаксли и его антиутопии.

Для меня «Матрица» – это всё, что сковывает человеческую личность, всё, что мешает каждому из нас видеть ясную картину мира. Это – суррогат реальности, который масс медиа заставляют нас принять как истину. Но истина требует, чтобы её искали, чтобы ради неё прошли испытания, получили знание через страдания. И так было всегда.

Но времена изменились: наступила эра, если можно так сказать, «визуальной оккупации» в информационно-образовательном пространстве. Телевизионная и прочая видеоинформация становится более востребованной по сравнению с информацией,

поступающей через печатное слово (о радио здесь я не говорю). Уровень критичности при восприятии визуальной информации гораздо ниже, а вот возможности манипулирования сознанием на порядок выше. «Матрица» наступает и очень часто выигрывает.

Сегодня цивилизация страдает от ускорения жизненного темпа, от неистовства жизни. Ослабляется чувство прошлого и будущего в угоду чувству настоящего, стремительно снижаются ценности интеллекта, сложного размышления и мудрости в угоду поверхностности и чувственности, чрезмерному покупательскому интересу и коммерциализации¹. Я бы добавила к этому еще эффект фрагментарного восприятия реальности, который превращается в привычку. Это портрет человека с телевизионным пультом от 60-ти каналов в руках. Эту привычку фрагментирования реальности он переносит и на чтение, которое носит не постоянный, а «время-от-времени» характер и/или состоит в том, что читается не ВСЯ книга, а только её части, случайные или намеренно выбранные для чтения кем-то другим.

Фрагментированное, этически мало мотивированное на понимание сознание не может иметь личность, способная на независимое, свободное мнение. Не-целостный человек не может организовать вокруг себя целостное, гармоничное пространство. Любое человеческое пространство формируется мыслями тех, кто его составляет. Об этом говорил В.И. Вернадский: « [Человек] может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше».² Учёный доказал, что научная мысль есть планетное явление. Но не только научная, а ВСЯКАЯ мысль есть планетное явление. Если мы хотим видеть глобальное пространство удобным для жизни всего человеческого сообщества, каждый член его обязан иметь ментальное представление об этом идеале и стремиться к нему. А если вместо цельного представления – осколки реальности? Люди, в руках которых находятся масс медиа, есть хозяева «Матрицы», они манипулируют нашими представлениями о реальности благодаря тому, что

¹ The Pursuit of Wisdom and the Future of Education, Tom Lombardo, Ph.D.

² Яковлев Валерий. Что такое ноосфера В.И. Вернадского? - <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-13562/>

люди утрачивают цельное мышление. И это не теория заговора, нет. Правила игры остаются прежними, а хозяева – меняются.

Что делать, чтобы не потерять умение формировать и формулировать собственное мнение, таким трудом добытое человечеством в процессе долгой культурной эволюции? То умение, за которое шли в темницу, на костёр, в ГУЛАГ. То умение, о котором сегодня все реже вспоминают, усаживаясь по вечерам перед очередным телесериалом или заглядывая, чтобы назавтра забыть, очередную книжицу массового разлива – детектив, триллер или мелодраму, или практическое руководство как заработать миллион /стать стервой. То умение, благодаря которому человек может при любых обстоятельствах жить с достоинством и вызывать уважение? Ответ один: читай – и будешь чтим (афоризм - © Талант Джолдошбеков).

Все большие истины – просты. Чтение, как форма самообразования, выращивает личность. Личность, которая, подобно Нео из фильма «Матрица», откажется от синей таблетки и возьмёт красную, чтобы почувствовать боль познания и в муках родиться заново. Он не хочет, чтобы им управляли, он хочет ВИДЕТЬ РЕАЛЬНОСТЬ. Двадцать пять столетий назад Платон в диалоге «Государство» описал нас с вами – сегодняшних: *«... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная... невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол»³. Я выделила самые важные, с моей точки зрения, слова в этом высказывании, чтобы яснее представить Платонову метафору: мы сегодня живем в тесном, как комната старьевщика, информационном пространстве. В нём не хватает места для того, чтобы взмахнуть крыльями и взлететь. В нём мало воздуха, чтобы свободно ды-*

шать и думать. Куда смотрят эти люди, сидящие в пещере, закопанные в кандалы привычки? Они уставились в блики и отсветы реальности на стенах своей пещеры – в телевизоры. Вот их одноклазый гуру, их оракул, их источник истин. Они настолько втянуты в это процесс, что не замечают кандалов. Им хорошо. Они почти счастливы. Счастливы, потому что забыли на время этого гипнотического созерцания о своих нерешенных вопросах. О тех вопросах, которые никто, кроме них, решить не может, но они сами уже на это не способны или не отваживаются.

Телевизор (матрица) штампует наше сознание. Особенно грустно, когда он не моргает, т.е. не переключается на другой канал. И вот возникает на пути этих узников – нас с вами – книга, которая предлагает иной, чем в «ящике», взгляд на реальность. И большинство – увы! – отвернутся от слишком сложного, слишком интеллектуального, от того, что «грузит». «Тут за день так накувыркаешься», т.е. проблем и в реальной жизни хватает – так объясняют те, кто может прочитать подряд несколько книг Донцовою, чтобы назавтра сказать: да это я так, для разрядки. Самое забавное в этой аргументации для меня – то, что её сторонники искренне уверены в том, что литература (= книга) не имеет ничего общего с реальностью. То есть, книга – отдельно, а жизнь – отдельно. Они должны отвернуться от жизни, чтобы получить удовольствие! Ах, как это похоже на узников пещеры, забавляющихся бликами на стене, вместо того, чтобы увидеть красоту самого огня, эти блики отбрасывающего! Они «зажмурятся», «отвернутся» от книг Умберто Эко и Милорада Павича, Камю, Борхеса и толстых романов Фаулза, Пастернака и второй части Гётевского «Фауста». От книг они требуют «простоты», что на самом деле есть требование упрощенности: дайте нам картинку простую и ясную, а то мы с этой жизнью совсем запутались. Где-то в глубине души они понимают, что их обманывают (или не понимают?), но они готовы принять этот обман, лишь бы самим не отвечать на вопросы, которые ставит перед ними быстроменяющаяся жизнь. Настоящая книга никогда не даст вам однозначно ответа на вопрос. Она, во-первых, потребует, чтобы вы точнее его сформулировали, а во-вторых – чтобы сами его искали, т.е. соотносили то, что прочитаете в этой книге, с тем, что увидите-услышите-узнаете-разведаете сами. От вас требуется интеллек-

³ Платон. Миф о пещере - http://www.newacropol.ru/Alexandria/philosophy/Philosophs/Plato/Uchenie_Plato/Plato3/

туальная работа, которая сегодня не входит в топ-десять в общей системе ценностей. И за вами выбор – принять эти нелегкие правила или отбросить «слишком сложную» книгу, отдав предпочтение той, что проще: *«Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх – в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит, и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?...»* (это снова Платон, из той же его книги).

Картина, однако, не так мрачна, как может показаться из этого описания. Когда я попросила моих студентов АУЦА перечислить книги, которые они прочитали за последний год, список этот успокоил бы самую строгую школьную учительницу литературы: Воннегут и Войнич, Оскар Уэльс и Эрнест Хемингуэй, и даже Ницше с Теккереем, Михаил Булгаков, Ремарк, Тургенев и Айтматов (практически каждый год список выглядит именно так – очень прилично). В этот раз я с большим изумлением обнаружила в нём Германа Мелвилла, «Моби Дик». Возможно, читатель нашел сюжет занимательным, хотя у книги этой, как у хемингуэевского айсберга, многое сокрыто, и только оттачиваемый долгим опытом инструмент читателя позволит вам нырнуть и увидеть его подводную часть.

Есть у молодых читателей свои кумиры. Уже который год они стоят в списке самых почитаемых авторов. Это Пауло Коэльо и Дэн Браун. К ним два года назад добавилась Стефани Майерс с «сумеречной» сагой. Почему их так увлеченно читают? Я себе это объясняю так. В мире утрачено доверие к традиционным институтам знания и морали – церкви, семье, школе. Об этом рассказывают правдивые «страшилки» режиссёра Валерии Гай

Германик – «Школа» и «Все умрут, а я останусь»; фильм «Россия 88» Павла Бардина (Россия, 2009), «Американская история Х» (USA, 1998, Тони Кауе), книга Санаева «Похороните меня за плинтусом», романы Людмилы Улицкой, Татьяны Толстой и Людмилы Петрушевской, Виктора Пелевина; последний роман Чингиза Айтматова «Вечная невеста», роман «Феникс» Турусбека Мадылбая, сочинения Basilevs'a на www.diesel.kg. Я назвала только то, что сразу пришло мне на ум. Это для меня самые яркие картины современности. В мире дефицит добра, мудрости, милосердия, романтики. Агрессия, невежество, беспощадность, неистовство страстей утомляют, рождают скуку, пустоту. Тяжесть познания – легка, пустота – невыносима. Отсюда тяга к рецептам добра, пусть даже изложенным Пауло Коэльо по-аптекарьски дотошно и заботливо; к примерам романтики от Стефании Майерс; к вольному и не обременительно рассказанному сюжету из церковной истории (Дэн Браун). Люди ищут ответы на непростые вопросы – «подсаживаются» на книги Айн Рэнд⁴, на книги Бернара Вербера; есть свои читатели среди молодёжи и у Карла Маркса. Только читают Маркса сегодня иначе, чем 20 лет назад, – как философа, а не как идеолога.

Я надеюсь, что множество каналов, по которым доходит до моих студентов информация, а также их воля знать истинное положение вещей, – всё это есть прививка от «матрицы». Это исходный пункт, из которого начинается их движение к свету, к реальности, даже если она не так прекрасна, как хотелось бы. Принимая её, как она есть, они взрослеют. И дело не в седой бороде, которая, согласно восточной пословице, есть и у козла. Дело в том, чтобы осознать свою непросвещенность и набраться смелости, согласиться на боль познания, сделать привычкой высокую тягу к свету (а не низкую тягу к дивану с гляncем в руках или с пультом ТВ). Великий хирург Илизаров лечил своих пациентов, вытягивая им позвоночники, через боль. Чтение настоящей литературы – подобие такого самовытягивания к свету, к знанию.

К сожалению, современный читатель остался один на один со стихией слова. У него нет гидов, это осложняет задачу оценки литературного текста. Как пишет философ, современная литера-

⁴ Антиутопия «Атлант расправил плечи» – самая известная из книг Айн Рэнд - www.aynrand.ru

тура утратила культурную миссию⁵. На мой взгляд, задача всех, кто, имеет дело с литературой, состоит в том, чтобы дать читателям понять, чем отличается хорошая книга от плохой. Я уважаю тех, кто стремится выразить себя в прозе или поэзии. Но в любом случае должны оставаться неизменными критерии высокой литературы. Человек свободен – но есть закон, и он суров. Так?

Мы хотим быть причастны к настоящей литературе. Мы хотим понимать, чем она отличается от «макулатуры». Мы можем собираться вместе и обсуждать это. Это делает инициативная группа молодых авторов «Ковчег» (страничка на сайте www.literatura.kg), у которой есть традиция совместных обсуждений книг и обмена ими. Это путь формирования привычки к чтению, своего рода работа лощмана в книжном море. Есть надежда, что те, кто приходит на эти встречи, поймут, разницу между массовой (для «пещеры» и «Матрицы») литературой и литературой высокой пробы.

Не следует относиться к книгам как к пилюлям «от живота и головы». Для меня критерии хорошей книги таковы:

- она не дает рецептов;
- она имеет открытый конец (то есть пространство, за которым ты можешь дать волю своим способностям понимать и воображению);
- она открыта изменяющемуся миру (т.е. не перестает быть интересной во все времена);
- она доставляет наслаждения самого разного рода – чувственные, интеллектуальные, эстетические.

Причем, главный «урок» такой книги – она не дает никаких уроков, кроме одного: живая жизнь интереснее любой книги. После прочтения книги выйди из неё и живи, понимая сложность жизни, её текучесть, изменчивость, пластичность материального и духовного в ней; в настоящей книге – «всё названо – и всё сокрыто» (Бэлла Ахмадуллина); в ней нет ничего придуманного (даже если её герои – хоббиты, хронопы и фамы или человек по

⁵ Об этом пишет в своей статье «Политика и гуманитарное образование» Джон Р. Серл 1932 г.р., доктор философии, профессор Миллевской кафедры философии сознания и языка в Университете Калифорнии (Беркли); из недавно вышедших книг - «Сознание, язык и общество: философия в реальном мире» (Basic Books, 1998) - <http://www.strana-oz.ru/?article=139&numid=2>: журнал для медленного чтения «Отечественные записки»

имени Чашажишин), в ней есть только угаданное («как я угадал!» – говорит булгаковский Мастер).

Я верю Платону: «...у каждого в душе есть такая способность (способность знания – Э.А.); есть у души и орудие, помогающее каждому обучиться. Но как глазу невозможно повернуться от мрака к свету иначе, чем вместе со всем телом, так же нужно отвратиться всей душой ото всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия и того, что в нем всего ярче, а это, как мы утверждаем, и есть благо. Не правда ли?»⁶

Благодаря этой нашей способности есть надежда на то, что человек способен устоять против давления «Матрицы», в каком бы виде она не проявлялась. Чтение хорошей книги, я уверена, играет здесь главную роль.

⁶ Платон. Миф о пещере - http://www.newacropol.ru/Alexandria/philosophy/Philosofs/Plato/Uchenie_Plato/Plato3/

Коротко об авторах

Александр Иванов

Родился в г. Чимкенте в 1938 году. Окончил Киргосуниверситет, филфак. Работал в республиканских газетах, на телевидении, в ЦК Компартии Киргизии. С 1984 года – главный редактор «Литературного Кыргызстана». Оставаясь в этом качестве, был десять лет собором «Литературной газеты», а с 2003 года – главным редактором издательства «Жизнь замечательных людей Кыргызстана». Автор пятнадцати книг документальной и художественной прозы. Заслуженный деятель культуры КР.

Виктор Кадыров

Родился в 1955 году в городе Бишкеке (Фрунзе). Окончил Политехнический институт, специальность – инженер-электрик. С 1992 года работает в книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано более 60 книг по природе, истории и этнографии Кыргызстана. С 2003 года издательство выпускает сборники сказок и сказочные повести, написанные Кадыровым на основе киргизских народных эпосов. Им также изданы три прозаических сборника – «Коровы пустыни», «Золото Иссык-Куля» и «В поисках дракона».

Александр Крячун

Родился в 1951 году в селе Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области. Там же в 1968 году окончил 10 классов. Служил в армии, в ракетных войсках. В 1974 году окончил Фрунзенский политехнический техникум. С 1974 по 2002 год работал в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии. Как самодеятельный художник неоднократно выставлял свои картины на выставках Бишкека.

С 2002 года живет и работает в Санкт-Петербурге. Ежегодно приезжает в Кыргызстан. Неоднократно публиковался в «ЛК».

Николай Марусич

Родился в Бишкеке (Фрунзе) в 1951 году. Окончил Свердловское театральное училище, работал актером в театрах драмы в Свердловске, Джамбуле. С 1977 по 1994 гг. – актер Русского Драматического театра Бишкека; в 1994 году открыл частный продюсерский центр «Марко». Кроме работы на театральной сцене, снимался в нескольких десятках художественных фильмах. Кроме того, им записано 7 CD альбомов, где он выступает не только как исполнитель, но и

как автор и композитор песен. «Отличник Культуры КР», Лауреат премии фонда «Ата-Тюрк» с вручением Золотой Медали «за выдающийся вклад в культуру народа Кыргызстана, общественный прогресс и достоинство».

Владимир Михайлов

Родился в Москве в 1957 г. Окончил ВГИК (Всесоюзный Государственный институт кинематографии). Прозаик, поэт, историк кино. Предыдущие публикации: поэтический сборник «Семицветье» (1991), книги «Киргизия на экране» (1998 г.), «Кинолента памяти» (2007 г.), монография «Киргизская мультипликация как национальный феномен» (1987 г.). Член Союза кинематографистов КР. Живёт в Бишкеке.

Элеонора Прояева

Филолог, литературный критик. Родилась в городе Фрунзе. Закончила Киргизский государственный университет. Преподаёт литературу в Американском университете в Центральной Азии. Вместе со своими друзьями создала инициативную группу молодых авторов «Ковчег».

Валерий Сандлер

Родился в 1940 году на Украине. Журналист. Многие годы работал на радио, в газете «Вечерний Фрунзе», зав. отделом публицистики, ответсекретарем «Литературного Кыргызстана». Автор книг «Не время ждать отбоя», «Верность трудовому слову», «Опечатка». В начале 90-х годов уехал в Америку, работал редактором отдела газеты «Новое русское слово». Ныне, постоянно проживая в США, выпустил одну книгу и готовит вторую – «Чем дальше, тем роднее».

Светлана Суслова:

Родилась в 1949 году в г. Чита РСФСР. С 1952 года по настоящее время живет в г. Бишкеке (ранее – Фрунзе). Поэт, переводчик, лауреат премии ВЛКСМ, заслуженный деятель культуры Киргизской Республики. Автор тринадцати оригинальных поэтических сборников и более двух десятков переводных – с киргизского, арабского, уйгурского, фарси. Заместитель главного редактора журнала «Литературный Кыргызстан».

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой

Подписано в печать 23.11.2010 г. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 12. Заказ 83.